This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

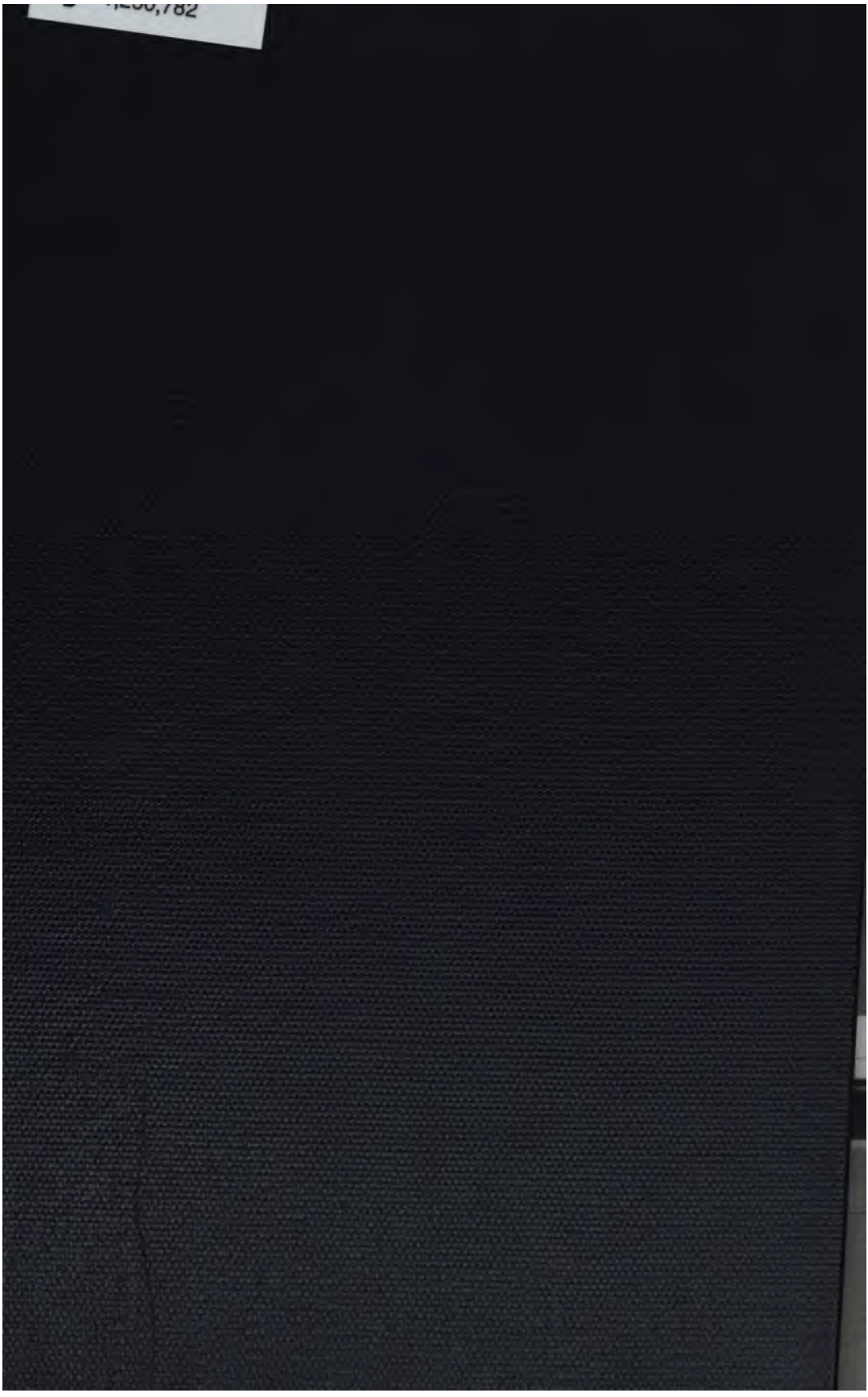
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`



PROPERTY OF
The University of Michigan Libraries
1817
ARTES SCIENTIA VERITAS

PROPERTY OF
The University of Michigan Libraries
1817
ARTES SCIENTIA VERITAS

8008 i 2

Левъ Тихомировъ.

Tikhomirov, Lev Alexandrovich

МОНАРХИЧЕСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Происхожденіе и содержаніе Монархическаго принципа.

МОСКВА.
Университетская типографія, на Страстномъ бульварѣ.
1905.

D.T. Front

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Стр

Предисловіе 1

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Источники власти въ обществѣ.

Глава I. Психологическія основы общественности 5
Глава II. Психологическія основы власти 9
Глава III. Цѣли общественной власти. Порядокъ. Осуществленіе правды 15

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Государство и верховная власть.

Глава IV. Государство, какъ завершеніе общества и охрана свободы. Неизбѣжность государственности 22
Глава V. Содержаніе государственности 26
Глава VI. Структура государства и его составные элементы 32

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Власть верховная.

Глава VII. Власть верховная и управительная 38
Глава VIII. Простота принципа верховной власти 49
Глава IX. Единство верховной власти и раздѣленіе властей управительныхъ 53
Глава X. Причина необходимости управительныхъ властей. Законъ предѣльности дѣйствія и раздѣленія труда. Дѣйствіе прямое и передаточное 56

Стр.
Глава XI. Принципъ представительности верховной власти. Классъ политикановъ. Бюрократія 61
Глава XII. Принципы власти и образы правленія..... 65
Глава XIII. Основныя формы власти суть типы, а не фазисы эволюціи власти 72
Глава XIV. Внутренній смыслъ основныхъ типовъ власти . 76

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Общія основы монархіи.

Глава XV. Общія соображенія..... 79
Глава XVI. Значеніе религіозныхъ представленій 81
Глава XVII. Реальность религіозныхъ вліяній..... 87
Глава XVIII. Религіозный элементъ въ единоличной верховной власти 89
Глава XIX. Нравственный отпечатокъ религіозной идеи.. 93
Глава XX. Монархическое начало въ связи съ явленіями соціальнаго строя..... 97
Глава XXI. Вліянія внѣшней и внутренней политики 101
Глава XXII. Политическая сознательность 107
Глава XXIII. Разновидности монархической власти 110

Опечатки 119

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предметъ предлагаемой книги составляетъ принципъ *Монархической* власти, его сущность и условія его дѣйствія. Но для того, чтобы выяснить какъ существо, такъ и условія возникновенія и дѣйствія его—я долженъ былъ предварительно обрисовать общія основы *государственности*.

При всемъ желаніи быть краткимъ—я совершенно не могъ избѣжать, при этомъ, обрисовки психологическихъ основъ самаго факта власти, изъ которой возникаетъ власть Верховная, представляемая между прочимъ и монархическимъ принципомъ.

Такимъ образомъ мнѣ пришлось войти также въ установку основныхъ принциповъ Государственнаго Права, которые я не всегда могу принять въ ихъ обычномъ школьномъ истолкованіи.

Точно также я не счелъ возможнымъ обойтись безъ нѣкоторыхъ историческихъ поясненій своихъ общихъ выводовъ о сущности Монархическаго принципа. Это конечно чрезвычайно расширило мою работу. Но мнѣ кажется, что историческая обосновка моихъ выводовъ, въ дѣйствительности, требовала бы еще гораздо болѣе обширныхъ объясненій.—Лишь съ крайнимъ прискорбіемъ я ограничиваюсь краткими указаніями по исторіи восточныхъ Монархій, и по Европейской Монархической государственности. Еще болѣе чувствительный пробѣлъ составляетъ отсутствіе обрисовки монархій Дальняго Востока. Къ сожалѣнію, это предметъ, который я не имѣю возможности ввести въ книгу, не рискуя затянуть до неопредѣленнаго будущаго ея изданія.

Итакъ, первыя три части моей книги состоятъ въ выясненіи условій возникновенія Монархическаго принципа и его сущности. Послѣдняя часть должна обрисовать условія его дѣйствія—то-есть дать очеркъ *монархической политики*.

Таковы общія рамки книги.

Общая мысль настоящаго изслѣдованія не впервые является передъ читателями. Еще въ 1897 году я опубликовалъ книгу, раньше появившуюся отдѣльными статьями въ «Русскомъ Обозрѣніи»—«Единоличная власть, какъ принципъ государственнаго строенія».

Эта книга давала очеркъ тѣхъ же идей, какія развиваетъ нынѣ публикуемая «Монархическая государственность». Въ виду того, что «Единолшчная власть» уже давно не существуетъ въ продажѣ, я гдѣ возможно ввожу отдѣльные ея отрывки въ настоящее изслѣдованіе, при надобности, ихъ перерабатывая. Тѣмъ не менѣе нынѣ публикуемая «Монархическая государственность» не есть новое изданіе «Единоличной власти» и вмѣсто 136 страницъ, какія имѣла «Единоличная власть»—составляетъ въ четырехъ частяхъ, примѣрно, свыше 600 страницъ того-же размѣра.

Несмотря на эти значительные размѣры—я сознаю—книга моя оставляетъ многого желать и по полнотѣ матеріаловъ и по обработкѣ предмета. Но я надѣюсь, что она все-таки дастъ нѣчто для расширенія русской *политической сознательности*.

Покойный Чичеринъ говорилъ, что Исторія есть въ значительной степени повѣствованіе объ ошибкахъ правителей.

Мнѣ кажется, что исторія есть въ значительной степени повѣствованіе о вообще крайне малой человѣческой сознательности въ дѣлѣ устроенія своего политическаго строя. Это одинаково проявляется въ монархіяхъ и республикахъ, у правителей и у народовъ.

Величайшую пользу людямъ приноситъ, по моему сужденію, все то, что сколько нибудь увеличиваетъ вѣчно недостающую имъ политическую сознательность, то-есть пониманіе тѣхъ законовъ, которыми живетъ человѣческое общество и государство.

Если мнѣ удалось замѣтить и указать кое-что вѣрное, но упускаемое доселѣ изъ виду въ области дѣйствія того политическаго принципа, которому посвящена настоящая книга,—то я буду считать, что трудился не безплодно.

Левъ Тихомировъ.

18 декабря 1904 года.

ОТДѢЛЪ I.

Источники власти въ обществѣ.

I.

Психологическія основы общественности.

Что связываетъ людей въ общество? Что, стало быть, лежитъ въ основѣ общественности и, стало быть, опредѣляетъ ея законы? Какъ ни различны философскія понятія о душѣ, какъ ни трудно для современнаго ученаго допустить нѣкоторое самостоятельное духовное начало,—въ отвѣтъ на поставленные выше вопросы все чаще начинаютъ указывать на *психологію*. Не въ какихъ-либо внѣшнихъ, но во внутреннихъ, психологическихъ условіяхъ всѣ чаще ищутъ разгадку факта общественности.

«По мѣрѣ того, говоритъ—Эспинасъ *), какъ наблюдатель удаляется отъ первыхъ фазъ жизни, онъ замѣчаетъ все чаще и чаще, что группировка живыхъ существъ совершается уже не подъ импульсомъ физико-химическихъ силъ и физіологическихъ побужденій, но подъ вліяніемъ все болѣе чувствуемыхъ склонностей и влеченій. Передъ его глазами происходитъ незамѣтный переходъ отъ внѣшняго къ внутреннему, отъ болѣе или менѣе сложной игры движеній къ обмѣну представленій и отъ хотѣній къ сознанію».

Тотъ же *психологическій* элементъ отмѣчаетъ Альфредъ Фулье. Стараясь синтезировать, какъ онъ выражается, мате-

*) 1 *Соціальная жизнь животныхъ*, стр. 44.

ріалистическія и идеалистическія школы соціологіи, онъ приходитъ къ выводу, что человѣческое общество представляетъ, въ отличіе отъ біологіи, организмъ «добровольный и сознательный». «Сила связывающая части общественнаго тѣла, повидимому, не одной природы съ той, которая связываетъ части въ тѣлѣ животнаго или растенія: послѣдняя—относительно безсознательная, первая же сознательная *).

Густавъ Лебонъ доходитъ даже до почти мистическаго отношенія къ этой психологической основѣ общества. Онъ говоритъ о «душѣ народовъ» и утверждаетъ, что даже для классификаціи народовъ наплучшія основы даетъ *психологія*. «Въ подкладкѣ учрежденій, искусствъ, вѣрованій, политическихъ правительствъ каждаго народа находятся извѣстныя моральныя и интеллектуальныя особенности, изъ которыхъ вытекаетъ его эволюція». Поэтому, по Лебону, «основанія для классификаціи, которыхъ не могутъ дать анатомія, языки, среда, политическія группировки,— даются намъ психологіей **).

Оставляя въ сторонѣ такія утвержденія, идущія быть можетъ далѣе прямого содержанія фактовъ, нельзя однако не признать, что психологическія основанія общественности становятся для соціологіи совершенно неизбѣжнымъ выводомъ.

Дѣйствительно, соціологія въ концѣ концовъ принуждена признать, что въ *общественности* мы имѣемъ передъ собою *законы кооперації*. Въ то же время приходится признать, что законы кооперації совершенно одинаковы повсюду, гдѣ мы ихъ ни наблюдаемъ, какъ въ біологіи, такъ и въ соціологіи. Но при такихъ посылкахъ, становится совершенно очевиднымъ, что сами особи, вступающія въ кооперацію, въ обоихъ случаяхъ, т.-е. въ біологіи и въ общественности, существенно различны, такъ что кооперируютъ на почвѣ вовсе не одинаковыхъ способностей или свойствъ.

Какія «особи» кооперируютъ въ біологіи, въ мірѣ явленій органической матеріи? Беря схематически — это простыя, не спеціализированныя клѣточки, почти кусочки протоплазмы, ода-

*) „*Современная наука объ обществѣ*“, стр. 114.

**) „*Психологія народовъ и массъ*“, стр. 10.

ренные нѣкоторой общей способностью жизни, движенія, смутнаго ощущенія и уподобленія. Ихъ кооперація, ихъ совмѣстное дѣйствіе даже немыслимы иначе, какъ при непосредственномъ сращеніи, для котораго онѣ имѣютъ большую способность и не представляютъ почти никакихъ препятствій. Міръ простѣйшихъ животныхъ, и такъ называемыя колоніальныя животныя, представляютъ множество наглядныхъ примѣровъ этого.

Срастаніе низшихъ животныхъ, какъ губокъ, полипняковъ— вообще явленіе обычное. Точно также извѣстно и распаденіе на составныя части: такъ морская звѣзда, пойманная въ сачекъ, мгновенно разсѣивается на части и обломки ея проскальзываютъ обратно въ море.

Нѣтъ ни надобности, ни даже основаній разсматривать животное, организмъ,—какъ нѣчто происшедшее путемъ сращенія первоначально свободныхъ клѣтокъ. Но характеръ низшихъ животныхъ объясняетъ природу клѣточки, показываетъ намъ что срастаніе при кооперації соотвѣтствуетъ самой природѣ біологической особи. А по сращеніи — универсальность смутныхъ жизненныхъ способностей клѣтки допускаетъ ея очень быструю спеціализацію, т.-е. превращеніе въ простой органъ.

Такова картина кооперації біологическихъ особей.

Но таковы ли особи, вступающія въ кооперацію соціологическую?

Нѣтъ, это уже не клѣточки, а организмы. Да и въ кооперацію вступаютъ даже не сами организмы, выражаясь языкомъ біологіи, а только ихъ нервные центры. Когда нѣсколько волковъ соединяются въ стаю, кооперируютъ не сами по себѣ ихъ зубы или лапы, не сами по себѣ тѣла ихъ, а ихъ нервные центры, лишь принуждая каждый свое тѣло, свои зубы и лапы помогать другимъ сотоварищамъ по кооперації. Смотря на общество глазами біолога, мы должны назвать общество кооперацією нервныхъ центровъ. Но при этомъ само собою ясно, что нервные центры могутъ кооперирорать только на почвѣ силъ и способностей, свойственныхъ именно имъ. А что такое нервный центръ, съ точки зрѣнія біологіи? Это клѣточка, или агрегатъ клѣточекъ, спеціализированныхъ не

на движеніи, не на уподобленіи, не на какомъ либо частномъ чувствѣ воспріятія, а на функціяхъ представленія и регуляціи, т.-е. на способностяхъ сознанія, ощущенія и воли. Только на почвѣ этихъ способностей и возможна кооперація нервныхъ центровъ, т.-е. и самихъ организмовъ.

Такимъ образомъ законы кооперацiи, возможной для животныхъ и человѣка—при возникновеніи среди нихъ общественности—суть законы кооперацiи *чувствъ, представленій* и *желаній*, кооперація того, что составляетъ нашъ психологическій міръ. Законы общественности, а, стало быть, и гражданственности и политики развиваются изъ психическаго источника. Это несомнѣнно до полной очевидности.

Само собою разумѣется, что эта точка зрѣнія, указывающая исходный пунктъ соціологіи въ психологіи, не устраняетъ по существу спора о томъ, что такое наша психика, что такое духовное начало, самобытно ли оно и отлично ли по существу отъ силъ мертвой природы и т. п. Но все это входитъ уже въ область философіи или психологіи, а не соціологіи. Для соціологіи исходный пунктъ составляетъ, во всякомъ случаѣ, міръ человѣческихъ представленій, чувствъ и желаній въ ихъ ясно наблюдаемыхъ проявленіяхъ. Спиритуалистическое или матеріалистическое опредѣленіе этихъ психологическихъ свойствъ хотя и не можетъ не отражаться на нашихъ соціологическихъ представленіяхъ, но лишь очень косвенно. Во всякомъ случаѣ никакой философскій матеріализмъ не можетъ приводить соціологію къ такому нелѣпому для нея міровоззрѣнію, какъ, напримѣръ, экономическій матеріализмъ.

Психологическія основанія общественности ничуть не отрицаютъ значенія вліяній внѣшнихъ и матеріальныхъ. Но всѣ эти вліянія дѣйствуютъ на общественную среду не прямо, а отражаясь и перерабатываясь въ нашей душѣ, въ нашей внутренней сферѣ чувства, желанія и представленія. При этомъ, въ зависимости отъ нашей философіи, мы можемъ спорить, была или не была когда то, въ какомъ то непредставимо далеко прошломъ,— душа наша нѣкоторою tabula rasa, на которой внѣшнія вліянія вписали постепенными наслоеніями

ея содержаніе. Однако и тутъ довольно ясно, что если бы внѣшнимъ вліяніямъ не въ чемъ было отражаться и перерабатываться, то они не могли бы создать и никакихъ наслоеній. Нѣкотораго первичнаго содержанія души нельзя отрицать. Но всѣ эти философскіе споры очень мало касаются соціологіи.

Соціологія начинается не въ тѣхъ безднахъ хаоса, гдѣ ничего нельзя разобрать и потому обо всемъ можно фантазировать. Соціологія начинается тамъ, гдѣ уже замѣтны явленія общественности. А въ этомъ своемъ началѣ наука видитъ соціологическую особь не какъ tabula rasa, а какъ нѣкоторое существо со вполнѣ опредѣленнымъ психическимъ содержаніемъ, которое вовсе не создается внѣшними условіями, а столь же самостоятельно и реально, какъ внѣшнія условія, и если испытываетъ ихъ вліяніе, то и само оказываетъ на нихъ такое же вліяніе. Не только въ извѣстномъ намъ историческомъ человѣкѣ, а даже въ самомъ ничтожномъ животномъ, соціологія застаетъ твердое содержаніе хотѣній, чувствъ и представленій, какъ нѣчто готовое, ранѣе бывшее, а не создаваемое внѣшними вліяніями. Всѣ внѣшнія вліянія падаютъ не на пустое мѣсто, а на нѣкоторое ясное и опредѣленное содержаніе. Они только воздѣйствуютъ на душу, подстрекая, ослабляя или направляя наши представленія, чувства и волю,—даютъ матеріалъ для переработки его нашею душою, но ничуть не создаютъ ее.

Въ метафизикѣ возможенъ споръ по вопросу объ абсолютной самобытности души. Въ соціологіи и исторіи этотъ споръ немыслимъ. Что бы такое ни представляла наша душа для философа, для соціолога и историка она обладаетъ самостоятельнымъ и постояннымъ содержаніемъ.

Наши чувства, хотѣнія и представленія, для соціолога вѣчны по существу, хотя и измѣняются въ комбинаціяхъ и въ фазахъ своего эволюціоннаго состоянія. Только это постоянство основного факта общественности и даетъ возможность бытія соціальной наукѣ, которая со временъ древнѣйшихъ наблюденій своихъ знаетъ одно и то же человѣчество, съ психическими свойствами, по существу одинаковыми, по-

добно тому, какъ химія знаетъ одно и то же вещество со свойствами, по существу вѣчно одинаковыми, подобно тому какъ и біологія, среди вѣчно мѣняющихся формъ органическаго міра, знаетъ лишь одно и то же живое вещество, съ вѣчно одними и тѣми же основными свойствами.

Только въ отношеніи объекта, обладающаго нѣкоторыми основными неизмѣняемыми свойствами и возможно существованіе законовъ, научно наблюдаемыхъ. Соціологія такой объектъ имѣетъ предъ собой въ психическомъ мірѣ человѣчества. Если бы человѣчество какого-нибудь отдаленнаго «будущаго» могло имѣть основныя психическія свойства, отличныя отъ тѣхъ, какія были раньше, хотя бы самыя отдаленныя тысячелѣтія назадъ,—наука оказалась бы совершенно невозможною, ибо она должна бы была признать тогда, что человѣчества, какъ нѣкотораго постояннаго и реальнаго явленія, не существуетъ, а представляетъ оно миражъ, не поддающійся никакому разумному пониманію.

Въ дѣйствительности, однако, такой миражъ существуетъ лишь въ фантазіяхъ нѣкоторыхъ, правда, модныхъ, гаданій о никогда не бывшемъ (или по крайней мѣрѣ намъ неизвѣстномъ) прошломъ, и въ такихъ же фантастическихъ мечтаніяхъ о яко бы «будущемъ» человѣчествѣ. Но собственно наука, точное знаніе, точное наблюденіе, говорятъ совершенно противъ всѣхъ этихъ фантазій. Вся сколько нибудь точная исторія, всѣ древнѣйшія преданія, всѣ обрывки древнѣйшей поэзіи,—рисуютъ намъ то же самое человѣчество, какое мы наблюдаемъ и теперь, во всѣхъ его основныхъ свойствахъ. Мы видимъ поэтому въ человѣческомъ обществѣ явленіе, обладающее внутренними законами, способное въ силу ихъ и къ эволюціи своихъ формъ на ихъ вѣчно неизмѣнныхъ основахъ. Поэтому возможна и наука, проникающая въ смыслъ того и другого, наука общественности.

II.

Психологическія основы власти.

Установка соціальныхъ явленій на почвѣ психологической имѣетъ для политики то значеніе, что расчищаетъ путь и для пониманія основного фактора ея—явленія власти.

Какъ сказано въ предыдущей главѣ, законы общественности суть ничто иное, какъ законы кооперації чувствъ, хотѣній и представленій особей, вступающихъ въ общественное между собой взаимодѣйствіе.

Но всякая кооперація представляетъ необходимо нѣкоторое направленіе въ одну сторону этихъ разнообразныхъ и противоположныхъ чувствъ, хотѣній и представленій; т.-е. сама по себѣ предполагаетъ нѣкоторую *направляющую силу*, другими словами— нѣкоторую *власть*. Ясно въ то же время, что эта сила, эта власть, можетъ явиться только изъ тѣхъ же чувствъ, представленій и хотѣній, которыя кооперація кладетъ въ основу общественныхъ явленій. Такимъ образомъ власть рождается одновременно съ самимъ общественнымъ процессомъ. Власть является послѣдствіемъ общественнаго процесса, и однимъ изъ необходимыхъ условій его совершенія.

Оба явленія неотдѣлимы одно отъ другого. Власть — есть сила направляющая, но въ то же время сама порождается общественными силами, т.-е. стало быть въ извѣстномъ смыслѣ имъ подчинена и безъ ихъ поддержки не можетъ существовать. Не трудно апріорно видѣть, что по самому происхожденію своему и по смыслу своему, какъ сила направляющая, власть должна порождаться не одной волевой способностью, но также чувствами и представленіями. Исторія показываетъ, что значеніе послѣднихъ даже чрезвычайно велико.

Предыдущія разсужденія показываютъ неизбѣжность власти. Но это показывается и исторіей. Присутствіе власти и—по-

слѣдствія ея — принужденія — видно рѣшительно во всѣхъ междучеловѣческихъ отношеніяхъ. Никогда и нигдѣ не видно общежитія безъ какой-либо власти и принужденія. Съ исторической точки зрѣнія этотъ фактъ не подлежитъ оспариванію. Но не всѣ одинаково оцѣниваютъ его значеніе со стороны нравственной. Нерѣдко власть и принужденіе разсматриваются какъ неизбѣжное зло. Власти противополагаютъ свободу, какъ состояніе особенно благодѣтельное. Извѣстно, какое сильное участіе принимаютъ такія представленія въ нашихъ историческихъ оцѣнкахъ различныхъ учрежденій, а равно и въ нашемъ политическомъ творчествѣ,—наконецъ въ идеалахъ предполагаемаго будущаго. Очень важно, поэтому, какъ можно яснѣе вникнуть въ дѣйствительный источникъ и въ точное существо какъ того явленія, которое называется властью, такъ и того, которое называется свободой.

Не трудно замѣтить, что оба эти явленія составляютъ не болѣе какъ различныя проявленія одного и того же факта,— а именно *самостоятельности человѣческой личности*. Если бы человѣкъ не былъ существомъ, заключающимъ въ себѣ нѣкоторую самостоятельную силу, если бы онъ былъ простымъ результатомъ какихъ-либо внѣшнихъ вліяній, онъ не былъ бы способенъ ни къ состоянію *свободы*, ни къ состоянію *власти*. Наша свобода есть ничто иное, какъ состояніе независимости отъ данныхъ окружающихъ условій, а такое состояніе можетъ явиться только при способности напряженія внутренней нашей силы до степени, по крайней мѣрѣ, равной напряженію дѣйствующихъ на нихъ внѣшнихъ силъ. Наша власть есть ничто иное, какъ переходъ этого внутренняго напряженія къ подчиненію силъ внѣшнихъ условій или внѣшнихъ силъ. По самому существу общественныхъ явленій эта способность свободы и власти прежде всего и чаще всего проявляется въ отношеніи другихъ личностей.

Въ состояніи общественной кооперації каждая личность, въ качествѣ внѣшнихъ для нея условій и силъ, встрѣчаетъ прежде всего членовъ этой же кооперації. Самостоятельность личности прежде всего и чаще всего проявляется въ отноше-

ніи того, что ее наиближе окружаетъ. Во взаимодѣйствіи съ этими окружающими существами каждый человѣкъ, смотря по обстоятельствамъ, является попеременно въ состояніи свободы и власти. При этомъ не трудно видѣть, что состояніе свободы есть состояніе внѣшне-бездѣятельное. Это состояніе, въ которомъ личность и не подчиняется сама, но также и не подчиняетъ никого, не поддается на чужое вліяніе и сама его не оказываетъ. Это состояніе для чисто личнаго существованія есть какъ бы идеальное, но съ точки зрѣнія общественной не есть активное.

Если бы представить себѣ общество, всѣ члены котораго находятся въ этомъ состояніи внутренней независимости, а равно и самоудовлетворенности, — ибо только при такой полной самоудовлетворенности внутренняя сила можетъ не пытаться переносить своего дѣйствія на окружающее,—то ясно, что при такомъ состояніи всѣхъ личностей, общество тѣмъ самымъ упраздняется. Оно не только не нужно, но его даже просто нѣтъ, ибо эти свободныя и самоудовлетворенныя особи, другъ на друга не взаимодѣйствуя,— уже не живутъ общею, кооперативною жизнью. Это состояніе ихъ— есть, быть можетъ, состояніе блаженныхъ духовъ,—но не есть состояніе гражданское. Оно имѣетъ значеніе идеально для выработки собственныхъ внутреннихъ силъ, которыя могутъ быть примѣнены затѣмъ и къ гражданской жизни. Но пока этого не произошло, пока онѣ остаются въ чистомъ состояніи уравновѣшенной и самоудовлетворенной свободы—онѣ находятся не въ гражданскомъ состояніи.

Это послѣднее, напротивъ, все сплетено изъ взаимодѣйствія, власти и подчиненія. Оно полно борьбы, которая можетъ имѣть различныя формы, болѣе грубыя или болѣе утонченныя, но въ обоихъ случаяхъ остается борьбою. Для достиженія кооперації особей внутренне самобытныхъ, эта борьба совершенно неизбѣжна, а въ борьбѣ—естественное состояніе не есть свобода, но—или власть, или подчиненіе. Способности людей къ группировкѣ еще болѣе осложняютъ все это сплетеніе власти и подчиненія, то нравственныхъ, то матеріальныхъ,

то личныхъ, то коллективныхъ, то благотворно, то вредно вліяющихъ, а потому вызывающихъ къ себѣ самое различное отношеніе членовъ общества.

Необходимо притомъ замѣтить, что власть съ одной стороны и подчиненіе съ другой—вовсе не являются непремѣнно результатомъ какого либо насилія, подавленія одной личности другою. Какъ обрисовываетъ К. П. Побѣдоносцевъ *), въ сложной натурѣ человѣка есть между прочимъ несомнѣнное исканіе надъ собой власти, которой онъ могъ бы подчиниться. Это,—сила «нравственнаго тяготѣнія», «потребность воздѣйствія одной души на другую». «Сила эта, замѣчаетъ авторъ, естественно, безъ предварительнаго соглашенія, соединяетъ людей въ общество». Она же «заставляетъ въ средѣ людской искать другого человѣка, къ кому приразиться, кого слушаться, кѣмъ руководствоваться».

Это очень глубоко подмѣченная черта нашей психологіи, черта, которую можно назвать женственною, но которая обща всему роду человѣческому. Она вовсе не есть выраженіе слабости, по крайней мѣрѣ по существу, но выражаетъ поэтическое созерцаніе идеала, искомаго нами и чарующаго насъ въ частныхъ воплощеніяхъ своихъ, вызывающаго наше преклоненіе и подчиненіе, ибо идеаломъ нельзя владѣть, а ему можно только подчиняться, какъ высшему насъ началу. Эта черта, особенно яркая у женщинъ, выражаетъ однако цѣлую серію общечеловѣческихъ добродѣтелей: смиренія, скромности, искренней радости при отысканіи идеальнаго, безъ зависти къ тому, что оно выше насъ, а съ одной чистой готовностью поставить это высшее въ образецъ себѣ и руководство. Подобно тому какъ стремленіе къ независимости можетъ порождаться не только могучей силой, но также грубой необузданностью натуры, демоническимъ тщеславіемъ, такъ и стремленіе къ подчиненію не всегда является результатомъ слабости, но и лучшихъ, тончайшихъ свойствъ природы нашей.

Это исканіе надъ собой власти, свободное желаніе под-

*) „Московскій Сборникъ".

чиненія—играло огромную и высокую роль въ развитіи общественности.

Въ общей сложности—резюмируя—*свобода* играетъ гораздо большую роль въ личной жизни и выработкѣ, нежели въ общественной. Свобода для общества нужна собственно потому, что безъ нея не будетъ высокой личности. *Власть* и *подчиненіе*—наоборотъ, суть по преимуществу состоянія общественныя, въ нихъ по преимуществу выражается человѣческая кооперація, ими строится общество.

Съ точки зрѣнія нравственной этотъ фактъ самъ по себѣ не можетъ быть ни превозносимъ, ни осуждаемъ, ибо оцѣнка власти и подчиненія вполнѣ зависитъ отъ того, во имя чего, въ какихъ цѣляхъ и съ какими послѣдствіями, власть примѣняетъ свое вліяніе, а подчиненіе ищетъ или допускаетъ воздѣйствіе власти.

III.

Цѣли общественной власти. Порядокъ. Осуществленіе правды.

Итакъ, фактъ власти является совершенно неизбѣжно, какъ прямое послѣдствіе психической природы человѣка. Цѣли, которыя при этомъ ставитъ себѣ властвующій могутъ быть самыя разнообразныя. Но какъ только проявленіе власти получаетъ общественный характеръ, ея главною цѣлью становится созданіе и поддержаніе «порядка». За нѣкоторымъ достиженіемъ этой задачи,—та же власть получаетъ задачу придать порядку нравственный характеръ, сдѣлать его орудіемъ осуществленія «правды».

Порядокъ есть первая, наиболѣе насущная потребность рождающагося общества. Вообще для всякаго процесса, какой бы то ни было категоріи явленій, необходимъ порядокъ, т.-е. извѣстная стройность и опредѣленность совершенія этого процесса. При нарушеніи этого условія—данный процессъ разрушается и замѣняется хаотическимъ смѣшеніемъ своихъ элементовъ.

Въ мірѣ физическомъ этотъ необходимый порядокъ достигается ненарушимымъ господствомъ такъ называемыхъ законовъ природы, т.-е. сложнымъ суммированіемъ механическихъ, химическихъ и т. д. силъ. Такъ какъ элементы, входящіе въ процессы этой категоріи, не самостоятельны, не заключаютъ никакой доли *свободы*, то стройный порядокъ ихъ дѣйствія достигается самъ собой, какъ средній результатъ комбинирующихся силъ.

Въ явленіяхъ соціальныхъ—того же результата, порядка, стройнаго равновѣсія и опредѣленной послѣдовательности, приходится достигать на иной почвѣ—психологической, среди комбинаціи элементовъ, способныхъ и дѣйствовать вмѣстѣ, и идти врозь, и вступать въ борьбу—но все на основѣ ощущеній, представленій, а хотѣній.

Способность хотѣнія—воля, вноситъ въ дѣйствіе каждой особи, кооперирующей въ общественномъ процессѣ, нѣчто совершенно *произвольное*, *) чисто личное, не предусмотримое. Если эти хотѣнія не согласованы, не поставлены въ нѣкоторыя заранѣе извѣстныя рамки, т. е. нормы *обязательныя* для всѣхъ, то общественная жизнь становится невозможною. Для жизни каждому необходима увѣренность въ нѣкоторомъ правильномъ порядкѣ явленій, съ которымъ можно было бы сообразоваться въ своихъ поступкахъ и разсчетахъ. Какъ бы ни былъ какой-нибудь порядокъ несовершенъ, или даже возмутительно несправедливъ и жестокъ, — къ нему все-таки возможно приспособиться, если извѣстно по крайней мѣрѣ заранѣе, что тѣ или иныя нелѣпости возведены въ систему и существуютъ твердо. Тогда ихъ, по крайней мѣрѣ, можно стараться избѣгать, или хоть не тратить безполезно силъ на достиженіе того, что, благодаря данной твердо установленной несправедливости или нелѣпости, невозможно. Люди, благодаря чрезвычайному богатству своихъ внутреннихъ силъ, могутъ жить и развиваться даже при самыхъ ужасныхъ усло-

*) Вопросъ о томъ, есть ли это произволъ дѣйствительный или кажущійся, не имѣетъ практически никакого значенія. Достаточно того, что дѣйствія эти невозможно предвидѣть, что они неожиданны для окружающихъ.

віяхъ, если только эти условія возведены въ ясный и опредѣленный порядокъ, всѣ стороны котораго заранѣе извѣстны, а потому для каждаго допускаютъ возможность предусмотрѣнія и разсчета. Но если никакого порядка, даже нелѣпаго, совсѣмъ нѣтъ, если все для всѣхъ является неожиданно, случайно, не допуская никакого предусмотрѣнія, соображенія и разсчета—жизнь становится невозможна.

Конечно полнаго отсутствія всякаго порядка человѣчество никогда не знало, ибо при первыхъ же признакахъ такой анархіи люди немедленно начинаютъ самостоятельно организоваться въ доступныя имъ группы, вводя въ нихъ доступный имъ порядокъ. Въ исторіи мы знаемъ лишь очень относительные случаи анархіи, но и въ нихъ человѣчество становится жертвою такихъ бѣдствій, что готово подчиниться скорѣе какой угодно жестокой и несправедливой власти, лишь бы только ея господство дало общій для всѣхъ и всѣмъ извѣстный порядокъ.

Опредѣленный порядокъ—это первая потребность человѣка въ общественномъ состояніи. Для созданія же этого порядка необходимо, чтобы нѣкоторая власть, способная къ принужденію, привела произвольныя личныя хотѣнія къ подчиненію нѣкоторымъ общеизвѣстнымъ и общеобязательнымъ нормамъ.

Такимъ образомъ власть необходима. Въ то же время она сама возникаетъ, ея побѣги наполняютъ все зарождающееся общество. Каждый человѣкъ повсюду, вокругъ себя, находитъ и чувствуетъ власть другихъ людей и цѣлыхъ группъ. Стало быть, на первыхъ порахъ, людямъ вовсе не предстоитъ трудная, конституціонная задача создавать власть. Ее достаточно принять, признать, подчиниться ей, тѣмъ самымъ создавая извѣстный порядокъ.

Въ своихъ первыхъ источникахъ порядокъ, какъ болѣе или менѣе опредѣленное теченіе поступковъ, является, какъ простая формулировка фактическихъ отношеній между людьми. По самой природѣ людей у нихъ есть нѣкоторыя преобладающія ощущенія, представленія и желанія, въ силу которыхъ мы относимся къ другимъ людямъ именно такъ, а не иначе.

Различіе пола, возраста, силъ, способностей,—само по себѣ намѣчаетъ нѣкоторыя рамки фактическихъ отношеній. Сильное подчиняетъ себѣ слабое, слабое ищетъ покровительства у силы. На ряду съ эгоизмомъ проявляется чувство симпатіи. Наконецъ, даже у наиболѣе грубыхъ и падшихъ племенъ, все таки не заглушается божественный голосъ совѣсти, подсказывающій хотя бы и смутное сознаніе долга. Такимъ образомъ складываются нѣкоторыя преобладающія фактическія отношенія между мужчиной, женщиной, членами семьи и рода, наконецъ—отношенія къ чужимъ. Все это простой памятью формулируется въ правилахъ *обычая*, въ томъ что обыкли, привыкли дѣлать; охраной же обычая служитъ общая привычка, а также отместка со стороны заинтересованныхъ въ каждомъ случаѣ, а также давленіе со стороны мелкихъ авторитетовъ, играющихъ тамъ и сямъ роль власти.

Однакоже этотъ первый слой порядка, неизбѣжно нарастающій въ соціальной ткани общества, никакъ не можетъ достаточно удовлетворить потребности въ порядкѣ. Во-первыхъ, этотъ порядокъ слишкомъ не систематиченъ, не однообразенъ, не достаточно легко узнается. Что городъ—то норовъ, что страна—то обычай. Въ каждомъ маленькомъ центрѣ человѣческой организаціи, подъ вліяніемъ случайныхъ мѣстныхъ условій возникаетъ порядокъ слишкомъ субъективный, не только непонятный для всѣхъ чужихъ, но даже противорѣчащій ихъ привычному поведенію. При нѣсколько возрастающихъ человѣческихъ сношеніяхъ,—столкновеніе различныхъ обычаевъ становится даже практически неудобнымъ, порождая безпорядокъ. Достаточно общая линія человѣческаго поведенія не достигается систематизированіемъ обычая, по необходимости неодинаковаго.

Сверхъ того, обычай слишкомъ формулируетъ то, что *есть*, а не то, что *должно быть*. Между тѣмъ у людей идея «цѣли» порядка, идея того, что «должно быть», есть совершенно врожденная, вытекаетъ изъ самой глубины человѣческаго духа. Это понимаютъ и тѣ вдумчивые наблюдатели, которые, по не христіанскому своему міровоззрѣнію, не признаютъ въ человѣкѣ

искры Божественнаго духа, заложившаго въ насъ никогда не заглушимый нравственный идеалъ.

По справедливому замѣчанію Фулье, «въ сознательномъ образованіи общества мы видимъ въ дѣйствіи творческую организаторскую идею. При этомъ образованіи различные члены начинаютъ съ того, что имѣютъ идею о тѣлѣ, которое могутъ образовать; здѣсь содѣйствіе обусловливается желаемою цѣлью, а не есть результатъ, признаваемый лишь послѣ того, какъ онъ произошелъ» *). Между тѣмъ въ обычаѣ—мы именно лишь признаемъ результатъ послѣ того, какъ онъ произошелъ. Потребность сознательнаго, разумнаго порядка продолжаетъ существовать, требуетъ своего удовлетворенія.

Исканіе этихъ болѣе широкихъ, болѣе всеобнимающихъ и разумныхъ нормъ порядка и есть моментъ зарожденія *государственной* идеи.

Въ строѣ соціальномъ человѣкъ слѣдуетъ за самостоятельнымъ складываніемъ частныхъ интересовъ, хотя и привнося къ складывающимся, на основаніи ихъ, отношеніямъ долю разумности, но все же это суть отношенія, приспособленныя къ частнымъ, спеціальнымъ интересамъ. Государственная же идея ищетъ порядка, приспособленнаго ко всѣмъ отношеніямъ, вмѣстѣ взятымъ, т. е. къ человѣку вообще. Для отысканія такого порядка личность должна взглянуть въ самыя глубины своего психологическаго существа, познать въ нихъ себя не какъ отца или сына, воина или звѣролова, а какъ человѣка. Исканіе такого всеобъемлющаго порядка сопровождается исканіемъ власти, ему соотвѣтствующей, т.-е. власти *верховной*, способной быть выше всѣхъ спеціальныхъ интересовъ. Творческая соціальная идея человѣка подымается здѣсь до всей своей высоты.

На чемъ же останавливается эта творческая идея, въ качествѣ принципа, способнаго стать высшимъ, верховнымъ? Какъ выражается К. П. Побѣдоносцевъ въ вышецитированномъ мѣстѣ, субъективное стремленіе найти «кого слушаться, кѣмъ

*) „Современ. наука объ обществѣ", стр. 90.

руководствоваться»,—«огустѣвая и сосредоточиваясь ищетъ властнаго непререкаемаго воздѣйствія, которымъ бы объединилась, которому бы подчинилась масса, со всѣми ея разнообразными потребностями, вождѣленіями и страстями, въ которомъ бы обрѣла возбужденіе къ дѣятельности, и начало, въ которомъ находила бы, посреди всякихъ извращеній своеволія, мѣрило правды. Итакъ, *на правдѣ* основана по идеѣ своей всякая власть» *).

Это опредѣленіе можетъ показаться идеалистическимъ и не всеобъемлющимъ, но собственно только потому, что авторъ оставляетъ безъ разсмотрѣнія вопросъ, что такое правда, о которой онъ говоритъ. Въ дѣйствительности же—въ его словахъ выражается наблюденіе чрезвычайное глубокое.

Человѣкъ несомнѣнно ищетъ именно правды, какъ бы онъ ни былъ грубъ и неразвитъ нравственно. Въ немъ есть неистребимое сознаніе, какъ бы воспоминаніе своего происхожденія отъ нѣкоторой высшей правды, отъ которой онъ отдаленъ чѣмъ то, но къ которой стремится возвратиться, ибо только въ подчиненіе ей, своему нравственному источнику, онъ чувствуетъ себя самимъ собой, существомъ свободнымъ. Это прекрасно раскрывается христіанскимъ ученіемъ о свободѣ, по которому мы становимся свободны лишь становясь рабами Божьими. Это потому, что подчиняясь источнику правды, человѣкъ подчиняется не чему либо чуждому, а только наиболѣе высокой части своего собственнаго «я». И хотя сознательное пониманіе этого психологическаго состоянія доступно только христіанину, но смутное ощущеніе факта собственной природы свойственно всякому человѣческому существу. Человѣкъ ищетъ правды и ищетъ именно для того, чтобы ей подчиниться.

Но что такое «правда»? Этотъ вопросъ рѣшается человѣчествомъ съ большимъ трудомъ. Отсюда и, различіе принциповъ, которые человѣкъ выбираетъ въ основу власти надъ собой.

Что такое правда въ глубинахъ нашего сознанія, или даже

---

*) Московскій Сборникъ, стр. 250—251.

нашего ощущенія? Правда это ни болѣе ни менѣе какъ то, что *дѣйствительно есть, какъ основная реальность*, въ противоположность всякой ошибкѣ, иллюзіи или гипотезѣ. Правда это—главная основная сила, не та, которая случайно, временно получила почему либо преобладаніе, а та, которая по существу сильнѣе всѣхъ, высшая, основная реальность, хотя бы временно и случайно нами затерянная. Вотъ что такое есть правда. Она выражаетъ коренную реальность человѣческой жизни.

Эту-то правду человѣкъ ищетъ какъ для своей личной жизни, такъ и для соціальной. Это есть, въ сущности, исканіе наиболѣе устойчиваго существованія. Наиболѣе устойчивымъ существованіемъ является, конечно, такое, которое связано съ самимъ источникомъ жизни, съ высшей силой жизни.

Только по отношенію къ этой высшей реальности, этой правдѣ, познаемъ мы и *справедливость*, ибо справедливо то, что сообразно съ правдою. Только отсюда мы получаемъ уваженіе къ праву, которое есть формула справедливости. Такимъ образомъ всѣ наши правовыя понятія логически истекаютъ изъ того, какъ понимаемъ мы правду, въ чемъ видимъ высшую реальность, которой готовы подчиниться, ибо сознаемъ потребность подчиняться лишь самому высшему.

Въ чемъ же эта правда, то что дѣйствительно, вправду, существуетъ, а не составляетъ иллюзіи?

Этотъ вопросъ разрѣшается людьми не только различно, но и на почвѣ двухъ родовъ.

Во-первыхъ,—является мысль: что есть высшая реальность въ мірѣ вообще? Это очень важно, ибо очевидно, что эта высшая сила не можетъ не вліять на нашу общественную жизнь. Отсюда является могущественное вліяніе метафизическихъ представленій на общественную жизнь. Въ исторіи человѣчества религіозныя понятія играли и играютъ огромную роль въ политикѣ. Есть ли Божество, или нѣтъ его? Если есть, то какихъ оно свойствъ, и стало быть каково направленіе его вліянія? Различное рѣшеніе этихъ вопросовъ имѣетъ огромное значеніе для нашихъ учрежденій и правовыхъ понятій.

и различно рѣшается и въ болѣе узкомъ смыслѣ, въ отношеніи чисто земной человѣческой силы, при чемъ рѣшеніе, испытывая вліяніе со стороны религіозныхъ представленій, сохраняетъ сознаніе самостоятельнаго значенія человѣческихъ силъ. Въ отношеніи политическихъ учрежденій издревле и понынѣ исканіе высшей власти идетъ по одной изъ трехъ линій.

Иногда людямъ кажется что, въ качествѣ высшей политической реальности, существуетъ просто *сила*, матеріальная, физическая, количественная, независимо отъ ея разумнаго или нравственнаго содержанія. Какъ бы ни была нелѣпа или жестока она, но она есть сила, она—реальность, и потому нѣтъ «правды» выше ея.

Иногда люди замѣчаютъ, напротивъ, что сила матеріальная, количественная, при своей наружной неодолимости, не есть самая высшая, ибо она оказывается, при болѣе тщательномъ наблюденіи, въ зависимости отъ силы *качественной*, которая даетъ преобладаніе одному человѣку надъ цѣлой толпой. Тогда высшей реальностью въ соціальномъ и политическомъ смыслѣ начинаютъ казаться эти качественныя, героическія силы. Высшей правды ищутъ въ нихъ и отъ нихъ.

Иногда наконецъ люди находятъ, что ни количественная, ни качественная сила не составляютъ еще высшей, что есть нѣчто глубже, непреоборимѣе ихъ, съ чѣмъ они, желая или не желая, принуждены въ концѣ концовъ сообразоваться, и что, наоборотъ, само ни съ чѣмъ, кромѣ себя, не сообразуется: это именно нѣкоторый *нравственный* законъ, сила нравственнаго закона. Тогда люди признаютъ высшей реальностью этотъ нравственный законъ, и въ твердой надеждѣ на него, рѣшаются подчинить ему и количественную и качественную силу своего общества.

Эти различныя состоянія сознанія имѣютъ, очевидно, болѣе нравственный источникъ, нежели умственный, ибо замѣчаются у націй самыхъ различныхъ по умственной развитости. Эти рѣшенія также не остаются и неизмѣнными, но колеблятся у одной и той же націи по нѣсколько разъ въ теченіе ея исторической жизни.

Во всякомъ случаѣ, ища верховной, общей и всеобъемлющей власти, которая бы замѣнила своимъ закономъ шаткія и случайныя рѣшенія обычая, люди обращаются именно къ одной изъ этихъ трехъ концепцій высшей политической реальности, способной подчинить себѣ всѣ остальныя политическія силы.

Сообразно съ выборомъ того или иного рѣшенія—появляются и различныя принципы *верховной власти*, появленіе которой составляетъ появленіе *государства*, объединяющаго подъ своимъ владычествомъ всѣ мелкіе и частные союзы соціальнаго строя.

ОТДѢЛЪ II.

Государство и верховная власть.

IV.

Государство, какъ завершеніе общества и охрана свободы. Неизбѣжность государственности.

Приступая къ разсмотрѣнію государства и его верховной власти, мы должны прежде всего сдѣлать нѣсколько оговорокъ по поводу немалочисленныхъ нынѣ теоретическихъ отрицаній государственности. Эти отрицанія производятъ впечатлѣніе чего-то дикаго и умственно болѣзненнаго. Но обрисовывая все великое и благодѣтельное значеніе государственности, не излишне сразу же напомнить, что дѣйствіе государственности имѣетъ свои предѣлы, переходя которые государство перестаетъ быть силою устроительною и благодѣтельною. Быть можетъ, именно несоблюденіе должныхъ предѣловъ государственнаго, властнаго, регламентированія жизни и вызываетъ отчасти тотъ протестъ, который, хотя и неразумно, выражается въ соціалистическомъ отрицаніи государственности вообще.

Но хотя бы современное государство и подало поводъ къ справедливымъ жалобамъ противъ себя,— отрицаніе государственности вообще остается совершеннымъ безумiемъ.

Съ тѣхъ поръ какъ люди живутъ сколько-нибудь сознательно, съ тѣхъ поръ какъ они имѣютъ исторію,—человѣчество жи-

ветъ на основѣ *государственности*. Современные соціалисты вызываютъ тѣни доисторическаго прошлаго, ища въ немъ *общества*, чуждаго государственности, какъ опоры для своихъ мечтаній о безгосударственномъ будущемъ. Но развѣ можетъ служить идеаломъ будущаго бытъ дикихъ стадъ одичавшихъ людей доисторическаго прошлаго? У нихъ самихъ, какъ только они начали нѣсколько подниматься изъ паденія, тотчасъ появился, наоборотъ, идеалъ государственности, при помощи котораго они и успѣвали достигать болѣе высокихъ ступеней общественности и культуры. Этотъ идеалъ возникалъ одинаково у всѣхъ народовъ, порождаемый, очевидно, самою природою человѣка.

Вездѣ и всегда происходило то, что обрисовываетъ Б. Чичеринъ, говоря о періодѣ съ еще неразвитою государственностью въ Россіи.

«Положеніе человѣка,—говоритъ онъ,—опредѣлялось частными, случайными, даже внѣшними его преимуществами. Личность во всей ея случайности, свобода во всей ея необузданности, лежали въ основаніи общественнаго быта, и должны были привести къ господству силы, къ неравенству, междуусобіямъ и анархіи»... Такое положеніе создавало необходимость *высшаго* союза—государства. «Только въ государствѣ можетъ развиваться разумная свобода и нравственная личность; предоставленныя же самимъ себѣ, безъ высшей сдерживающей власти, оба эти начала разрушаютъ сами себя...

«Государство, поясняетъ онъ,— есть высшая форма общежитія, высшее проявленіе народности въ общественной сферѣ. Въ немъ неопредѣленная народность собирается въ единое тѣло, получаетъ единое *отечество*, становится *народомъ*. Въ немъ верховная власть служитъ представительницей высшей воли общественной, каковъ бы ни былъ образъ правленія. Эта общественная воля подчиняетъ себѣ воли частныя и устанавливаетъ такимъ образомъ твердый порядокъ въ обществѣ.

«Ограждая слабаго отъ сильнаго, она даетъ возможность развиться разумной свободѣ; уничтожая всѣ преимущества случайныя, она производитъ уравненіе между людьми; оцѣнивая

заслуги, оказанныя обществу, она возвышаетъ внутреннее достоинство человѣка. Заставляя всѣхъ подданныхъ удѣлять часть своихъ средствъ для общественной пользы, она содѣйствуетъ осуществленію тѣхъ разнообразныхъ человѣческихъ цѣлей, которыя могутъ быть достигнуты только въ общежитіи при взаимной помощи, и для которыхъ существуетъ гражданскій союзъ»*).

Идея государства вытекаетъ изъ самой глубины человѣческаго сознанія. Въ теченіе всѣхъ историческихъ тысячелѣтій, народы всевозможныхъ племенъ и степеней развитія своимъ глазомѣромъ, умозаключеніемъ и опытомъ всегда и повсюду были приводимы къ одной идеѣ.

Мы ее можемъ, стало-быть, разсматривать какъ *политическую аксіому*, подобно тому какъ въ математикѣ и логикѣ аксіомы суть ничто иное, какъ формулировка всеобщаго одинаковаго впечатлѣнія.

Эта аксіома гласитъ, что въ государствѣ люди находятъ высшее орудіе для охраны своей безопасности, права и свободы.

Отрицатели государственности, противъ воли, даютъ подтвержденіе этой истины, такъ какъ, покидая государство, въ своихъ чаяніяхъ будущаго, представляютъ себѣ лишь одно изъ двухъ: либо простое *господство сильнѣйшаго* (въ анархіи), либо *подчиненіе человѣка стихійнымъ силамъ* (въ соціальной демократіи).

Дѣйствительно, соціалисты, послѣдователи экономическаго матеріализма, только потому и надѣются на возможность уничтоженія принудительной власти, что, по ихъ мнѣнію, грядущее безгосударственное общество будетъ вставлено въ рамки коммунистическаго производства, которое само по себѣ будетъ регулировать жизнь и дѣятельность людей.

Человѣчество здѣсь приглашается къ уничтоженію своей разумной, обдуманной власти надъ собою, но для чего же? Чтобы подчиниться нѣкоторой стихійной власти экономики, ко-

*) „Опыты по исторіи русскаго права", стр. 368, 369.

торая подавитъ нашу свободу со всею безпощадностью силъ природы. Вмѣстѣ съ государствомъ мы бы разрушили высшее орудіе нашей человѣческой власти надъ нашею жизнью, т.-е. нашей свободы. Ибо, что же такое наша свобода, какъ не возможность самостоятельно направлять теченіе дѣлъ нашихъ, дѣлать то, что мы считаемъ нужнымъ, и не дѣлать того, чего мы желаемъ избѣжать, не быть слѣпою игрушкой стихійныхъ силъ, но приспособлять ихъ къ нашимъ человѣческимъ потребностямъ?

На это въ наибольшей степени даетъ намъ способы союзъ государственный, въ которомъ народъ объединяетъ свои силы, дисциплинируетъ ихъ и направляетъ ихъ для достиженія своихъ цѣлей со всѣмъ могуществомъ, которое способна дать правильно организованная и разумно дѣйствующая власть.

Власть конечно предполагаетъ подчиненіе. Но создавая власть, которой должны подчиняться, мы не жертвуемъ свободой, потому что при этомъ мы, вмѣсто подчиненія стихійнымъ силамъ, подчиняемся самимъ себѣ, т. е. тому, что сами сознаемъ необходимымъ. Такимъ образомъ мы лишь выходимъ изъ слѣпого подчиненія обстоятельствамъ и пріобрѣтаемъ независимость, первое условіе свободы.

Идеалъ безгосударственный, наоборотъ, вмѣсто подчиненія людей самимъ себѣ,—влечетъ ихъ къ подчиненію силамъ, внѣ ихъ находящимся.

Понятно, что люди всегда предпочтутъ первый исходъ. Сверхъ того, какъ сила сознательная, государство всегда возьметъ верхъ надъ силами внѣшними, безсознательными. Торжество государственности поэтому всегда неизбѣжно, и въ концѣ концовъ, съ какой бы теоретической анархіи мы ни начали, а кончимъ всегда возстановленіемъ государственности.

Къ этому должно лишь добавить что, при всей своей необходимости и незыблемости, принципъ государственности имѣетъ свои естественные предѣлы приложенія. Отсюда необходимо правильное пониманіе содержанія государственнаго принципа, такъ какъ этимъ именно содержаніемъ опредѣляются и предѣлы его приложенія.

V.

Содержаніе государственности.

Несмотря на тысячелѣтнія наблюденія различныхъ проявленій государственности, несмотря на то, что опредѣленія ея дѣлались иногда умами чрезвычайной проницательности и точности,— содержаніе государственности оставляетъ и до сихъ поръ мѣсто для различныхъ толкованій и споровъ. Сложныя категоріи явленій всегда трудно разграничивать. Во всякой категоріи явленій мы замѣчаемъ нѣчто ясно и несомнѣнно отличительное, исключительно ей принадлежащее; но затѣмъ, желая вполнѣ исчерпать это отличительное содержаніе—мы невольно заходимъ въ обѣ стороны, въ области уже спорныя.

Наиболѣе безспорную черту государственности составляетъ сознательность и преднамѣренность творчества, и затѣмъ присутствіе власти и принужденія. Обѣ черты тѣсно между собою связаны. Необходимость прибѣгать къ принужденію для устраненія препятствій характеризуетъ всякое преднамѣренное творчество, которое, предназначая себѣ извѣстную *цѣль*, тѣмъ самимъ устанавливаетъ себѣ извѣстную линію прохожденія, а стало быть предопредѣляетъ этимъ устраненіе всего, что на этой линіи можетъ мѣшать достиженію цѣли.

Эти черты отличаются даже Спенсеромъ, вообще невнимательнымъ къ проявленіямъ государственности.

«Есть, говоритъ онъ, учрежденія безсознательныя (spontaneus) *), развивающіяся безъ участія мысли во время преслѣдованія частныхъ цѣлей, и есть кооперації, придуманныя сознательно, предполагающія ясное сознаніе общественныхъ цѣлей?».

*) Цитирую по русскому переводу. Переводчикъ не безъ основаній употребилъ слово „безсознательныя", но spontaneus заключаетъ въ себѣ понятіе самопроизвольности, самобытности, происхожденія изъ своихъ собственныхъ силъ, а не созданія преднамѣреннаго.

Чѣмъ обусловливается эта разница?

«Усилія единицъ для самосохраненія порождаютъ одну форму организаціи. Усилія самосохраненія цѣлаго аггрегата порождаютъ другую форму организаціи. Въ первомъ случаѣ, сознательно преслѣдуются только частныя цѣли, а соотвѣтствующая организація, образующаяся изъ этого преслѣдованія частныхъ цѣлей, вырастаетъ безсознательно и безъ принужденія власти. Во второмъ случаѣ, есть сознательное преслѣдованіе общественныхъ цѣлей, а соотвѣтствующая организація, устанавливаемая сознательно, дѣйствуетъ принужденіемъ».

«Политической организаціей, заключаетъ Спенсеръ, мы называемъ ту часть общественной организаціи, которая сознательно исполняетъ направляющія и сдерживающія функціи для общественныхъ цѣлей *).

Очевидно однако, что съ такими опредѣленіями мы не можемъ выдѣлить понятія государства изъ среды многихъ другихъ союзовъ. Принужденіе и сознаніе присущи не одному государству, точно также какъ не чужда ему и свобода. Все это не выдѣляетъ государства изъ общества.

Общество, совокупность мелкихъ союзовъ — дѣйствительно составляетъ сферу болѣе самостоятельной дѣятельности личности, потому что представляетъ для нея болѣе способовъ выбирать то или иное подчиненіе, а также пріобрѣтать власть личную. Поэтому общество есть по преимуществу та сфера, въ которой развивается способность человѣка къ свободѣ. Но это не уничтожаетъ присутствія въ обществѣ элемента власти и принужденія. Всѣ мелкіе союзы общества, семьи, общины, сословія, партіи, кружки — точно также пропитаны властью, подчиненіемъ и принужденіемъ. Съ другой стороны, само государство есть въ извѣстныхъ отношеніяхъ высшее торжество человѣческой свободы и главное средство обезпеченія для личности ея свободы въ обществѣ. Та *способность* къ свободѣ, которая воспитывается по преимуществу въ средѣ общества, получаетъ возможность приходить къ *фактической* свободѣ по преимуществу благодаря государству.

*) Герб. Спенсеръ. „Развитіе политическихъ учрежденій", стр. 18—21.

необходимо принять во вниманіе, что такое представляетъ коллективность, называемая государствомъ, и чѣмъ оно отличается отъ другихъ коллективностей? Я ставлю здѣсь терминъ «коллективность» только для наглядности. Въ точномъ смыслѣ понятія тутъ должно ставить терминъ «союзъ», совершенно справедливо употребляемый юристами — государственниками. Ибо въ одной и той же національной коллективности есть много связывающихъ ее союзовъ, и государство именно есть *не особая коллективность, а только особая форма союза.*

Что же говорятъ о ней политическіе мыслители?

«Если мы, говоритъ Блюнчли, сведемъ къ одному цѣлому результаты представленнаго историческаго анализа, то понятіе государства опредѣлится слѣдующимъ образомъ: государство есть совокупность людей, соединенныхъ въ нравственно-юридическую личность, на опредѣленной территоріи, въ формѣ правительства и подданныхъ» *).

Въ этомъ опредѣленіи знаменитаго ученаго тоже чувствуется очевидная незаконченность. Въ самомъ дѣлѣ орденъ іезуитовъ есть ли государство? Еврейство, довершивши созданіе своего Alliance Israelite, составитъ ли всемірное государство? По Блюнчли, мы бы должны были это признать. Оговорка объ «опредѣленной территоріи» ничего не объясняетъ. Во-первыхъ, и для іезуитовъ и для евреевъ «земной шаръ» составляетъ вполнѣ опредѣленную территорію. Во-вторыхъ, очень часто вовсе не всѣ обитатели территоріи входили въ составъ государства. Такъ въ Римѣ огромныя масы рабовъ не входили въ государственный союзъ.

Нашъ Б. Чичеринъ даетъ лучшее перечисленіе признаковъ государства **). Они таковы:

1) Государство есть *союзъ*,
2) Союзъ цѣлаго *народа*,
3) Оно непремѣнно имѣетъ *территорію*,

---

*) Блюнчли. „Общее госуд. право", стр. 35.
**) Курсъ госуд. науки, т. I, стр. 4—7.

4) Оно имѣетъ *единый законъ*,
5) Въ немъ народъ становится *юридическимъ лицомъ*,
6) Оно управляется *верховной властью*,
7) Цѣль его *общее благо*.

Кратко резюмируя, проф. Чичеринъ останавливается на формулѣ:

«Государство представляетъ организацію народной жизни, сохраняющейся и обновляющейся въ непрерывной смѣнѣ поколѣній».

Послѣдняя формула съ выгодою могла бы быть замѣнена простымъ выраженіемъ «государство есть организація національной жизни». Однако нельзя вообще не сказать, что и опредѣленія пр. Чичерина не удовлетворяютъ насъ въ стремленіи понять сущность государственнаго союза.

Дѣло въ томъ что за этими внѣшними признаками скрывается нѣчто, имѣющее болѣе глубокое внутреннее значеніе.

Должно обратить вниманіе на то, что въ государственный союзъ вступаютъ не просто люди, отдѣльные, изолированные, не имѣющіе другихъ интересовъ кромѣ государственныхъ. У людей изолированныхъ не можетъ быть государственныхъ интересовъ, такимъ людямъ государство не нужно, и составляло бы для нихъ лишь безполезное иго. Государственный интересъ можетъ явиться только у людей, уже предварительно соединившихся въ болѣе элементарныя соціальныя группы, и здѣсь получившихъ нѣкоторые интересы, требующіе согласованія и охраненія, а равно имѣющихъ потребность обезпечить свою личность отъ эксплоатаціи самими же групповыми силами. Для такихъ людей—для *членовъ соціальныхъ группъ*—государство становится дѣйствительно нужно и даже необходимо съ того момента, когда переплетаются интересы этихъ группъ, не допуская ихъ разъединиться, но въ то же время и порождая ихъ взаимную борьбу и эксплуатацію. Тутъ становится необходимымъ высшій объединительный и примирительный принципъ, съ соотвѣтственною для его задачъ властью.

Этотъ-то соціальный фундаментъ для государства и представляетъ нація, т.-е. народъ или совокупность племенъ, доста-

точно объединенныхъ чѣмъ-либо матеріально и нравственно: тутъ имѣютъ уже значеніе и территорія, географическія условія, условія труда, языкъ, вѣрованія, историческія условія и т. д. Въ этой совокупности группъ семейныхъ, родовъ, общинъ, корпорацій, классовыхъ слоевъ,— болѣе или менѣе сложившихся въ единое общество «Землю»,—только и можетъ возникнуть потребность въ государствѣ, т.-е. *высшемъ союзѣ*, построенномъ не на частномъ или групповомъ интересѣ, а на интересѣ общемъ, т.-е. всѣ ихъ одинаково охватывающемъ и всѣмъ обезпечивающемъ союзное существованіе.

Отсюда необходима связь государства съ «націей», «всѣмъ народомъ», т.-е. съ совокупностью частныхъ группъ.

Отсюда же связь съ территоріей, ибо народъ, нація, живетъ на территоріи. Народъ долженъ извлекать средства къ жизни изъ земли—въ видѣ охоты, рыболовства, земледѣлія и промышленности основанной на обработкѣ этихъ продуктовъ добывающаго труда. Орденъ іезуитовъ или еврейское племя, или флибустьеры и пр.—какъ бы ни были сильны ихъ корпораціи, не заключаютъ въ себѣ государственной идеи. Имъ нужна организація своего интереса, а не общаго. Никакая вообще спеціальная группа не несетъ въ себѣ государственности, но лишь всѣ онѣ вмѣстѣ, въ своемъ сложномъ разнообразіи, создаютъ идею государства.

Такимъ образомъ идея государственнаго союза по существу содержитъ требованіе *общечеловѣческаго, всемірнаго* существованія, не въ количественномъ, а въ качественномъ смыслѣ. Объединенное еврейство могло бы владычествовать надъ всѣмъ земнымъ шаромъ, не имѣя всетаки характера государства. Римъ начался съ нѣсколькихъ десятковъ квадратныхъ верстъ уже съ характеромъ государства, и дорось до цѣлаго orbis terrarum romanus, оставаясь въ принципѣ существованія все тѣмъ же Римомъ, тѣмъ же государствомъ.

Итакъ, *въ государствѣ мы осуществляемъ* условія существованія не корпоративнаго, не сословнаго, не какого-либо другого, замкнутаго въ своихъ частныхъ или групповыхъ цѣляхъ, но условія существованія общечеловѣческаго.

Это государство немыслимо безъ верховной власти, ибо оно есть не что либо отвлеченное, а реальный союзъ, требующій реальной силы, которая по идеѣ и задачамъ своимъ своимъ стояла бы выше всѣхъ другихъ.

Таковы естественныя условія государственнаго союза. Само собою, присутствіе единой верховной власти даетъ присутствіе нѣкотораго единаго принципа управленія, а отчасти, стало быть, и единство закона, но все это уже второстепенно; единство принципа можетъ даже, при различіи условій, прямо требовать не одинаковаго закона. Что касается національности, территоріи и пр., то все это не составляетъ содержанія государственной идеи, а лишь даетъ условія ея возникновенія.

Въ общей сложности—сохраняя лишь то, что существенно для государства,—мы можемъ опредѣлить государство, какъ *союзъ членовъ соціальныхъ группъ, основанный на общечеловѣческомъ принципѣ справедливости, подъ соотвѣтствующей ему верховной властью.*

Согласно съ этимъ мы, при анализѣ государства, имѣемъ собственно два необходимые элемента:

1) Союзъ людей, разслоенныхъ по соціальнымъ группамъ;

2) Верховную власть.

Оба эти элемента тѣсно связаны. Правильный анализъ государственности есть именно анализъ отношеній этихъ двухъ элементовъ; искусство же политики—есть искусство сохраненія между этими элементами должнаго, то есть естественнаго по природѣ ихъ, отношенія.

VI.

Структура государства. Составные его элементы.

Но этотъ анализъ можетъ быть правиленъ лишь въ томъ случаѣ, если мы разсматриваемъ элементы государственной структуры прежде всего въ томъ положеніи и соотношеніи, въ какихъ они между собою находятся сами по себѣ, по самой природѣ. Къ сожалѣнію, юристы, имѣющіе своей задачей не только теоретическое изученіе соціально - государственныхъ явленій, но главнымъ образомъ искусство наилучшаго управленія, обыкновенно увлекаются этой послѣдней стороной дѣла, и оставляютъ безъ должнаго вниманія законы самихъ явленій. Въ этомъ отношеніи государственное право должно еще много учиться у естественныхъ наукъ. Медикъ также имѣетъ задачей искусство леченія, но точный методъ естественныхъ наукъ никогда не позволитъ ему, въ заботѣ о леченіи, забыть дѣйствительную структуру организма. Напротивъ, только помня ее, онъ ищетъ способности лечить. Въ Государственномъ Правѣ, къ сожалѣнію, субъективный элементъ личныхъ вкусовъ и желаній господствуетъ надъ объективнымъ наблюденіемъ явленій. Отсюда пораждается много важныхъ ошибокъ. Особенно страдаетъ, отъ смѣшенія элементовъ дѣйствительной структуры государства, ученіе о формахъ Верховной власти, къ которому намъ и предстоитъ перейти.

Если мы постараемся стать на почву фактовъ,—то увидимъ вышеуказанные основные элементы государства (союзъ гражданъ и верховную власть), въ нѣкоторой постоянной обстановкѣ, не мѣняющейся ни въ какихъ государствахъ.

Въ ней приходится различать четыре элемента, хотя тѣсно связанные, но имѣющіе отдѣльное существованіе и между собою способные даже сталкиваться, ибо ихъ гармонія составляетъ только тенденцію соціальныхъ фактовъ и цѣль политическаго искусства, но легко можетъ нарушаться то односто-

роннимъ развитіемъ какого либо одного элемента, то ошибками правителей.

Эти элементы суть слѣдующіе:

1) *Нація*, которая представляетъ всю массу лицъ и группъ, коихъ совмѣстное сожительство порождаетъ идею верховной власти, надъ ними одинаково владычествующей. Государство помогаетъ національному сплоченію, и въ этомъ смыслѣ способствуетъ созданію націи, но должно замѣтить, что государство отнюдь не замѣняетъ и не упраздняетъ собою націи. Вся исторія полна примѣрами того, что нація переживаетъ полное крушеніе государства, и черезъ столѣтія снова способна создать его; точно также націи сплошь и рядомъ мѣняютъ и преобразуютъ государственные строи свои. Вообще—нація есть основа, при слабости которой слабо и государство; государство, ослабляющее націю—тѣмъ самымъ доказываетъ свою несостоятельность.

2) *Верховная власть*, которая есть конкретное выраженіе принципа, принимаемаго націею за объединительное начало.

3) *Государство*, какъ совокупность верховной власти и подчинившихся ей подданныхъ, членовъ націи. Нація однако живетъ въ государствѣ лишь нѣкоторой частью своего существованія, и каждый отдѣльный членъ націи есть лишь отчасти членъ государства, не теряя отъ этого своей связи съ націей.

4) *Правительство*, которое есть организація системы управленія. Оно организуется верховной властью, но не есть сама верховная власть, а только орудіе ея.

Вопросъ теоретически важнѣйшій, а практически наиболѣе запутанный—это именно вопросъ, 1) объ отношеніи націи и верховной власти съ одной стороны и 2) объ отношеніи верховной власти и правительства.

Такъ при опредѣленіи характера верховной власти—державное значеніе постоянно приписывается то самому государству, то даже правительству. Государство, говорятъ, порождаетъ явленіе правительства и подданныхъ.

«Даже въ самой полной демократіи,—замѣчаетъ Блюнчли,—гдѣ эта противоположность, повидимому, исчезаетъ, она въ

дѣйствительности все таки существуетъ. Народная община аѳинскихъ гражданъ была *правительствомъ*, а отдѣльные аѳиняне по отношенію къ ней *подданными*. Гдѣ нѣтъ облеченнаго авторитетомъ правительства, гдѣ подданные отказали въ политическомъ повиновеніи, при чемъ каждый дѣлаетъ что хочетъ, словомъ, гдѣ анархія, тамъ прекращается государство» (*«Общ. Гос. Право»*).

Что тутъ вѣрнаго? Фактъ нѣкотораго владычества и нѣкотораго подданства. Но кому принадлежитъ первое и кому второе? Въ этомъ отношеніи анализъ Руссо *) былъ гораздо точнѣе, нежели анализъ Блюнчли. Подданство относится собственно къ верховной власти. Есть существенная разница между *Souverain* (верховная власть) и *Gouvernement* (правительство). Народная община Аѳинъ была именно Souverain, и только потому отдѣльные граждане были подданными ея.

Вообще члены государственнаго союза суть *подданные* только въ отношеніи верховной власти, въ отношеніи же правительства они суть *граждане*, ибо имѣютъ свои права и свои обязанности, точно также какъ правительство имѣетъ свои права и свои обязанности. Въ обоихъ случаяхъ права и обязанности опредѣляются верховной властью, а правительство— есть не болѣе какъ орудіе управленія, само по себѣ никакой самостоятельной власти не имѣющее, и пользующееся лишь тѣми полномочіями, какіе ему дарованы верховной властью.

Такимъ образомъ нельзя никоимъ образомъ смѣшивать верховной власти съ правительствомъ, и слѣдуетъ даже замѣтить, что самая идея управленія, свойственная той или иной формѣ верховной власти, должна быть лишь съ большой осторожностью опредѣляема по наличной въ данную минуту системѣ управленія. Ибо система управленія обусловливается не одной внутренней логикой данной формы верховной власти (напр. монархіи или демократіи), но также обстоятельствами, болѣе или менѣе посторонними ей и даже противорѣчащими ей.

---

*) Contrat Sociale, кн. VI.

Отношеніе между правительствомъ и верховною властью вообще принадлежитъ къ числу любопытнѣйшихъ вопросовъ политики. Верховная власть есть проявленіе принципа, идеи. Правительство есть созданіе практическихъ условій, условій времени и мѣста. Въ принципѣ и въ идеалѣ, верховная власть организуетъ правительство по собственной идеѣ, т.-е. примѣнительно къ содержанію своей идеи. Но если эта идея не настолько ясна, чтобы допустить такую организацію въ достаточно чистомъ видѣ, или если практическія условія несовмѣстимы съ организаціей правительства на основѣ даннаго принципа, то въ организаціи правительственной могутъ появиться силы и принципы даже прямо враждебныя данной формѣ верховной власти. Въ такомъ положеніи была, напримѣръ, французская демократія въ концѣ XVIII вѣка. Въ такомъ положеніи находятся въ настоящее время многія монархіи. Во всѣхъ такихъ случаяхъ правительство, организуемое верховной властью, можетъ стать даже орудіемъ переворота, ниспроверженія этой верховной власти, ибо, дѣйствуя въ духѣ какой-либо другой формы правленія, правительство становится могущественнѣйшимъ ея пропагаторомъ въ умахъ націи и постепенно замѣняетъ, напримѣръ, монархію демократіей.

Но даже помимо такихъ рѣзкихъ случаевъ, а какъ общее явленіе—верховная власть и правительственныя учрежденія имѣютъ всегда раздѣльное существованіе, и ихъ интересы и стремленія не всегда совпадаютъ, а могутъ приходить и въ полное противорѣчіе.

Правительство есть органъ верховной власти, и дѣло политическаго искусства состоитъ въ томъ, чтобы этотъ органъ функціонировалъ въ полной гармоніи съ верховной властью. Но общій соціальный законъ явленій состоитъ въ томъ, что каждая организація, разъ сложившись, стремится вырости какъ можно больше, стать какъ можно болѣе самостоятельною, и, по мѣрѣ возможности, господствовать надъ другими. При этомъ всякая такая организація получаетъ стремленіе развиваться все далѣе и все логичнѣе *изъ своего собственнаго содержанія*, по своему собственному принципу. Это общій законъ

ственныхъ учрежденіяхъ, и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ они лучше поставлены.

Не отвергая въ принципѣ своего подчиненія верховной власти, эти учрежденія естественно стремятся быть, фактически, возможно болѣе отъ нея независимыми и дѣйствовать самостоятельно. При всякомъ ослабленіи политическаго искусства со стороны верховной власти, эта тенденція правительственныхъ учрежденій развивается до самыхъ вредныхъ размѣровъ. Посему, въ исторіи, борьба магистратовъ и верховной власти занимаетъ очень видное мѣсто. Исторія Рима наполнена ею, какъ во времена царей, такъ и по низверженіи ихъ во времена республики. Наиболѣе полный образчикъ покоренія верховной власти магистратурой представляла Японія послѣднихъ столѣтій (до переворота, низвергшаго Сёогуновъ). Микадо—въ принципѣ самодержавный, по внѣшности обоготворяемый, былъ превращенъ—фактически—въ тюремнаго заточника въ своемъ дворцѣ, и безусловно оттертъ и отъ правленія, и отъ народа системой магистратуры съ Сеогуномъ во главѣ. Въ менѣе поразительныхъ размѣрахъ то же явленіе замѣчается въ исторіи многихъ монархій. Въ исторіи демократій оно еще сильнѣе. Такъ въ современной Франціи—какъ и вообще въ парламентарныхъ странахъ—народъ, по принципу самодержавный,—отстраненъ отъ всякаго вліянія на дѣла, и его воля почти не существуетъ въ нихъ (за исключеніемъ минутъ революціонныхъ вспышекъ). Въ Сѣверо-Американской республикѣ это явленіе замѣтно, иногда, еще сильнѣе, особенно въ восточныхъ штатахъ.

Если правительственныя учрежденія имѣютъ свое особенное отъ верховной власти существованіе, то — имѣетъ его и нація. Отношенія верховной власти къ націи, вслѣдствіе этого, также требуютъ постояннаго политическаго искусства, съ ослабленіемъ коего могутъ извращаться. А это обстоятельство тѣмъ болѣе важно, что именно въ правильномъ отношеніи къ націи верховная власть почерпаетъ силу для постояннаго держанія въ своихъ рукахъ магистратуры.

Управительная власть имѣетъ всегда стремленіе привести верховную власть въ *пассивное* состояніе, сохранивъ дѣятельную роль лишь для себя. Ея идею составляетъ: Souverain regne, mais ne gouverne pas. Напротивъ нація, народъ, всегда имѣетъ стремленіе поддержать *прямое дѣйствіе* верховной власти, ибо лишь проявленія верховной власти защищаютъ народъ, націю отъ постепеннаго порабощенія правительственными властями. Посему то верховная власть всегда можетъ опереться на народъ въ борьбѣ со всякой магистратурой—аристократическаго ли, или политиканскаго или бюрократическаго характера. Отрѣзанная же отъ народа, верховная власть—напротивъ, всегда рискуетъ получить участь прежнихъ японскихъ микадо.

Обрисованная структура національно-государственнаго тѣла должна быть ясно понимаема для возможности политическаго искусства. Современное государственное право чрезвычайно страдаетъ постояннымъ смѣшиваніемъ элементовъ, играющихъ роль въ государственныхъ функціяхъ.

Элементы эти, какъ сказано, слѣдующіе:

1) *Нація*, остающаяся живою и при возникновеніи государства, и образующая строй соціальный, съ разстройствомъ котораго рушится и государство. Ея отдѣльные члены суть подданные въ отношеніи верховной власти, но граждане въ отношеніи государства и правительства;

2) *Верховная Власть*, которая въ совокупности съ подданными образуетъ—

3) *Государство;*

4) *Правительство*, подчиненное верховной власти и ею организуемое въ цѣляхъ государственнаго управленія.

ОТДѢЛЪ III.

Власть верховная.

VII.

Власть верховная и управительная.

Основное различіе между властью верховной и правительственной сопровождается совершенно различнымъ строеніемъ той и другой.

Верховная власть всегда основана на какомъ-либо *одномъ* принципѣ, *едина*, *сосредоточена* и *нераздѣльна*.

Власть правительственная, напротивъ, всегда болѣе или менѣе представляетъ *сочетаніе* различныхъ принциповъ и основана на *спеціализаціи*—порождая такъ называемое *раздѣленіе властей*.

Современное Государственное право, точнѣе сказать конституціонное право, забывая различіе между властью верховной и управительной, постоянно приписываетъ первой то, что имѣетъ мѣсто лишь во второй. Такимъ путемъ въ XIX в. утвердилось двѣ научно ложныхъ, а практически вредныхъ доктрины о «сочетанной верховной власти» и о «раздѣленіи властей», распространенномъ и на самую верховную власть. Эти ошибочныя ученія необходимо отстранить прежде, чѣмъ мы перейдемъ къ дальнѣйшему изложенію, ибо при сохраненіи столь вредной путаницы понятій никакое ясное представленіе о дѣйствительной жизни государственныхъ явленій невозможно.

Это конституціонное ученіе—созданіе не объективной научной мысли, а требованій чисто практическихъ, необходимости какъ-нибудь осмыслить политическое строеніе революціонной эпохи XVIII и XIX вѣковъ,—сверхъ того испытало тяжелое давленіе со стороны безсвязной уличной мысли, соединившееся съ давленіемъ непродуманной теоріи «прогресса». Подъ такими спутанными вліяніями у юристовъ явилось ученіе о томъ, будто бы современная эпоха создаетъ въ политикѣ нѣчто невиданное, новое, «современное государство».

Подъ давленіемъ популярнаго, уличнаго требованія «свободы», подъ которою масса сама хорошо не знаетъ, что понимать, такой крупный умъ какъ Блюнчли пытается передѣлать классификацію государствъ, чтобы очистить въ нихъ мѣсто «свободѣ», въ видѣ «контроля» подданныхъ надъ правительствомъ, понимаемомъ въ смыслѣ верховной власти. Эта идея въ сущности отрицаетъ все, что самъ же Блюнчли говоритъ о существѣ верховной власти. Въ самомъ дѣлѣ, если контроль подданныхъ не можетъ заставить верховную власть измѣнить свой способъ дѣйствій, то какой въ немъ смыслъ? Если же подданные, въ результатѣ контроля, могутъ заставить верховную власть дѣйствовать иначе, то, значитъ, верховная власть имъ подвластна. Значитъ, послѣднюю инстанцію составляютъ подданные, а не власть. Значитъ, настоящую верховную власть составляютъ подданные.

Эту логическую нелѣпость ученіе Блюнчли принимаетъ только потому, что не видитъ дѣйствительности «современнаго государства». На самомъ дѣлѣ оно составляетъ не что-либо существенно новое, а есть лишь появленіе демократіи въ качествѣ верховной власти. Только поэтому и является требованіе «контроля» со стороны этихъ яко бы «подданныхъ». На самомъ дѣлѣ они, въ Европѣ, уже не подданные, а носители верховной власти; то же «правительство», которое Блюнчли, по старой памяти, продолжаетъ считать «верховною властью», уже давно перестало ею быть, а стало лишь «делегированною» властью, народнымъ коммиссаромъ, исполняющимъ велѣнія верховной власти народа. Вотъ что имѣется въ дѣйствительности

такъ называемаго «современаго государства». Что касается контроля дѣйствительныхъ подданныхъ надъ верховною властью, то этой невозможности нѣтъ и теперь, какъ никогда не было. Отдѣльный гражданинъ «современнаго» государства точно такъ же не можетъ «контролировать» самодержавной народной воли, какъ подданный монархіи не можетъ этого дѣлать въ отношеніи своего Государя.

Не замѣчая абсурда, вводимаго имъ въ науку, Блюнчли рисуетъ «современное» государство такъ:

«Хотя въ періодъ отъ конца среднихъ вѣковъ до XVIII вѣка, въ лицѣ абсолютной королевской власти, возобновился, казалось, абсолютизмъ древне-римскихъ императоровъ, но народы скоро снова вспомнили свою естественную (?) свободу. Начинается борьба за политическую свободу противъ абсолютизма правительства. Государство снова становится народнымъ, но въ болѣе благородныхъ формахъ, нежели въ древности. Средневѣковое сословное устройство служитъ преддверіемъ новаго представительнаго государства, въ которомъ народъ представляетъ себя въ лицѣ лучшихъ (?) и благороднѣйшихъ (?) своихъ членовъ». Опредѣляя новую «конституціонную» монархію, онъ говоритъ: «Конституціонная монархія нѣкоторымъ образомъ заключаетъ въ себѣ всѣ другія государственныя формы. Но, представляя собой наибольшее разнообразіе, она не жертвуетъ (?) для него гармоніей и единствомъ. Она предоставляетъ аристократіи свободное поприще для проявленія ея силъ и ея духовныхъ способностей; на демократическое направленіе народной жизни она не налагаетъ оковъ, а оставляетъ за нимъ свободное развитіе. Она признаетъ даже идеократическій элементъ въ видѣ почитанія закона» *).

Это фантастическое представленіе совершенно вошло въ quasi-научный обиходъ, и учебники государственнаго права проповѣдуютъ студентамъ такія «истины»:

---

*) Блюнчли, какъ извѣстно, пытался установить въ наукѣ четвертую форму верховной власти „идеократію“.

служить французская монархія XVII вѣка, вся полнота верховной власти сосредоточивалась въ одномъ лицѣ, и эта власть поэтому (?!) была личною и надзаконною. Современное же государство такой власти не знаетъ и распредѣляетъ основныя функціи государственной власти между нѣсколькими органами, изъ которыхъ поэтому ни одинъ не обладаетъ неограниченною властью и каждый находитъ свой предѣлъ въ конституціи другихъ органовъ». «Въ современномъ государствѣ каждая функція государственной власти имѣетъ свой, ея природѣ соотвѣтствующій органъ, и каждый изъ этихъ органовъ имѣетъ свою самостоятельную, закономъ гарантированную компетенцію». Для установленія единства дѣйствій этой разсыпанной храмины власти: «основный принципъ конституціоннаго (оно же «современное») государства гласитъ, что новое право не создается одностороннею волей правителя, а можетъ состояться лишь въ формѣ закона».

Это «современное» государство разсматривается, какъ универсальное:

«Если прежде политическій строй народа слагался лишь изъ элементовъ, вырабатывавшихся на его родной почвѣ, то въ новое время этотъ строй нерѣдко искусственно насаждается по образцу конституцій другихъ народовъ и сразу даетъ народу то, что другимъ доставалось вѣками многотрудной исторической жизни. Конституціонныя учрежденія слагались на англійской почвѣ цѣлыми вѣками. Но съ тѣхъ поръ, какъ ими овладѣла наука (не наоборотъ ли: они овладѣли наукой?) и они породили политическія теоріи, которыя проповѣдывались выдающимися умами Англіи, Франціи и Германіи, а государственный строй этихъ послѣднихъ странъ рушился подъ напоромъ новыхъ потребностей, новыхъ идей и новыхъ воззрѣній,—тогда они послужили образцами, по которымъ были преобразованы въ сравнительно короткое время большинство европейскихъ государствъ». Въ противность будто бы прошлому, нынѣ «политическая доктрина является самостоятельною силой, подчиняющею своему владычеству культурные народы, шивел-

лирующею политическій бытъ и распространяющею на нихъ сѣть однообразныхъ учрежденій» *).

Нельзя не удивляться силѣ ходячихъ мнѣній, когда видишь, какія опредѣленія подсказываютъ они даже такимъ тонкимъ аналитикамъ, какъ Б. Н. Чичеринъ.

«Ограниченная монархія,—повторяетъ и онъ въ общемъ хорѣ,—представляетъ сочетаніе монархическаго начала съ аристократическимъ и демократическимъ. Въ этой политической формѣ выражается полнота развитія всѣхъ элементовъ государства и гармоническое ихъ сочетаніе. Монархія представляетъ начало власти, народъ или его представители начало свободы, аристократическое собраніе постоянство закона». «Идея государства (будто бы) достигаетъ здѣсь высшаго развитія» **).

Трудно было бы повѣрить, что это слова того же ученаго, который въ томъ же сочиненіи пишетъ о «чистой монархіи»:

«Изо всѣхъ политическихъ формъ, это та, которая представляетъ во всей полнотѣ единство государственной воли, а съ тѣмъ вмѣстѣ и единство государственнаго союза». «Чистая монархія, говоритъ онъ, представляетъ и высшій нравственный порядокъ. Здѣсь верховная власть независима отъ воли народной; поэтому здѣсь господствуетъ начало обязанности или подчиненія высшему порядку». Другими словами, слѣдовало бы сдѣлать выводъ, что чистая монархія представляетъ самое чистое выраженіе вообще государственной идеи. Но Б. Н. Чичеринъ тутъ же замѣчаетъ: «Что касается начала свободы, то оно въ этой государственной формѣ проявляется только (?) въ подчиненныхъ (??) сферахъ». Замѣчаніе мудреное! Эта злополучная «свобода» именно и сбиваетъ съ толку современныхъ государственниковъ.

Какъ бы то ни было—если бы современные ученые думали болѣе объ объективныхъ задачахъ науки—т.-е. прежде всего о знаніи фактовъ и явленій, а не о прикладныхъ цѣляхъ «прогресса», «нивеллировки» и т. п.,—никогда они не стали бы

---

*) А. Алексѣевъ. Русское Государств. право, Мек. 1895 г., стр. 9—10.

**) Б. Чичеринъ. Курсъ Государственной науки, т. I.

черезъ 2000 лѣтъ возводить въ послѣднее слово науки древнее ученіе Полибія о «сочетанной» верховной власти. Впрочемъ и Полибій, въ сущности, не дѣлалъ такихъ рѣзкихъ ошибокъ, какъ нынѣ.

Болѣе 2000 лѣтъ тому назадъ (около 200 лѣтъ до Р. Х.) онъ развивалъ свое ученіе о политическихъ формахъ. Признавая, вслѣдъ за Аристотелемъ, три основныя формы (монархію, аристократію и демократію), онъ такъ представлялъ ихъ послѣдовательную смѣну.

Въ обществѣ еще не благоустроенномъ или пришедшемъ въ разстройство, власть составляетъ удѣлъ силы. Но въ самыхъ столкновеніяхъ между людьми неизбѣжно вырабатываются понятія о честномъ, безчестномъ, справедливомъ, несправедливомъ. Главы и старѣйшины стараются поэтому управлять скорѣе правосудіемъ, нежели силой. Полибій, самъ уроженецъ греко-персидскаго міра, не могъ не знать живыхъ примѣровъ этого, въ родѣ исторіи возвышенія Дейока. Такія-то популярныя своимъ правосудіемъ лица, говоритъ онъ, создаютъ монархію. Она держится, пока сохраняетъ свой нравственный характеръ. Теряя его, она вырождается въ тиранію. Тогда является необходимость низверженія тирана, что и производится лучшими, вліятельнѣйшими людьми. Наступаетъ эпоха аристократіи. Конецъ аристократіи является тогда, когда она вырождается въ олигархію, протестомъ противъ которой является власть народа—демократія. Ея вырожденіе, въ свою очередь, создаетъ невыносимую охлократію, господство толпы, которое снова приводитъ общество въ хаосъ. Тогда спасеніемъ является снова возстановленіе единовластія.

Такъ представлялъ себѣ Полибій круговую эволюцію политической смѣны формъ. Отсюда же онъ выводилъ свое ученіе о сложныхъ формахъ власти. Такъ какъ всѣ онѣ имѣютъ свои недостатки, то мудрѣйшіе законодатели, говоритъ онъ, думали отвратить это неизбѣжное зло сочетаніемъ трехъ основныхъ формъ, чтобы исправлять недостатки одной — достоинствами другихъ. Какъ на образчикъ этого Полибій указываетъ на конституцію Ликурга въ Спартѣ. Еще болѣе удачнымъ сочe-

представляли, по его мнѣнію, элементъ монархическій, сенатъ—аристократическій, а народныя собранія и трибунатъ—демократическій.

Такимъ образомъ Полибій очерчиваетъ конституцію Римской республики, не разграничивая въ ней власти верховной и власти управительной. Устройство управительной власти въ Римѣ и было дѣйствительно очень мудро. Но верховною властью въ Римѣ, по низверженіи царей, была все таки демократія, имѣвшая въ странѣ превосходную аристократію, хотя и неспособную дорости до значенія власти верховной, но игравшую огромную роль въ области управительной власти. Всѣ «сочетанія» только и происходили въ этой послѣдней области.

Сама же верховная власть нигдѣ не бываетъ сложною: она всегда ироста и основана на одномъ изъ трехъ вѣчныхъ принциповъ: монархіи, аристократіи или демократіи.

Наоборотъ, въ управленіи никогда не дѣйствуетъ какой-либо одинъ изъ этихъ принциповъ, но замѣчается всегда одновременное присутствіе всѣхъ ихъ, такъ или иначе организуемыхъ верховною властью.

«Современное государство» не представляетъ въ этомъ отношеніи ничего новаго и исключительнаго, а лишь воспроизводитъ вѣчный законъ политическаго строенія обществъ. Ошибочныя въ этомъ отношеніи понятія порождаются лишь забвеніемъ того, что организація верховной власти и организація управленія вовсе не одно и то же, и по самой природѣ общества слагаются неодинаково.

Чтобы видѣть ошибочность точки зрѣнія конституціоннаго права, достаточно вспомнить общіе признаки верховной власти.

По прекрасной формулировкѣ Чичерина *), верховная власть—*едина*, *постоянна*, *непрерывна*, *державна*, *священна*, *ненарушима*, *безотвѣтственна*, *вездѣ присуща* и есть *источникъ всякой государственной власти*. «Совокупность принадлежащихъ ей правъ есть *полновластіе* (Machtvolkommenheit),

*) „Курсъ Госуд. науки" ч. I, стр. 60 и слѣд.

какъ внутреннее, такъ и внѣшнее. Юридически она ничѣмъ не ограничена. Она не подчиняется ничьему суду, ибо если бы былъ высшій судья, то ему бы принадлежала верховная власть. Она—верховный судья всякаго права... Словомъ, это власть въ юридической области полная и безусловная. Эта полнота власти называется иногда абсолютизмомъ государства въ отличіе отъ абсолютизма князя. Въ самодержавныхъ правленіяхъ монархъ потому имѣетъ неограниченную власть, что онъ единственный представитель государства какъ цѣлаго союза. Но и во всякомъ другомъ образѣ правленія верховная власть точно также неограниченна... Это полновластіе неразлучно съ самымъ существомъ государства».

Возражая на мнѣніе о возможности ограниченія ея, Чичеринъ совершенно справедливо отвѣчаетъ:

«Всякія ея ограниченія могутъ быть только нравственныя, а не юридическія. Будучи юридически безграничною, верховная власть находитъ предѣлъ какъ въ *собственномъ нравственномъ сознаніи, такъ и въ совѣсти гражданъ*».

Точнѣе было бы сказать, что она ограничена содержаніемъ того идеократическаго элемента, который выражаетъ и для выраженія котораго признана верховною. Выходя изъ этихъ предѣловъ, она становится узурпаторскою, незаконною. Оставаясь же въ нихъ, — ничѣмъ, кромѣ содержанія собственной идеи, не ограничена.

Ученіе о якобы возможномъ ограниченіи верховной власти идетъ, какъ замѣчаетъ Чичеринъ, «отъ французской революціи». Но тутъ необходима серіозная оговорка.

Это ученіе, лишенное философской государственной мысли, явилось собственно въ результатѣ «либеральнаго» компромисса между революціонною идеей и практическимъ здравымъ смысломъ. Оно было созданіемъ не разума, а страха передъ собственною идеей «новаго строя», изъ желанія чѣмъ-нибудь связать безшабашную «волю» новаго «самодержца» охлократіи. Но чистая революціонная идея, будучи фантастичною по существу, вовсе не страдала этой нелогичностью «либерализма».

Дѣйствительный философъ ожидавшагося новаго строя, Ж. Ж.

Руссо, не боящійся своихъ идеаловъ,—а потому сохраняющій свободу своего разума, совершенно присоединяетоя къ опредѣленіямъ логичныхъ государственниковъ (но не либеральныхъ конституціоналистовъ).

«По той же причинѣ, по какой Souveraineté (верховная власть) неотчуждаема, говоритъ онъ,—она и недѣлима (indivisible, то-есть едина)». Законъ, объясняетъ онъ, есть воля этого Souverain. Наши политики, язвительно замѣчаетъ онъ по адресу уже зародившихся конституціоналистовъ англоманской школы Монтескье, не имѣя возможности раздѣлить верховную власть въ принципѣ, разбиваютъ ее въ проявленіяхъ и дѣлаютъ изъ Souverain фантастическое существо, въ родѣ того, какъ если бы составить человѣка изъ нѣсколькихъ тѣлъ, изъ которыхъ одно имѣетъ только глаза, другое только руки, третье ноги и больше ничего. Руссо не только насмѣхается надъ этими «японскими фокусниками», но прямо заявляетъ, что ихъ ухищренія происходятъ отъ недостатка точности наблюденія и разсужденія *). Только въ правительствѣ (то-есть, какъ сказано выше,въ системѣ управленія) Руссо допускаетъ, да и то съ оговорками, «смѣшанныя» формы власти, именно въ видахъ ихъ взаимнаго ограниченія.

Ясно, впрочемъ, что такія ограниченія лишь обезпечиваютъ еще болѣе самодержавіе собственно верховной власти, такъ какъ предотвращаютъ возможность всякой узурпаціи со стороны подчиненныхъ правительственныхъ силъ.

Такимъ образомъ Руссо дѣлаетъ конституціоналистамъ своего времени совершенно тотъ же упрекъ, который приходится сдѣлать современнымъ государственникамъ, зараженнымъ той же нелогичностью.

Когда приходится разсуждать *вообще*, они ясно понимаютъ смыслъ верховной власти. Но изъ потребности теоретически оправдать «современное» либеральное государство, — они составили совершенно фантастическое понятіе «сложнаго субъекта» верховной власти.

---

*) Contrat, Social кн. II.

«Единство верховной власти, гласитъ эта теорія, нисколько не нарушается тѣмъ, что носителями ея являются нѣсколько органовъ, какъ это мы видимъ въ конституціонной монархіи. Верховная власть въ конституціонной монархіи, гдѣ существуетъ нѣсколько органовъ, столь же едина, какъ и въ абсолютной». Почему же? Потому, объясняетъ теорія, что эти нѣсколько органовъ только въ совокупности составляютъ верховную власть. «Законъ, какъ выразитель единой государственной воли, не можетъ составиться иначе, какъ совокупнымъ дѣйствіемъ короля и парламента» *).

Тутъ, очевидно, однако, колоссальное недоразумѣніе. «Субъектомъ» верховной власти можетъ, конечно, быть коллективность, но лишь въ томъ случаѣ, если она все же представляетъ какой-либо *одинъ* принципъ. Здѣсь же *единую волю*, всѣмъ управляющую, воображаютъ «сочетать» изъ нѣсколькихъ воль, выражающихъ *противоположные* принципы. Но совершенно ясно, что такое «сочетаніе» плюсовъ и минусовъ создаетъ въ нѣдрахъ «единой государственной воли» вѣчную борьбу, исключающую всякую возможность искомаго единства.

Недоразумѣніе, благодаря которому люди не замѣчаютъ столь очевидной истины, состоитъ въ недостаточномъ вниманіи къ существенному различію между верховною властью и создаваемымъ ею правительствомъ, между Souverain и Gouvernement; различію, столь твердо устанавливаемому Ж. Ж. Руссо. Это забвеніе тѣмъ страннѣе, что сама же конституціонная теорія создала понятіе о королѣ, который «regne mais ne gouverne pas».

Въ дѣйствительности политическихъ силъ нѣтъ такой верховной власти, которая бы лишь «царствовала», а не «управляла». Это возможно лишь въ исключительныя минуты, наканунѣ паденія данной верховной власти, которая уже въ сущности перестала ею быть, но еще официально не упразднена. Верховная же власть, дѣйствительная, всегда управляетъ. Но въ то же время нѣтъ верховной власти, которая бы не при-

*) Алексѣевъ, стр. 130.

зывала къ управленію, ею создаваемому,—другихъ, подчиненныхъ общественныхъ силъ. Верховная власть, сила «царствующая», Souverain,—такъ-сказать,—управляетъ управляющими, и весь вопросъ хорошаго политическаго строя въ томъ, чтобы это царственное управленіе силами правительственными не было фиктивнымъ.

Политическіе мыслители современности прекрасно знаютъ факты, которые способны освѣтить отношеніе между верховною властію и управленіемъ. Такъ они указываютъ, что «въ дѣйствительной жизни нѣтъ примѣра, чтобы государство въ цѣломъ состояло только изъ монархическихъ, аристократическихъ или демократическихъ элементовъ». Въ дѣйствительности политическія тѣла представляютъ сооруженія «смѣшанныхъ стилей». Это «смѣшеніе стилей объясняется тѣмъ, что монархія, аристократія и демократія опираются на свойства, составляющія неотъемлемую принадлежность каждаго общежитія». Поэтому «въ государствахъ является не полная однородность элементовъ, а только преобладаніе одного надъ остальными» *).

Это совершенно вѣрное наблюденіе. Но оно вѣрно лишь до тѣхъ поръ, пока не приписываетъ верховной власти того, что составляетъ принадлежность общества, и въ государство переходитъ изъ общества въ той мѣрѣ, въ какой этого требуетъ принципъ, получившій въ данномъ государствѣ функцію верховной власти.

Дѣло собственно состоитъ въ слѣдующемъ. Въ человѣческомъ обществѣ есть нѣсколько элементовъ силы, вліянія на окружающее. Вся жизненность управленія зависитъ отъ умѣнія пользоваться внутреннею связью, которая на тысячѣ пунктовъ существуетъ между государствомъ и территоріальными, классовыми, сословными, родовыми и т. д. союзами, создаваемыми общественной жизнью. Тутъ существуетъ множество центровъ вліянія, основанныхъ на различныхъ способахъ имѣть власть, а потому въ многоразличныхъ проявленіяхъ постоянно живутъ

*) Н. А. Звѣревъ, „Основанія классификаціи государствъ“, анализъ ученія Ромера и другихъ.

всѣ принципы власти. Они не исчезаютъ никогда и нигдѣ, какъ не исчезаютъ различнаго рода организаціи, возникающія на ихъ основѣ, и для жизни соціальной всѣ, въ своемъ родѣ, необходимы. Но когда возникаетъ *государство*—это означаетъ, что возникаетъ идея нѣкоторой *верховной власти*, не для уничтоженія частныхъ силъ, но для ихъ регулированія, примиренія и вообще соглашенія. Безъ такой владычествующей силы частныя силы, по самой противоположности своей идеи, обречены на борьбу. Смыслъ верховной власти состоитъ въ общемъ *обязательномъ* примиреніи.

VIII.

Простота принципа верховной власти.

Поэтому-то верховная власть, по самой идеѣ своей, можетъ быть основана лишь на какомъ-либо одномъ простомъ принципѣ. На какомъ именно? Политическій геній различныхъ народовъ и въ разныя эпохи ихъ существованія неодинаково это рѣшаетъ. Онъ выбираетъ иногда основу демократическую, иногда аристократическую или монархическую, но всегда какую-либо *одну*. Иначе быть не можетъ и не бываетъ. Ибо сочетаніе нѣсколькихъ основъ власти лишило бы верховную власть единства идеи, т.-е. нарушило бы самую цѣль учрежденія государства.

Какъ бы мы ни комбинировали различныя силы для достиженія ихъ согласнаго дѣйствія, мы не можетъ предупредить ихъ столкновенія. Это столкновеніе даже необходимо, ибо живые принципы вѣрятъ, и должны вѣрить, въ свою правоту, а слѣдовательно должны стремиться каждый къ возможно большему господству надъ обществомъ. Уничтоженіе такого стремленія означало бы исчезновеніе въ нихъ живой силы. Посему столкновеніе ихъ и борьба неизбѣжны и полезны. Но общество должно имѣть учрежденіе, которое бы не допускало такого столкновенія до междоусобія, не позволяло полезной степени борьбы переходить въ степень опасную или даже смертельную

его верховная власть.

Если бы верховная власть была сочетаніемъ различныхъ основъ власти, то ихъ борьба неизбѣжно возникала бы и въ ней самой. Кто же бы тогда явился примирителемъ ея? Свободное соглашеніе? Но государство только и основано по той причинѣ, и на тотъ случай, когда нѣтъ свободнаго соглашенія.

Во всѣхъ случаяхъ, когда свободное соглашеніе возможно, въ государствѣ нѣтъ надобности. Когда же соглашеніе свободное невозможно, верховная власть государства можетъ выступить въ качествѣ судьи только ставъ на *высшую* точку зрѣнія, *свою собственную*, единую, свободную отъ опаспости внутреннихъ противорѣчій.

Если бы въ государствѣ верховная власть состояла изъ нѣсколькихъ элементовъ, то общество никогда не могло бы быть увѣрено въ томъ, что оно обладаетъ верховною властью. Такая власть являлась бы лишь въ тѣ моменты, когда ея составные элементы пришли въ согласіе, и исчезала бы каждый разъ, когда они входятъ въ столкновеніе. Но гдѣ же тогда «постоянство», «непрерывность» дѣйствія верховной власти? При «сочетанной» власти преобладаніе попеременно получалъ бы то одинъ, то другой принципъ, а общество лишалось бы стройности и опредѣленности управленія. Но тогда—нѣтъ никакой пользы отъ государства, да нѣтъ и самаго государства. Оно какъ учрежденіе постоянное при этомъ исчезаетъ, и общество само не знаетъ, въ какую минуту оно обладаетъ государствомъ, въ какую нѣтъ.

Посему верховная власть всегда основана на одномъ принципѣ, поставленномъ выше всѣхъ остальныхъ. Это не одно требованіе логики, но также историческій фактъ. Въ верховной власти всегда владычествуетъ одинъ какой-либо принципъ. Остальные—хотя и сохраняются въ государствѣ, какъ дѣйствующія силы управленія, но уже являются подчиненными, безъ значенія власти собственно верховной, имѣющей послѣднее слово рѣшенія. Только поверхностность анализа порождаетъ мнѣнія о существованіи будто бы «сложной» верховной власти. Ея нѣтъ.

Въ «современныхъ» конституціонныхъ государствахъ точно также нѣтъ сочетанной, сложной верховной власти, а есть лишь сложная управительная власть. Конституціонные «монархи» и ихъ верхнія и нижнія палаты, по существу современныхъ идей, составляютъ власть лишь делегированную; дѣйствительную же верховную власть имѣетъ народъ, численное большинство. Въ новѣйшей исторіи конституціонныхъ странъ мы всегда видимъ, какъ, въ случаѣ столкновеній между делегированными властями, рѣшающимъ элементомъ является масса народа, peuple Souverain, иногда посредствомъ голосованій, иногда посредствомъ революцій, или посредствомъ «мирныхъ манифестацій», которыя въ политикѣ имѣютъ значеніе угрозы революціей.

То что современные представители государственнаго права считаютъ «конституціонною» монархіей, сочетающею будто бы различные элементы въ одной верховной власти, есть такимъ образомъ въ дѣйствительности нечто иное, какъ еще не вполнѣ организованная демократія. Она уже побѣдила въ сознаніи народовъ, она уже стала фактически верховною властью, но еще пока не выбросила изъ числа своихъ делегированныхъ властей остатковъ монархіи и аристократіи, еще не замѣнила этихъ обломковъ прежняго устройства одной палатой народныхъ представителей. Въ передовыхъ радикальныхъ программахъ вообще и требуютъ поэтому единой палаты.

Но если бы даже опытъ и практика показали, что народу удобнѣе раздѣлить своихъ «управляющихъ» на нѣсколько самостоятельныхъ учрежденій въ видѣ президента, и двухъ или даже болѣе палатъ, то это нисколько не измѣняетъ положенія дѣла. Верховною властью современныхъ странъ является во всякомъ случаѣ именно демократія, и въ настоящее время мы, подобно всѣмъ другимъ моментамъ исторіи, видимъ, что собственно верховною властью является одинъ и простой принципъ, а никакъ не сочетаніе нѣсколькихъ и не какой-нибудь составившійся изъ нихъ сложный.

Сочетаніе же и усложненіе происходитъ, какъ всегда, лишь въ системѣ управленій, приводящихъ руководящую волю вер-

ховной власти въ возможное практическое осуществленіе. Какъ выражается профессоръ Романовичъ-Славатинскій: «Въ каждомъ государствѣ, каковъ бы ни былъ его образъ правленія, существуетъ извѣстная система властей и учрежденій, исторически слагавшаяся и имѣющая своеобразную организацію. Какъ ни различаются между собой эти власти и учрежденія, онѣ слагаются изъ верховной власти, изъ властей ей подчиненныхъ, и изъ участвующаго въ управленіи государствомъ народа, въ большой или меньшей степени обусловливаемой установившимся въ странѣ образомъ правленія» *).

Эта формула правильно рисуетъ дѣйствительное строеніе государства, которое не уничтожаетъ общества, а лишь верховно его организуетъ, а посему допускаетъ подъ своимъ верховнымъ руководствомъ дѣйствіе всѣхъ его природныхъ силъ, для чего—вводитъ ихъ въ систему управленія. Государство это дѣлаетъ даже по необходимости, ибо вводя остальные элементы власти въ систему своего управленія, оно ихъ тѣмъ самымъ подчиняетъ своему надзору и руководству, а не оставляетъ ихъ таиться въ обществѣ въ качествѣ силъ внѣзаконныхъ и бунтующихъ.

Давая имъ въ различныхъ отрасляхъ управленія мѣсто, наиболѣе свойственное ихъ природѣ, верховная власть, этимъ же достигаетъ совершенной организаціи управленія. Но не должно забывать, что вся эта спеціализація происходитъ не въ самой верховной власти, а лишь въ создаваемыхъ ею органахъ управленія. Въ нихъ, и только въ нихъ, происходитъ раздѣленіе и сочетаніе, которыя столь сбиваютъ съ толку современное государственное право. Всѣ эти раздѣленія и сочетанія только потому и возможны въ видѣ гармоническомъ, безъ погруженія общества въ анархію, что надъ ними всегда возвышается, въ видѣ живой и дѣятельной силы, какой-либо одинъ, простой и нераздѣльный принципъ, въ качествѣ власти верховной.

---

*) „Система русскаго государственнаго права“.

IX.

Единство верховной власти и раздѣленіе властей управительныхъ.

Подобно тому какъ верховная власть едина по принципу своему и не можетъ быть сочетаніемъ различныхъ принциповъ, точно также она и *не раздѣлима* въ своихъ проявленіяхъ.

Проявленія государственной власти можетъ быть троякое *):

1) Законодательное,
2) Судебное,
3) Исполнительное.

Совершенно очевидно, что эти проявленія власти выражаютъ работу одной и той же силы. Если бы мы представили себѣ государство, въ которомъ существуютъ три независимыхъ власти, изъ коихъ одна постановляетъ законы, но безсильна заставить судъ и администрацію придерживаться ихъ, а другая судитъ, какъ ей вздумается, но безсильна отражать свой опытъ на законодательствѣ, и также безсильна заставить администрацію привести въ исполненіе свои постановленія — то мы получили бы картину сумасшедшаго дома. Ясно поэтому, что законодательная, судебная и исполнительная власть имѣютъ смыслъ только какъ проявленіе одной и той же силы, которая въ законодательствѣ установляетъ нѣкоторую общую норму, а въ судѣ и администраціи примѣняетъ ее къ частнымъ случаямъ и приводитъ въ исполненіе.

Это разумъ, совѣсть и воля одной и той же души государства, каковой душой является верховная власть.

Несмотря на всю логическую и фактическую очевидность этого положенія, оно отрицается общимъ государственнымъ правомъ.

---

*) Власть *учредительная*, нѣкоторыми выдѣляемая особо, очевидно, есть проявленіе законодательной.

«Какъ представитель государства, говоритъ проф. Б. Чичеринъ *), субъектъ верховной власти обладаетъ полнотою власти. Но принадлежащее идеальному субъекту полновластіе можетъ распредѣляться между различными реальными субъектами».

«Это распредѣленіе основано на томъ, что полнота власти заключаетъ въ себѣ многообразныя права, которыя могутъ быть присвоены отдѣльнымъ органамъ. Верховная власть раздѣляется на отрасли, каждая изъ которыхъ заключаетъ въ себѣ извѣстную сумму или систему правъ» (стр. 75). «Раздѣленіе можетъ быть установлено въ самой верховной власти, но еще чаще оно происходитъ въ подчиненныхъ органахъ» (стр. 78).

Все это — совершенно ошибочно. Никогда въ исторіи такого раздѣленія въ верховной власти не происходило.

Бываетъ—и очень часто — что верховная власть находится въ дремотѣ, въ бездѣйствіи, а посему подчиненные органы становятся самовластны. Но въ каждую минуту своего сознанія и дѣйствія верховная власть—монархъ или народъ—всегда и вездѣ сознавали за собой полное право на всѣ проявленія власти.

Для нихъ — это *одна* власть, это суть проявленія одной и той же власти. Каждое порознь проявленіе—не имѣетъ даже реальной силы, не имѣетъ и никакого смысла, и для того чтобы получить смыслъ и силу—должны объединяться въ какомъ либо одномъ субъектѣ. Въ тѣхъ случаяхъ «независимости» раздѣльныхъ властей, которые имѣютъ мѣсто при усыпленія верховной власти, — каждая изъ этихъ спеціализированныхъ властей только потому и можетъ самовластвовать, что узурпируетъ себѣ отчасти и не принадлежащія ей права.

Такъ судъ—присвоиваетъ себѣ немножко роль и законодателя (посредствомъ произвольнаго «истолкованія» законовъ), а также и исполнительную власть (какъ это бываетъ въ Америкѣ, было въ Польшѣ, и было даже въ Римскомъ сенатѣ). Точно также, исполнительная власть узурпируетъ себѣ функціи законодательныя и судебныя, примѣры чего излишне даже при-

*) Курсъ госуд. науки, часть I, стр. 75—76.

водить. Узурпацію судебной и исполнительной власти законодательными собраніями—представляетъ даже современный французскій парламентъ.

Короче говоря, когда дремлющая или убаюканная верховная власть фактически не объединяетъ этихъ трехъ проявленій власти,—то начинается фактическое узурпаторское объединеніе ихъ всѣми раздѣльными властями, чѣмъ доказывается косвенно, что раздѣленныя власти не могли бы даже и существовать, если бы не соединялись гдѣ либо во едино.

Б. Н. Чичеринъ, правда, говоритъ, что они соединяются въ идеальномъ субъектѣ, а разъединяются въ реальныхъ органахъ. Но это невозможно. Дѣйствительность не можетъ держаться отвлеченіемъ. Не одни органы власти должны быть реальны, но и самый субъектъ верховной власти. Идеальный субъектъ — дѣло теоріи. А практика не знаетъ никакихъ идеальныхъ субъектовъ, а знаетъ лишь реальныхъ. Такой реальный субъектъ верховной власти—монархъ, народъ или аристократія — заключаетъ въ себѣ всю нераздѣльную полноту правъ и власти, раздѣлять же эту полноту на отдѣльныя проявленія возможно только въ органахъ, которые могутъ быть ему подчинены, только въ томъ случаѣ, если онъ самъ столь же реаленъ, какъ и они, а не составляетъ какую то отвлеченную тѣнь.

Ученіе юристовъ о раздѣленіи «въ самой верховной власти» есть ошибочная формулировка наблюденій государственной патологіи. На самомъ дѣлѣ, это возникаетъ только какъ проявленіе борьбы управительныхъ властей противъ верховной. Конечно, управительнымъ властямъ очень пріятно быть «реальными», т. е. дѣйствительно существующими, а верховную власть убѣдить оставаться «идеальной», реально не проявляющейся. Но это есть лишь средство усыпить верховную власть, а вовсе не измѣненіе природы политическихъ силъ. И каждую минуту, когда верховная власть пробуждается,—она чувствуетъ себя обладающей одновременно всѣми тремя проявленіями своего существа. Иною она не можетъ и быть.

Наоборотъ, во властяхъ управительныхъ раздѣленіе компетенціи совершенно неизбѣжно. Именно будучи органами,—

эти власти специализируются. Верховная же власть недоступна специализации: она через это потеряла бы свою силу, свой смысл и свое существованіе, ибо ея дѣйствіе, по существу—направляющее. Наоборотъ, власти управительныя становятся тѣмъ тоньше, тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ болѣе специализируются, и отъ этого специализированія не происходитъ никакого ущерба именно потому, что надъ специализированною, раздѣленною управительной властью высится объединяющая и направляющая единая, не раздѣлимая верховная власть.

X.

Причина необходимости управительныхъ властей. Законъ предѣльности дѣйствія и раздѣленія труда. Дѣйствіе прямое и передаточное.

Теоретически разсуждая, можетъ явиться вопросъ, почему, при существованіи верховной власти, нужны еще власти управительныя? Почему послѣднія не поглощаются первою всецѣло? Практически однако совершенно ясно, что никакая единая воля, единоличная или коллективная, не можетъ обладать свойствомъ вездѣсущія, а потому необходимо нуждается въ воспособляющихъ ей органахъ.

Сверхъ того, и по самой идеѣ своей государство возникаетъ лишь при обществѣ и соціальномъ строѣ достаточно развитыхъ, т. е., стало быть, въ соціальной средѣ, обладающей многочисленными проявленіями власти и подчиненія, которыя требуютъ своего согласованія путемъ воздѣйствія нѣкоторой обобщающей идеи (верховной властью). Безъ этого не могло бы возникнуть, не было бы даже нужнымъ государство. Итакъ власть, получившая значеніе верховной, находитъ въ обществѣ уже готовыми многочисленные факторы власти, которые ей предстоитъ вовсе не истребить, а лишь гармонически сочетать для руководимаго его государственнаго совмѣстнаго существованія ихъ. Превращеніе различныхъ соціальныхъ отпрыс-

ковъ власти въ свои управительные органы есть одна изъ задачъ власти верховной. Этотъ процессъ происходитъ совершенно естественно, по самой силѣ вещей.

Но и въ отвлеченномъ, теоретическомъ смыслѣ необходимость раздѣленія власти на властвующую, верховную, и подчиненную ей управительную совершенно понятна.

Въ анализѣ явленія власти, какъ въ анализѣ дѣйствія всякой силы, обнаруживается два закона: 1) законъ предѣла дѣйствія и 2) законъ раздѣленія труда. Послѣднему посчастливилось обратить на себя вниманіе и вырости въ цѣлую доктрину раздѣленія власти. Но первый, не смотря на свою первичность, этого далеко не удостоился.

Мы должны однако остановиться на немъ съ особымъ вниманіемъ.

Всякая властная сила, каковы бы ни были ея юридическія полномочія, — если даже она, становясь верховной— юридически абсолютна, фактически все таки ограничена своимъ количественнымъ содержаніемъ. Она можетъ охватить своимъ прямымъ вліяніемъ лишь извѣстные предѣлы. Отсюда, при ростѣ общества, является необходимость *передаточнаго* вліянія, *управительнаго механизма*, который передаетъ центральную силу далеко за предѣлы ея непосредственной физической способности дѣйствія. Въ организаціи, достаточно разросшейся, какъ государство,—этотъ необходимый передаточный механизмъ, эта система юридически—административныхъ ремней и блоковъ, принимаетъ иногда огромные, сложные размѣры. Верховная власть, коей назначеніе быть всегда и повсюду, для того, чтобы повсюду и всегда оказывать свое направляющее дѣйствіе, необходимо требуетъ для возможности этого—организаціи механизма правительственной власти.

Ея дѣйствіе становится такимъ образомъ вмѣсто *прямого— передаточнымъ;* а это послѣднее—вообще чрезвычайно распространенное—имѣетъ два главные вида:

1) служилое,

2) представительное.

Власть служилая, въ видѣ всякаго рода чиновниковъ, ко-

миссаровъ и т. п., составляетъ тотъ безусловно необходимый и полезный правительственный механизмъ, который служитъ для передачи и осуществленія правящей воли. Но должно помнить, что этотъ механизмъ, эти рычаги, колеса и блоки—составляются изъ человѣческихъ существъ и организацій, которыя имѣютъ также и *свою* собственную волю, свои желанія, *свою* внутреннюю логику развитія. Если въ механикѣ усложненіе механизма, увеличивая треніе и инерцію передаточныхъ частей, уже отзывается на правильномъ и производительномъ употребленіи движущей силы, то въ человѣческомъ обществѣ дѣйствіе передаточнаго механизма, неизбѣжно, сопровождается даже замѣной направленія правящей воли. Эта замѣна можетъ происходить въ легкихъ, постоянно исправляемыхъ оттѣнкахъ, но можетъ усиливаться и доходить до полнаго извращенія высшей воли. Такъ или иначе, въ большей или меньшей степени, она всегда характеризуетъ всякое передаточное дѣйствіе.

Такимъ образомъ, въ принципѣ и въ идеалѣ наилучшее дѣйствіе есть прямое. Лишь при прямомъ, непосредственномъ управленіи правящая воля осуществляется въ чистомъ видѣ, дѣлаетъ именно то, что предполагаетъ сдѣлать.

Это относится ко всѣмъ областямъ государственнаго и общественнаго управленія, и даже къ различнымъ инстанціямъ самой передаточной власти, въ которой наибольшее совершенство состоитъ въ сохраненіи для каждой инстанціи возможно болѣе прямого дѣйствія, безъ дальнѣйшихъ передачъ.

Въ цѣляхъ достиженія этого прямого дѣйствія служебныхъ властей—возникаетъ и ихъ спеціализація, съ раздѣленіемъ на области законодательную, судебную и административную, при установленіи взаимной *независимости* каждой вѣтви этого раздѣленія. Но такая спеціализація и взаимная независимость служебныхъ властей имѣетъ мѣсто лишь въ предѣлахъ ихъ вспомогательнаго служенія верховной власти, которой онѣ всѣ остаются одинаково подчинены. Невниманіе юридической науки къ анализу законовъ прямого и передаточнаго дѣйствія власти приводитъ въ этомъ отношеніи къ чрезвычайному искаженію самой доктрины о раздѣленіи власти, которая превращается

въ какую-то теорію олигархіи правительственныхъ вѣдомствъ. Особенно запутаны взгляды на независимость судебной власти, которая по преимуществу освобождается отъ подчиненія верховной власти, и образуетъ какое-то status in statu.

На самомъ дѣлѣ раздѣленіе властей и ихъ взаимная независимость имѣютъ разумное мѣсто, повторяю, только въ области чисто управительной, гдѣ цѣль этого состоитъ въ достиженіи возможно болѣе *прямого* дѣйствія. Но спеціализированныя и независимыя одна отъ другой,—эти области управленія всѣ одинаково истекаютъ изъ верховной власти, одинаково являются орудіями ея, подчиняются ей и исполняютъ только ея волю. Онѣ всѣ облечены властью только *передаточною*, а потому подлежатъ одинаково непосредственному контролю и направленію со стороны власти верховной.

Необходимость прибѣгать къ передаточному дѣйствію не можетъ и не должна сопровождаться извращеніемъ самаго содержанія верховной власти, которая включаетъ въ себѣ всѣ отрасли власти, а не одну какую нибудь изъ нихъ. Ограниченіе содержанія верховной власти выдѣленіемъ изъ ея вѣдѣнія, напримѣръ, судебнаго дѣла, было бы уничтоженіемъ ея, ибо верховная власть только потому и верховна, что *универсальна*, имѣетъ всѣ компетенціи; лишаясь же хотя какой нибудь изъ нихъ—уже тѣмъ самимъ она не есть болѣе верховная, а такая же спеціальная, какъ другія.

Законъ предѣла дѣйствія имѣетъ вліяніе на верховную власть не въ томъ смыслѣ, чтобы уничтожалъ ея универсальность, всеобщность, а лишь въ томъ, что ограничиваетъ сферу ея непосредственнаго приложенія къ каждой изъ отраслей управленія, и создаетъ въ каждой изъ нихъ систему передаточнаго дѣйствія, посредствомъ правительственнаго механизма, законодательнаго, судебнаго и административнаго. Въ этой системѣ передаточнаго дѣйствія верховная власть дѣйствуетъ также сама, но лишь посредствомъ своихъ служилыхъ людей, надъ которыми сохраняетъ власть, контроль и право немедленнаго уничтоженія всего, ими совершеннаго не по ея волѣ и указанію.

Въ развитомъ государственномъ строѣ *прямое* дѣйствіе верховной власти спеціализируется такимъ образомъ на *контроль и направленіи* всѣхъ передаточныхъ властей, всего правительственнаго механизма, съ сохраненіемъ при этомъ всей своей неограниченности и универсальности, съ сохраненіемъ всей своей нравственной отвѣтственности передъ подданными за дѣйствія руководимыхъ ею управительныхъ властей.

Въ виду такого отношенія между властью верховной и управительной, совершенство правительственнаго механизма состоитъ въ томъ, чтобы дать наиболѣе широкій и легкій способъ для контроля и направленія верховною властью всѣхъ учрежденій, всей области передаточной власти. Это достижимо, болѣе всего путемъ освобожденія верховной власти отъ прямого завѣдыванія всѣми мелочными и несущественными дѣлами управленія, и сосредоточеніемъ прямого дѣйствія на контролѣ и направленіи дѣйствія служебныхъ учрежденій.

Другое могущественное орудіе верховной власти въ наблюденіи за управительными властями даетъ существованіе *контроля самихъ подданныхъ* за дѣйствіемъ служебныхъ органовъ. Для такого контроля подданныхъ выработано не мало различныхъ способовъ: а) право апелляціи къ верховной власти, б) публичность и гласность дѣйствія служебныхъ властей. в) право и возможность обсужденія дѣйствія властей въ печати, собраніяхъ и т. п. Третій способъ контроля верховной властью дѣйствія государственнаго механизма—даетъ система организаціи служебной власти на разнородныхъ основахъ, т. е. созданіе общественнаго управленія рядомъ съ бюрократическимъ, въ результатѣ чего является ихъ постоянная взаимная провѣрка и критика. Наконецъ, четвертый способъ состоитъ въ учрежденіи особаго спеціальнаго органа контроля. Въ Россіи на созданіе такого спеціальнаго органа обращалось много вниманія. При Императорѣ Николаѣ Павловичѣ именно въ этихъ видахъ былъ созданъ корпусъ жандармовъ. Фискалы Петра Великаго имѣли ту же цѣль. Тотъ же характеръ имѣло учрежденіе Рекетмейстера, а впослѣдствіи комиссіи прошеній. Должно однако сказать, что при всей необходимости такихъ спеціальныхъ орга-

новъ—практика всегда указывала на ихъ недостаточность и даже способность къ извращенію поставленныхъ имъ цѣлей. Вообще несомнѣнно, что задача контроля достижима не иначе, какъ примѣненіемъ *всѣхъ* указанныхъ способовъ одновременно.

Когда же эти способы не утилизируются въ достаточной мѣрѣ, контроль и направительное дѣйствіе верховной власти ослабѣваютъ или даже могутъ становиться фиктивными.

При несовершенствѣ контроля и направленія, служебныя учрежденія передаточной власти могутъ вполнѣ искажать всѣ намѣренія и волю верховной власти

Но это искаженіе доходитъ до полной узурпаціи, когда передаточная власть получаетъ характеръ *представительной*.

XI.

Принципъ представительности верховной власти. Классъ политикановъ. Бюрократія.

На принципѣ представительства необходимо остановиться нѣсколько спеціальнѣе, во избѣжаніе недоразумѣній.

Когда мы говоримъ о представительствѣ — читатель всегда представляетъ себѣ, что рѣчь идетъ о чемъ-то такомъ, что несетъ съ собой свободу, обезпеченіе правъ, ограниченіе произвола и т. п.—вообще представляетъ себѣ нѣчто весьма свѣтлое; вслѣдствіе этого онъ предрасположенъ считать излишнимъ критическое разсмотрѣніе принципа, обѣщающаго столько благъ. Такое отношеніе къ пониманію принциповъ крайне ошибочно. Далеко не всегда представительство несетъ за собой благо. Я говорю о самой идеѣ представленія какимъ либо другимъ лицомъ воли и мысли верховной власти. Это явленіе представительства бываетъ не только въ демократіи, но и въ монархіи. Его то мы и должны разсмотрѣть объективно — какъ политическій фактъ, какъ одинъ изъ составныхъ элементовъ государственности.

Д. С. Милль *) называетъ представительное правленіе наилучшимъ изо всѣхъ.

*) Д. С. Милль. „Представительное правленіе“, глава III.

Но Милль подъ представительнымъ образомъ правленія разумѣетъ исключительно демократическое правленіе, и всѣ его доводы въ пользу представительства относятся собственно не къ самому представительству, а къ демократіи. Между тѣмъ это очень большая разница, и если бы даже признать демократическое начало власти наилучшимъ, то изъ этого еще не слѣдовало бы, что представительство есть лучшій или даже просто хорошій способъ правленія. Ж. Ж. Руссо считаетъ демократію самымъ высокимъ правительственнымъ принципомъ, но представительство совершенно отрицаетъ *).

Ходъ мысли Милля таковъ. Онъ считаетъ несомнѣннымъ, что всякій человѣкъ и всякая группа могутъ лучше всего сами знать и понимать свои интересы. Поэтому наилучшее правленіе есть демократическое, въ которомъ, по мнѣнію Милля, именно и осуществляется завѣдываніе каждаго своими интересами. Но такъ какъ невозможно, чтобы народъ непосредственно собирался рѣшать свои дѣла, если государство сколько нибудь переросло размѣры маленькаго городка—то необходимо приходится вмѣсто непосредственнаго народнаго правленія—организовать его изъ избранныхъ народомъ представителей.

Это разсужденіе доказываетъ не то, чтобы представительство составляло хорошій принципъ, а только то—что оно въ извѣстныхъ случаяхъ неизбѣжно, съ чѣмъ и нельзя не согласиться. При этомъ однако для насъ во всей силѣ остается вопросъ, не есть ли представительство лишь неизбѣжное зло? А въ этомъ случаѣ требуется принятіе мѣръ, для того чтобы оно приносило возможно меньше вреда. Самъ Милль, разсуждая о наилучшихъ способахъ организаціи представительства, въ сущности, озабоченъ именно этой самой задачею.

Но прежде, чѣмъ принимать мѣры къ тому, чтобы извлечь изъ даннаго принципа возможно больше пользы и возможно болѣе сократить размѣры вреда отъ него—необходимо понять самое существо его, чѣмъ Милль именно и не озабочивается.

---

*) Значеніе представительства въ демократіи я болѣе подробно разсматривалъ въ книгѣ „Демократія либеральная и соціальная", Москва, 1896 г.

Что такое представительство? Это просто одна изъ формъ передаточной власти. Власть свою могутъ передавать и монархъ, и аристократія, и народъ. Очень часто это неизбѣжно, какъ вообще всѣ формы передаточной власти. Но служилыя формы передаточной власти вообще, при нѣкоторомъ контролѣ, представляютъ мало опасности для самого довѣрителя. Дѣло, порученное служилому, чиновнику, комиссару—всегда строго опредѣлено. Эти лица дѣлаютъ то, что имъ приказано, на основаніи точно установленнаго закона или инструкцій. Если они нарушаютъ инструкціи или законы—это уже есть преступленіе. Положеніе и права представителя воли верховной власти совсѣмъ иное. Его задача — не исполнить данное отдѣльное порученіе, но дѣйствовать во имя своего довѣрителя, представлять самую волю его въ отношеніи даже тѣхъ случаевъ, гдѣ воля эта сама себя еще не опредѣлила. Идея представительства состоитъ какъ бы въ передачѣ самаго самодержавія верховной власти чиновнику или депутату. Но эта передача по существу своему основана на ошибкѣ, которая со стороны представляемаго есть иллюзія, со стороны представляющаго иногда—даже ложь.

Чужую волю нельзя представлять, потому что она даже не извѣстна заранѣе. Никто не можетъ и самъ знать заранѣе, какова будетъ его воля. Тѣмъ болѣе не можетъ этого знать «представитель». Тѣмъ не менѣе—по развитію демократизма въ огромныхъ странахъ, недопускающихъ никакой возможности прямого правленія народа, эта форма передачи его власти получила въ настоящее время всеобщее господство, создавъ парламентарное правленіе.

Въ настоящее время, послѣ вѣковой практики, ни для кого не можетъ быть сомнительнымъ, что въ парламентарныхъ странахъ воля народа представляется правительствомъ до крайности мало. Роль народа состоитъ почти исключительно въ томъ, чтобы выбрать своихъ повелителей, да въ случаѣ особенной произвольности ихъ дѣйствій—смѣнить ихъ, хотя и послѣдняя задача—при хорошей организаціи политиканскихъ партій—далеко не легка.

Немало предлагалось способовъ ограниченія всевластія этихъ представителей. Наиболѣе распространенная мысль въ этомъ отношеніи требуетъ, чтобы они дѣйствовали по «наказамъ» избирателей. Но это возможно лишь въ собраніи учредительномъ, въ отношеніи котораго, дѣйствительно, можно представить ясно опредѣлившуюся волю избирателей. Въ отношеніи же дѣлъ правленія заранѣе неизвѣстныхъ — составлять наказы и невозможно. Стѣсненные такимъ образомъ, депутаты принуждены были бы поминутно обращаться съ новыми запросами къ избирателямъ, и дѣла правленія пришли бы къ неподвижности. Въ упомянутой книгѣ своей и Милль совершенно правильно отрицаетъ систему наказовъ. А безъ нихъ парламентаризмъ неизбѣжно вырождается въ полный произволъ партій, которыя безусловно держатъ въ своихъ рукахъ депутатовъ, по теоріи представляющихъ волю народа, но въ дѣйствительности—исполняющихъ лишь волю своихъ партій.

Въ настоящее время защита представительнаго образа правленія возможна только на почвѣ вопроса—*хорошій или плохой правящій классъ* даетъ эта система? Нѣкоторые находятъ, что она вырабатываетъ наилучшій правящій классъ. Отсылаю читателей въ этомъ отношеніи къ упомянутой книгѣ «Демократія либеральная и соціальная». Здѣсь же лишь замѣчу, что какъ бы ни рѣшался вопросъ о качествахъ правящаго класса при этой системѣ, не можетъ быть спора, что она приноситъ весь тотъ вредъ, который происходитъ отъ приведенія верховной власти къ разстройству и безсилію.

Къ тѣмъ же послѣдствіямъ идея представительства верховной власти приводитъ и въ монархическомъ правленіи. Но здѣсь это происходитъ въ иной формѣ. Демократическое представительство создаетъ господство парламентарныхъ политикановъ. Въ монархіяхъ идея представительства создаетъ или сатрапіи или такъ называемый бюрократизмъ.

При чрезмѣрномъ развитіи централизаціи,—дѣйствительное правленіе монарха по контролю и направленію безчисленныхъ учрежденій, становится тоже невозможнымъ. Естественное же стремленіе всѣхъ организацій къ независимости—можетъ побуж-

дать правительственныя учрежденія даже и къ преднамѣренному созданію такого порядка, когда они дѣйствуютъ «именемъ» монарха и якобы «по указу» его, но фактически совершенно независимо и даже безъ вѣдома верховной власти. Тогда появляется такъ-называемое *бюрократическое* правленіе, гдѣ чиновники, подобно парламентарнымъ политиканамъ, *представляютъ* волю верховной власти. Это, разумѣется, такая же фикція, какъ и при парламентарномъ правленіи, съ той разницей, что въ одномъ случаѣ предметомъ фальсификаціи является воля монарха, а въ другомъ воля народа. Бюрократія и парламентаризмъ, поэтому, идутъ всегда объ руку, и парламентаризмъ по идеѣ составляетъ даже естественное завершеніе бюрократизма.

Во избѣжаніе этого, особенное значеніе для верховной власти имѣетъ такъ-называемое *самоуправленіе* (точнѣе сказать— общественное управленіе), которое чрезвычайно расширяетъ возможность прямого дѣйствія въ правительственныхъ учрежденіяхъ, и освобождаетъ силы верховной власти для прямого контроля и направленія. Это одинаково относится къ государствамъ всѣхъ образовъ правленія, при всѣхъ формахъ верховной власти. Значеніе самоуправленія, какъ необходимаго дополненія демократическихъ республикъ, имѣетъ даже свою серіозную литературу, но—оно не менѣе велико и для монархіи, какъ это мы разсмотримъ въ разсужденіи о монархической политикѣ.

XII.

Принципы власти и образы правленія.

Разсмотрѣвъ способы дѣйствія власти, должно опредѣлить ея различные разновидности или принципы. Принциповъ власти, на коихъ вырастаютъ образы правленія въ человѣческомъ обществѣ—всего три: это 1) власть единоличная, 2) власть нѣкотораго вліятельнаго меньшинства, 3) власть общая, всенародная. На основаніи только этихъ трехъ принциповъ власти

мы и можемъ оперировать повсюду, гдѣ оказывается нужною или неизбѣжною власть. Изъ нихъ вырастаютъ всѣ комбинаціи управительной власти, изъ нихъ же вырастаетъ и власть верховная. Но ихъ легче усмотрѣть и анализировать во власти верховной, нежели въ управительной, именно потому, что власть верховная требуетъ нѣкотораго единаго направляющаго принципа, тогда какъ власть управительная не только допускаетъ, но и требуетъ самаго разнообразнаго сочетанія различныхъ принциповъ власти, смотря по частнымъ надобностямъ правленія. Поэтому анализирующая мысль человѣка раньше всего усмотрѣла основные принципы именно во власти верховной, издревле раздѣливъ государства на монархическія, аристократическія и демократическія.

Юристы называютъ это «формой правленія», такъ какъ до сихъ поръ не пришли къ соглашенію относительно внутренняго смысла этого очевиднаго явленія государственности. Но не должно забывать, что здѣсь «форма»—столь постоянная, столь вѣчно повторяется, что очевидно обусловливается нѣкоторымъ глубокимъ вѣчнымъ содержаніемъ.

Эти три основныя начала всегда существовали и давно общеизвѣстны; анализъ политическихъ писателей, со временъ Аристотеля, доселѣ не открываетъ ничего кромѣ ихъ. Попытки измѣненія Аристотелевой классификаціи каждый разъ оказываются произвольными, подсказанными какою-либо практическою тенденціей. Такъ Монтескье неудачно пытался выдѣлить деспотію въ особую форму государства, изъ очевиднаго желанія реабилитировать современную ему французскую монархію. Такъ Блюнчли пробовалъ прибавить къ Аристотелевымъ подраздѣленіямъ четвертую форму—«теократію», столь же произвольно, изъ яснаго желанія покрѣпче утвердить, «свѣтскій» характеръ современнаго государства. Прибавки этой однако нельзя принять. Нельзя не видѣть, что «теократія» всегда бываетъ только либо демократіей, либо монархіей, либо чаще всего аристократіей. Онѣ отличаются отъ другихъ монархій или аристократій не политически, а только содержаніемъ своего идеократическаго элемента, въ чемъ могутъ быть различны

между собой и другія монархіи или республики. Стало быть, теократія сама-по-себѣ никакой особой политической формы власти не составляетъ. Всѣ эти неудачныя прибавки не принимаются въ наукѣ *).

Какъ неизбѣженъ остается Аристотель,—любопытный образчикъ этого представляетъ изслѣдованіе Н. А. Звѣрева **). Трудъ этотъ тѣмъ болѣе поучителенъ, что данныя политики сведены въ немъ съ данными соціологіи и освѣщены общею философскою мыслью. Къ чему же мы приходимъ?

Классификація Аристотеля, выраженная въ современной терминологіи ***), такова:

Онъ признаетъ три основныя государственныя формы, которыя могутъ быть или правомѣрными (когда имѣютъ въ виду благо государства) или извращенными (когда имѣютъ въ виду благо правителя). Такимъ образомъ получаемъ:

1) Монархію, способную извращаться въ тиранію.
2) Аристократію, способную извращаться въ олигархію.
3) Демократію, способную извращаться въ охлократію.

Подвергая критикѣ всѣ поправки, предложенныя въ разныя времена, и отвергая ихъ, а также показывая, что попытки новыхъ классификацій или несостоятельны, или только воспроизводятъ въ замаскированномъ видѣ того же Аристотеля, профессоръ Звѣревъ считаетъ возможнымъ, соединяя результаты 2.000 лѣтъ работы, остановиться на такой классификаціи:

A. Простыя формы (съ нераздѣльными органами верховной власти):

a) Монархія,
b) Аристократія,
c) Демократія.

---

*) Раздѣленіе на 2 формы (монархію и республику), принятое Макіавели и нашимъ Сперанскимъ, также не удержалось. Въ немъ дѣйствительно ужъ окончательно игнорируется внутренній смыслъ, а удерживается только форма.

**) „Основанія классификаціи государствъ въ связи съ общимъ ученіемъ о классификаціи". Москва, 1883.

***) То-есть называя политію Аристотеля, по нынѣшнему, демократіей, а его демократію,—по нынѣшнему охлократіей.

Б. Сложныя формы (верховный органъ коихъ дѣлится на составныя части):

a) Монархическія,

b) Аристократическія,

c) Демократическія.

Нельзя однако не сказать, что простота или сложность можетъ составлять лишь внѣшній, наглядный признакъ, а никакъ не объяснять самаго содержанія. Стало быть для выясненія содержанія государственныхъ формъ, мы должны изобразить формулу профессора Звѣрева нѣсколько иначе, и получимъ, что основными формами являются:

1) Монархія: a) съ нераздѣльными органами, b) съ раздѣльными органами.

2) Аристократія: a) съ нераздѣльными органами, b) съ раздѣльными органами.

3) Демократія: a) съ нераздѣльными органами, b) съ раздѣльными органами.

Итакъ, мы снова находимся въ чистой классификаціи Аристотеля, особенно если вспомнимъ, что раздѣльнаго органа собственно верховной власти въ дѣйствительности нѣтъ, а есть только раздѣльные органы управленія, такъ что, стало быть, это есть второстепенный, а не основной признакъ классификаціи. Итакъ въ классификаціи гораздо правильнѣе и удобнѣе удержать Аристотелево раздѣленіе. Въ послѣднемъ крупномъ трудѣ по государственному праву *) Б. Н. Чичеринъ такъ и дѣлаетъ.

Въ подтвержденіе тысячелѣтнихъ умозаключеній политической науки можно уже отчасти привести и выводы соціологіи. Такъ, Спенсеръ **), говоря о развитіи политическихъ учрежденій, замѣчаетъ, что общество внутренне связано двоякаго рода организаціей: экономическою и политическою. Первая, по его мнѣнію, вырастаетъ безсознательно и безъ принужденія, вторая выражаетъ «сознательное преслѣдованіе цѣлей» и «дѣйствуетъ

*) „Политика", III томъ Курса госуд. наукъ, 1898 г.

**) Г. Спенсеръ: *Развитіе политическихъ учрежденій.*

принужденіемъ». Сознательность и власть, такимъ образомъ, и имъ признается основой государства. Что касается самой власти, то видя ея источникъ въ народѣ (и притомъ, если примѣнить терминологію Блюнчли, въ «идеократическомъ» элементѣ), Спенсеръ признаетъ, подобно всѣмъ другимъ наблюдателямъ, что она выражается въ трехъ основныхъ «орудіяхъ»: «деспотизмѣ», «олигархіи» и «демократіи». Понятно, что для обозначенія несимпатичныхъ ему единоличнаго правленія и правленія избранныхъ Спенсеръ употребляетъ лишь такіе термины какъ «деспотизмъ» и «олигархія», но какъ фактъ—онъ усматриваетъ совершенно то же, что́ и другіе наблюдатели.

Вообще въ опредѣленіи государства, его основныхъ формъ и даже свойствъ, ихъ мы имѣемъ передъ собою совершенно аксіоматическую истину, наблюденіе общее, одинаковое, безспорное. Приведу для наглядности еще небольшой образчикъ этого, примѣчательный по древности.

Задолго до самого Аристотеля, Геродотъ въ своей исторіи разсказываетъ о диспутѣ на собраніи персовъ, низвергнувшихъ лже-Смердиса. Между ними явились мысли объ измѣненіи формы правленія въ государствѣ, которое оставалось безъ законнаго наслѣдника трона и безо всякаго правительства.

При этомъ, разсказываетъ Геродотъ, Отана (одинъ изъ заговорщиковъ) предлагалъ учредить демократію. «Я полагаю, говорилъ онъ, что никому изъ насъ не слѣдуетъ уже быть единоличнымъ правителемъ. Вы видѣли, до какой степени дошло своеволіе Камбиза, и сами терпѣли отъ своеволія мага (лже-Смердиса). Да и какимъ образомъ государство можетъ быть благоустроеннымъ при единоличномъ управленіи, когда самодержцу дозволяется дѣлать безотвѣтственно все, что угодно? Если бы даже достойнѣйшій человѣкъ былъ облеченъ такой властью, то и онъ не сохранилъ бы свойственнаго ему настроенія. Окружающія самодержца блага порождаютъ въ немъ своеволіе, а чувство зависти присуще человѣку по природѣ. Съ этими двумя пороками онъ становится порочнымъ вообще. Пресыщенный благами, онъ дѣлаетъ многія безчинства, частію изъ своеволія, частію изъ зависти. Онъ завидуетъ самой жизни и здоровью добродѣтель-

нѣйшихъ гражданъ, напротивъ негоднѣйшимъ изъ нихъ покровительствуетъ, а клеветѣ довѣряетъ больше всего. Угодить на него труднѣе, чѣмъ на кого бы то ни было, ибо если ты восхищаешься имъ умѣренно, онъ не доволенъ за то, что ты недостаточно чтишь его; если же оказываешь ему чрезвычайное почтеніе, онъ не доволенъ тобою, какъ льстецомъ. Онъ нарушаетъ искони установившіеся обычаи, насилуетъ женщинъ, казнитъ безъ суда гражданъ. Что касается народнаго управленія, то, во-первыхъ, оно носитъ прекраснѣйшее названіе равноправія, во-вторыхъ, правящій народъ не совершаетъ ничего такого, что̀ совершаетъ самодержецъ; на должности народъ назначаетъ по жребію, и всякая служба у него отвѣтственна; всякое рѣшеніе передается на общее собраніе. Поэтому я предлагаю упразднить единодержавіе и предоставить власть народу. Вѣдь въ количествѣ все».

Мегабазъ выступилъ съ мнѣніемъ за аристократію *).

«Что касается упраздненія самодержавія, сказалъ онъ, то я согласенъ съ мнѣніемъ Отаны. Но онъ ошибается, когда предлагаетъ вручить власть народу. Въ дѣйствительности, нѣтъ ничего безсмысленнѣе и своевольнѣе негодной толпы, и невозможно, чтобы люди избавили себя отъ своеволія тирана для того, чтобъ отдаться своеволію разнузданнаго народа; ибо если что дѣлаетъ тиранъ, онъ дѣлаетъ хотя со смысломъ, а у народа нѣтъ смысла. Да и возможенъ ли смыслъ у того, кто ничему доброму не учился и не знаетъ, а стремительно безъ толку накидывается на дѣла, подобно горному потоку? Народное управленіе пускай предлагаютъ тѣ, кто желаетъ зла персамъ, а мы выберемъ совѣтъ изъ достойнѣйшихъ людей и имъ вручимъ власть; въ число ихъ войдемъ и мы сами. Лучшимъ людямъ естественно принадлежатъ и лучшія рѣшенія».

Однако же Дарій, въ то время еще не имѣвшій никакихъ особенныхъ шансовъ быть избраннымъ въ цари, выступилъ противъ мнѣній Отаны и Мегабаза.

---

*) У Геродота „*ολιγαρχία*“; наша терминологія не совсѣмъ совпадаетъ съ древнею.

«Мнѣ кажется, заявилъ онъ, что мнѣніе Мегабаза о демократіи вѣрно, а объ аристократіи ошибочно. Изъ трехъ предлагаемыхъ намъ способовъ управленія, предполагая каждый изъ нихъ въ наилучшемъ видѣ—т. е. наилучшей демократіи, такой же аристократіи и такой же монархіи,—я отдаю предпочтеніе послѣдней. Не можетъ быть ничего лучше единодержавія наилучшаго человѣка. Руководимый добрыми намѣреніями, онъ безупречно управляетъ народомъ. При этомъ вѣрнѣе всего могутъ сохраняться въ тайнѣ рѣшенія относительно внѣшняго врага. Напротивъ, въ аристократіи, гдѣ многія достойныя лица пекутся о благѣ государства, обыкновенно возникаютъ ожесточенныя распри между ними. Такъ какъ каждый изъ правителей добивается для себя главенства и желаетъ дать перевѣсъ своему мнѣнію, то они приходятъ къ взаимнымъ столкновеніямъ, откуда происходятъ междуусобныя волненія, а изъ волненій кровопролитія; кровопролитіе приводитъ къ единодержавію, изъ чего также слѣдуетъ, что единодержавіе наилучшій способъ управленія. Далѣе при народномъ управленіи пороки неизбѣжны, а разъ они существуютъ, люди порочные не враждуютъ между собой изъ-за государственнаго достоянія, но вступаютъ въ тѣсную дружбу; обыкновенно вредные для государства люди дѣйствуютъ противъ него сообща. Такъ продолжается до тѣхъ поръ, пока кто-нибудь одинъ не станетъ во главѣ народа и не положитъ конца такому образу дѣйствій. Подобное лицо возбуждаетъ къ себѣ удивленіе со стороны народа и скоро становится самодержцемъ, тѣмъ еще разъ доказывая, что самодержавіе совершеннѣйшая форма управленія» *).

Какъ видимъ, не только основные принципы власти, но даже существеннѣйшія черты ихъ, — сознавались людьми съ древнѣйшихъ временъ.

---

*) *Геродотъ*, Исторія, кн. III, §§ 80—82.

XIII.

Основныя формы власти суть типы, а не фазисы эволюціи власти.

Власть въ обществахъ и государствахъ всегда является только въ видѣ монархіи, аристократіи или демократіи. Въ настоящее время, когда эволюціонная теорія старается свести всѣ явленія къ развитію одной основной формы, существуетъ мысль, что это относится и къ формамъ власти. Обычная при этомъ идея состоитъ въ томъ, что основная форма—это демократія, изъ которой остальныя развиваются и въ нее же окончательно переходятъ.

Съ этимъ однако совершенно нельзя согласиться. Наоборотъ, необходимо признать всѣ три формы власти особыми, самостоятельными типами власти, которые не возникаютъ одинъ изъ другого, но сосуществуютъ постоянно рядомъ и даже никогда не уничтожаются въ нѣдрахъ общества, какой бы изъ нихъ ни пріобрѣлъ въ данномъ обществѣ или въ данную эпоху значенія власти собственно верховной.

Рѣшительно всегда и во всякомъ обществѣ мы замѣчаемъ существованіе власти единоличной, которой подчиняются даже не изъ уваженія именно къ данной личности, а потому, что во множествѣ случаевъ, по общему сознанію, распоряжаться долженъ кто нибудь одинъ. Это бываетъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда цѣль дѣйствія совершенно ясна и всѣми признана, и когда при этомъ нужна особенная стройность дѣйствія и энергія. Точно также всегда существуетъ въ обществахъ какой либо слой, которому особенно передъ другими довѣряютъ, и которому подчиняются, не потому, чтобы находили каждое данное лицо его особливо высокимъ, а по предположенію, что въ человѣкѣ даннаго слоя имѣются сословныя способности къ управленію, что лица этого слоя имѣютъ особую для того

выработку, о которой народъ заключаетъ не изъ видимыхъ ему качествъ даннаго лица, а исключительно по принадлежности его къ данному слою. Такихъ соціальныхъ зародышей аристократіи не мало и въ современныхъ обществахъ. Такова современная интеллигенція, у которой есть уже даже идея мозговой, наслѣдственной выработки. Эти аристократическія прослойки сильны и въ промышленномъ мірѣ. Въ мірѣ политическомъ всякій кандидатъ имѣетъ болѣе шансовъ, если принадлежитъ къ старой политиканской фамиліи. Вообще этотъ элементъ аристократіи, то-есть слоя какихъ-то лучшихъ людей, внушающихъ довѣріе прежде всего не по личнымъ качествамъ, а по предполагаемымъ качествамъ слоевымъ, классовымъ,—всегда въ разнообразныхъ проявленіяхъ существуетъ въ нѣдрахъ общества. Точно также нѣтъ общества, даже рабскаго, въ которомъ не было бы въ той или иной формѣ проявленій власти демократической, то есть власти цѣлой массы народа, не потому, чтобы она была умна или въ какомъ нибудь отношеніи лучше другихъ, а потому, что это масса, сила, большинство.

Все это совершенно особые типы власти, имѣющіе различный смыслъ и содержаніе. Переходить эволюціонно одинъ въ другой они никакъ не могутъ, но смѣнять другъ друга по господству они могутъ. Каждый изъ нихъ можетъ выдвинуться въ значеніе власти верховной. Нація всегда ихъ въ себѣ находитъ, и смотря по обстоятельствамъ—каждый изъ нихъ можетъ побѣдить другіе и завоевать себѣ первое мѣсто, не имѣя однако возможности уничтожить другіе принципы власти, которые при этомъ переходятъ лишь на служебныя проявленія государственной жизни. Каждый изъ нихъ, дѣлаясь верховнымъ, не поражается другимъ, а замѣняетъ его. Это есть не фактъ эволюціи въ государственномъ отношеніи, а фактъ революціи. Тутъ всѣ признаки быстраго переворота, а не развитія, напримѣръ, монархіи изъ демократіи или наоборотъ. Самый переворотъ можетъ происходить въ силу какой либо эволюціи въ національной жизни, но въ смыслѣ государственномъ онъ все таки является переворотомъ.

Фактъ переворота можетъ здѣсь маскироваться въ глазахъ наблюдателя тѣмъ обстоятельствомъ, что собственно въ Правительствѣ, то-есть въ системѣ управленія, прежній хирѣющій принципъ верховной власти былъ уже раньше фактически вытѣсненъ другими противуположными принципами власти. Но онъ тутъ все таки не превратился въ нихъ, а лишь вытѣсненъ ими, ставши слишкомъ слабымъ для сохраненія своей роли.

Итакъ, смѣну формъ верховной власти можно разсматривать какъ результатъ *эволюціи національной жизни, но не какъ эволюцію власти самой по себѣ*, тѣмъ больше, что, будучи низвергнуть въ качествѣ власти верховной, данный принципъ власти все таки нимало не уничтожается, а только получаетъ подчиненныя функціи.

Сами по себѣ основныя формы власти ни въ какомъ эволюціонномъ отношеніи между собою не находятся. Ни одинъ изъ нихъ не можетъ быть названъ ни первымъ, ни вторымъ, ни послѣднимъ фазисомъ эволюціи. Ни одинъ изъ нихъ, съ этой точки зрѣнія, не можетъ быть считаемъ ни высшимъ, ни низшимъ, ни первичнымъ, ни заключительнымъ. Теоретическій анализъ въ этомъ отношеніи вполнѣ подтверждается историческими фактами, которые не обнаруживаютъ никакой необходимой, постоянной послѣдовательности въ смѣнѣ формъ верховной власти. Монархія, аристократія и демократія въ средѣ одной и той же націи смѣняютъ одна другую въ весьма различной послѣдовательности, при чемъ постоянное соотношеніи усматривается только между формой верховной власти и извѣстнымъ состояніемъ духа націи.

Эволюціонная теорія расположена видѣть въ національной жизни рядъ необходимыхъ смѣняющихся фазисовъ развитія. Можетъ явиться предположеніе, что и формы верховной власти связаны съ этими фазисами эволюціи въ жизни націи. Но на почвѣ историческихъ фактовъ нельзя установить ничего подобного. Есть рядъ націй, которыя, пройдя полный циклъ развитія, даже до окончательной смерти, знали только одну форму верховной власти. Византія все время свое прожила мо-

нархіей. Венеція съ начала до конца была аристократіей. Швейцарскія племена только завоеваніемъ подчинялись монархіи, но при всякой минутѣ самостоятельности создавали для себя демократію. Есть народы, у которыхъ государственное развитіе начиналось съ монархическаго принципа, но есть какъ бы прирожденныя демократіи... Вообще появленіе тѣхъ или иныхъ формъ верховной власти приходится ставить въ связь не съ фазисами развитія націи, а съ какимъ-то особымъ ея состояніемъ.

Я полагаю совершенно очевиднымъ, что формы верховной власти обусловливаются *нравственно-психологическими состояніями націи*, въ какой бы фазисъ развитія ни проявлялось данное психологическое состояніе. Оно можетъ порождаться какими нибудь вліяніями соціальной или экономической эволюціи, или вторженіемъ какихъ-либо внѣшнихъ историческихъ условій, какими-либо особенными религіозными вліяніями; но откудо бы ни возникало то или иное нравственно-психологическое состояніе—именно оно, а не что другое приводитъ націю къ предпочтенію въ пользу той или иной формы верховной власти. Это разнообразіе условій, при которыхъ можетъ появляться каждая изъ основныхъ формъ верховной власти, и порождаетъ множество разновидностей, которыя можно сказать, совершенно не разслѣдованы и не классифированы наукой, но по глазомѣру всегда замѣчаются, какъ фактъ исторіи, всякимъ наблюдателемъ.

Эта неразслѣдованность множества разновидностей верховной власти чрезвычайно мѣшаетъ понять и существенныя отличія самихъ основныхъ типовъ, скрывая ихъ передъ наблюдателемъ, подобно тому какъ въ біологіи основные типы организмовъ укрывались отъ наблюдателей до тѣхъ поръ, пока упорное наблюденіе и изученіе разновидностей не обнаружило съ несомнѣнностью, что есть не одна основная форма, дающая начало всѣмъ разновидностямъ, а нѣсколько такихъ основныхъ формъ, *типовъ*.

XIV.

Внутренній смыслъ основныхъ типовъ власти.

Почему же въ качествѣ верховной власти выдвигается то монархія, то аристократія, то демократія? Это обусловливается извѣстнымъ психологическимъ состояніемъ націи, которому наиближе соотвѣтствуетъ тотъ или иной принципъ власти. Политика, въ дѣлѣ установки верховной власти, сливается съ національной психологіей. Въ той или иной формѣ верховной власти выражается духъ народа, его вѣрованія, и идеалы, то — что онъ внутренне сознаетъ, какъ высшій принципъ, достойный подчиненія ему всей національной жизни.

Какъ наивысшій, этотъ принципъ становится неограниченнымъ, самодержавнымъ. Верховная власть, имъ создаваемая ограничивается лишь содержаніемъ своего собственнаго идеала. Здѣсь проявляется фактъ, который Блюнчли называетъ идеократіей. Всякая верховная власть идеократична, то-есть находится единственно подъ властью своего идеала. Она неоспорима, пока совпадаетъ съ нимъ, и становится узурпаціей, тиранніей, олигархіей или охлократіей, когда сама выходитъ изъ подчиненія ему. Предѣлы, опредѣляющіе нравственную законность или незаконность верховной власти, не подлежатъ точной формулировкѣ, но всегда чувствуются націей, то послушно подчиняющейся основной правдѣ, властью выражаемой, то возмущающейся противъ узурпаціи.

Эта нравственная или идеократическая подкладка верховной власти настолько ощутительна, что многіе изслѣдователи политическихъ учрежденій старались установить связь между формою верховной власти и нравственнымъ состояніемъ націи.

Эта связь, мнѣ кажется, можетъ быть опредѣлена вполнѣ точно. Въ государствѣ, цѣль котораго есть общее благо, нація стремится создать охрану того, что она считаетъ должнымъ

ОТДѢЛЪ IV.

Общія основы монархіи.

XV.

Общія соображенія.

Сущность монархическаго начала, какъ верховной власти нравственнаго идеала, ставитъ ее въ связь съ рядомъ условій, отъ которыхъ впрочемъ зависятъ въ различныхъ степеняхъ и комбинаціяхъ и другія формы власти, поставленной надъ государствомъ въ качествѣ верховнаго начала устроенія.

Сроди такихъ условій, являющихся основами существованія монархіи, на первомъ мѣстѣ должно поставить то или иное *религіозное* начало, которымъ проникнуто міросозерцаніе народа. Но, при всей важности его, это не единственное условіе, опредѣляющее возникновеніе монархіи. Вторымъ должно указать *соціальный* строй, безъ котораго вообще не можетъ существовать нація, а потому и монархія. То или иное состояніе соціальнаго строя вліяетъ могущественно на возникновеніе разныхъ формъ верховной власти. Но и это еще не исчерпываетъ необходимыхъ для нихъ условій. Верховная власть требуетъ *сознательнаго* пониманія своей сущности, для возможности правильнаго функціонированія. Элементъ сознанія и необходимое для этого знаніе, наука, теорія—наличность всего этого играютъ огромную роль въ судьбахъ государственности, и еще большую роль играетъ, обыкновенно, недостатокъ сознательности. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, обычномъ въ исторіи,

нерѣдко подготовляетъ сама торжество другихъ формъ верховной власти.

Вслѣдствіе различій во вліяніи религіознаго міровоззрѣнія и соціальнаго строя, а также по различному состоянію сознательности, появляется нѣсколько неодинаковыхъ типовъ монархіи. Въ основѣ ихъ три: 1) *монархія деспотическая*, 2) *монархія абсолютистская*, и 3) *монархія чистая или самодержавная*. Мы разсмотримъ ихъ характеристическія черты ниже. Теперь замѣтимъ, что недостатокъ сознательности сильно вліяетъ на переходъ одного типа въ другой, главнымъ образомъ путемъ построенія управительныхъ властей несоотвѣтственно съ характеромъ данной верховной власти.

«Исторія, говоритъ Чичеринъ, въ значительной степени есть повѣствованіе объ ошибкахъ правителей» *). Но ошибки правителей большею частью создаются недостаткомъ политической сознательности въ народѣ вообще. Въ исторической дѣйствительности, можно сказать, человѣчество никогда не обладало достаточной степенью сознательности въ своихъ государственныхъ построеніяхъ. Вслѣдствіе этого—тѣ три типа монархіи, о которыхъ сейчасъ сказано—суть типы собственно идеальные. Въ дѣйствительности они никогда не являлись въ полной чистотѣ своей, а всегда въ нѣкоторомъ смѣшеніи чертъ различныхъ типовъ, лишь съ преобладаніемъ какого либо одного основного.

Это обыкновенно еще болѣе облегчало въ исторіи переходы государства къ другимъ формамъ правленія, путемъ эволюціоннымъ или революціоннымъ. Если такіе переходы и бывали иногда неизбѣжными разумно, то есть дѣйствительно отвѣчали потребностямъ измѣнившихся условій, то едва ли не чаще всего они обусловливались просто отсутствіемъ государственной сознательности, вслѣдствіе чего данная форма власти сама запутывала свои природныя силы допущеніемъ вліяній, постороннихъ ея природѣ, а потому сама себя парализовала, и дѣлала безполезною и невозможною.

*) Курсъ. Политика, стр. 2.

Отсюда видно, какое огромное значеніе имѣетъ *наука правленія*, въ смыслѣ знанія правящими сильныхъ и слабыхъ сторонъ своего строя, и того, какія политическія силы его поддерживаютъ или подрываютъ.

XVI.

Значеніе религіозныхъ представленій.

Можно теоретически спорить о томъ, одна ли религія способна давать человѣку всеобъемлющій идеалъ, освѣщающій всѣ стороны его существованія. Въ исторической практикѣ мы во всякомъ случаѣ видимъ, что такую роль играютъ не философскія системы, а религіозныя, или точнѣе—что философская система становится способною къ такой роли лишь тогда, когда превращается въ вѣрованіе, религію, объединяя наше разсудочное убѣжденіе съ безусловнымъ требованіемъ нѣкоторой высшей сверхчеловѣческой силы. Психологія человѣка такова, что твердое руководство его поступкамъ даетъ лишь нѣкоторый сверхчеловѣческій авторитетъ. Отсюда связь верховной власти съ религіей.

Наши современные, лично невѣрующіе ученые, двояко нарушаютъ правильное пониманіе исторіи въ отношеніи этихъ сверхчеловѣческихъ силъ. Они чаще всего отрицаютъ значеніе религіозныхъ представленій въ исторіи, и вмѣсто нихъ силятся внести въ объясненіе судебъ человѣчества другіе второстепенные факторы, какъ вліяніе природы, экономическихъ условій и т. п. Другіе, напротивъ, до крайности преувеличиваютъ значеніе религіозныхъ представленій именно потому, что не вѣрятъ въ ихъ объективность. Я остановлюсь нѣсколько подробнѣе на этомъ предметѣ, чтобы установить надлежащую, какъ думаю, точку зрѣнія на размѣры религіозныхъ вліяній.

Фюстель Куланжъ, въ своемъ замѣчательномъ изслѣдованіи античной государственности, до крайности преувеличиваетъ значеніе религіозныхъ представленій на античную политиче-

скую жизнь, утверждая, для объясненія этого, будто бы люди тогда были совершенно не таковы, какъ теперь. Теперь, говоритъ онъ, люди стали иными, и соціально—политическое творчество движется уже иными законами.

«Мы, говоритъ Фуллье *), уже не принадлежимъ къ эпохѣ, когда Юмъ писалъ: если хотите знать грековъ и римлянъ—изучайте англичанъ и французовъ. Люди, описанные Тацитомъ и Полибіемъ, таковы же, какъ окружающіе насъ»: Фуллье возражаетъ, что даже у самихъ Тацита, Полибія и Цезаря описываются народы, представляющіе «les plus frappantes contrastes» между собою. Всѣ эти мнѣнія показываютъ, что нынѣшніе мыслители совершенно теряютъ чувство мѣры. Они то сочиняютъ «средняго человѣка», не желая думать о реальныхъ отклоненіяхъ отъ «средняго человѣка», существующаго только въ абстракціи, то утверждаютъ несливающіеся les plus frappantes contrastes, забывая за различіями видѣть общее. Между тѣмъ въ дѣйствительности частныя различія, хотя имѣютъ свое серьезнѣйшее значеніе, развиваются лишь на вѣчно незыблемомъ и для всѣхъ временъ и народовъ одинаковомъ, общемъ фонѣ. Юмъ былъ совершенно правъ, говоря, что желая знать грековъ и римлянъ — изучай французовъ и англичанъ, ибо не зная человѣка—нельзя знать грека или римлянина, а узнать человѣка съ должной тонкостью можно лучше всего на своихъ современникахъ, на тѣхъ, кого мы можемъ наблюдать лично и непосредственно. Правильная система наблюденія требуетъ идти отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, отъ легко наблюдаемаго къ трудно наблюдаемому. Только такимъ путемъ мы можемъ понять и сущность вѣчнаго закона, остающагося неизмѣняемымъ, и значеніе различій времени и мѣста.

Описывая огромное значеніе религіи для соціально-политическаго строя античнаго міра, для его нравовъ, обычаевъ, законовъ и учрежденій, Фюстель Куланжъ заявляетъ: «чтобы узнать истину о древнихъ народахъ, мы должны изучать ихъ, забывъ о себѣ». Вотъ это, однако, и есть величайшая ошибка,

*) Alfred Fouillé—Psychologie de peuple Français. Paris, 1898.

тѣмъ болѣе, что на самомъ дѣлѣ она двойная: ибо Фюстель Куланжъ, на самомъ дѣлѣ, не забываетъ о себѣ, а только старается забыть, и думаетъ, что тѣмъ лучше забылъ о себѣ, чѣмъ болѣе противуположными себѣ представляетъ древнихъ. Онъ создаетъ себѣ предвзятую идею о нашей будто бы полной противоположности съ ними, и потомъ задается вопросомъ «почему условія управленія людьми уже болѣе не тѣ, какъ встарину»? Въ объясненіе этого онъ говоритъ: «если законы человѣческой ассоціаціи теперь иные, чѣмъ въ древности, это оттого, что въ самомъ человѣкѣ кое что измѣнилось. Дѣйствительно, одна часть нашего существа измѣняется изъ вѣка въ вѣкъ: это наше познаніе... Человѣкъ не мыслитъ болѣе такъ, какъ онъ мыслилъ 25 вѣковъ назадъ, и именно потому законы, имъ управляющіе, теперь иные, нежели въ старину» (стр. 2).

«Взгляните, продолжаетъ онъ, на учрежденія древнихъ, не размышляя о ихъ вѣрованіяхъ, и въ найдете ихъ темными, не объяснимыми... Но рядомъ съ этими учрежденіями и этими законами поставьте вѣрованія: факты тотчасъ станутъ ясными» (стр. 2—3).

Такимъ образомъ, по Фюстель Куланжу, въ древности религіозныя вѣрованія «опредѣляли» все—семью, бракъ, учрежденія, политику. Но теперь уже не такъ, ибо наши «познанія» измѣнились.

Такой взглядъ односторонне искажаетъ и прошлое, и настоящее. Вопервыхъ, религіозныя вѣрованія вліяли на учрежденія не только при Ромулѣ или Регулѣ, но и при Августѣ и Діоклетіанѣ. Точно также они вліяли на учрежденія и при Константинѣ Равноапостольномъ и Юстиніанѣ Великомъ, и далѣе во всю исторію Европы и Россіи вплоть до нашихъ временъ, которыя Фюстель Куланжъ, безъ должнаго анализа, и ошибочно считаетъ обладающими, будто бы, иными законами ассоціаціи. На самомъ дѣлѣ религіозныя вѣрованія и теперь столь же вліяютъ на учрежденія. Съ другой стороны, никогда и нигдѣ, даже въ такъ называемыхъ теократическихъ странахъ, вовсе не однѣ

*) Фюстель Куланжъ. Древняя гражданская община (La cité antique).

религіозныя вѣрованія опредѣляли характеръ соціальныхъ и политическихъ учрежденій.

Подобно тому, какъ невѣжественный крестьянинъ, узнавъ о существованіи науки, начинаетъ ее считать всесильною, такъ невѣрующій современный ученый, замѣчая въ древности дѣйствіе религіознаго чувства и религіозныхъ представленій, дѣлается склоненъ думать, будто у вѣрующихъ эти чувства и эти представленія всесильны.

Для вѣрующаго человѣка, напротивъ, достаточно вглядѣться въ учрежденія древнихъ для того, чтобъ увидать, что у нихъ, какъ и у насъ—вліяніе религіозныхъ чувствъ и представленій существуетъ, но далеко не безусловно властвуетъ, не безусловно опредѣляетъ поведеніе людей. Нынѣшніе вѣрующіе убѣждены въ существованіи Бога, убѣждены въ томъ, что въ предписаніяхъ религіи намъ указана Его воля, всесильная и непобѣдимая, убѣждены, что земная жизнь—ничтожный мигъ, и намъ, даже по расчету, благоразумнѣе исполнять только волю Божію. Но много ли мы ее исполняемъ? Не каждую ли секунду мы нарушаемъ ее, увлекаясь страстью, расчетомъ, и наконецъ просто забывая Бога, находясь въ состояніи «невидѣнія Бога»? Вспоминая самыя лучшія времена полнаго разцвѣта христіанства,— времена гоненій на христіанъ, и самыя апостольскія времена, мы встрѣчаемъ множество фактовъ, указывающихъ, что и тогда было тоже самое колебаніе вѣры и подчиненія Богу, съ одной стороны, и забвенія Бога, или измѣны ему—съ другой. Это часто видимъ мы даже въ самыхъ житіяхъ святыхъ.

Такое же состояніе было и въ древнемъ до-христіанскомъ мірѣ. Въ классическомъ мірѣ мы на каждомъ шагу видимъ, что на ряду съ вѣрой въ боговъ, и желаніемъ сообразовать свою жизнь съ ихъ требованіями, было и невѣріе, и забвеніе и даже эксплуатація религіи. Римъ обожествилъ Ромула. Римляне повѣрили, что Ромулъ взятъ на небо, откуда и являлся имъ. И однако—та же древняя исторія разсказываетъ, что Ромула убили сенаторы и сочинили всю остальную исторію. Кто же тутъ подчинялся своему предполагаемому божеству и кто эксплуатировалъ

религію? Можно ли сказать, что сенаторы не вѣрили въ боговъ? Конечно вѣрили. И однако они, въ исторіи убійства Ромула, какъ будто бы нагло насмѣхались надъ богами. Точно также— Титъ Ливій, за все время господства патриціевъ, сообщаетъ множество несомнѣнныхъ фактовъ, какъ они пользовались религіозными гаданіями для того, чтобы помѣшать избранію неугодныхъ имъ людей или побудить плебеевъ подчиниться политикѣ сената. Достаточно перечитать Тита Ливія, чтобы убѣдиться, что эта эксплуатація «воли боговъ» патриціями вовсе не была однимъ подозрѣніемъ плебеевъ, а дѣйствительно совершалась. Точно также у грековъ мы часто видимъ случаи, когда они не обращали вниманія на волю боговъ и не сообразовались съ требованіями благочестія. Такъ, напримѣръ, когда Гигесъ низвергъ династію Гераклидовъ,—то вѣра народа и самого Гигеса сказалась въ рѣшеніи: спросить Пифію, признать или не признать Гигеса царемъ? Но тутъ же проявилось и невѣріе. Ибо «Пифія, разказываетъ Геродотъ, тогда же возвѣстила, что Гераклиды будутъ отомщены на пятомъ поколѣніи Гигеса: ни мидяне ни цари ихъ не обращали ни малѣйшаго вниманія на изреченіе оракула, пока оно не сбылось» *). Потомъ вскорѣ, при Алліетѣ, во время опустошенія непріятельской земли, былъ, по небрежности, сожженъ храмъ Аѳины Асесской, и «на это сначала не было обращено вниманія», пока не случилось бѣды. Такихъ фактовъ множество. Впрочемъ, достаточно вспомнить самую мифологію классическихъ народовъ, полную борьбы людей съ богами, для того, чтобы понять, какъ условно и непрочно было подчиненіе людей богамъ.

Вообще человѣкъ существо сложное и волею неволею подчиняясь множеству разнородныхъ вліяній,—въ то же время всегда имѣетъ и стремится имѣть свою волю въ устроеніи своей жизни. Сообразно же со внушеніями этой воли, у него есть свой расчетъ, соображеніе, приспособленіе къ весьма многоразличнымъ обстоятельствамъ жизни. Человѣкъ чувствуетъ на себѣ давленіе законовъ экономическихъ, соціальныхъ,

*) Геродотъ. I, 13.

историческихъ усложненій и т. п. Соотвѣтственно всему этому у него всегда есть свой житейскій расчетъ, соображенія политическія, личныя и т. п., которыхъ онъ вовсе не подчиняетъ безусловно своимъ вѣрованіямъ или такъ называемымъ убѣжденіямъ. Никогда поэтому не было такого народа, у котораго бы соціальный и политическій строй всецѣло опредѣлялся только религіозными или философскими вѣрованіями. Съ другой стороны—вліяніе этихъ вѣрованій и не исчезаетъ никогда.

Значеніе религіознаго элемента на соціально политическое творчество сохраняется и въ настоящее время. Не говоря уже объ огромной массѣ вѣрующихъ различныхъ вѣроисповѣданій, даже и сами считающіе себя невѣрующими выступаютъ на политическо-соціальную реформу съ представленіями чисто религіознаго характера. Огюстъ Контъ, создавъ свою религію человѣчества, не сдѣлался главою современности только изъ за частностей своей религіи. Но вѣрованіе въ нѣкоего Dieu—l'humanité, въ нѣкоторое коллективное существо—«человѣчество», вѣчно живущее въ смѣнѣ поколѣній, и даже имѣющее нѣкоторый общій разумъ, глубоко засѣло въ тѣхъ людей XIX вѣка, которые отреклись отъ христіанства. Точно также и современный соціализмъ (марксизмъ) все болѣе принимаетъ форму обожествленія матеріальныхъ силъ производства. Когда мы вспомнимъ, какъ чисто атеистическая философія буддизма, отвергши Бога, населила небо своими обожествленными «мудрецами»,— и только съ той поры, т. е. перейдя изъ философско-нравственнаго атеизма въ чисто языческую религію, стала способна къ соціально-политическому творчеству, то мы вовсе не найдемъ невѣроятнымъ появленіе черезъ 100—200 лѣтъ алтарей и «духовъ» Маркса и Энгельса въ новомъ соціалистическомъ язычествѣ производительныхъ силъ природы.

XVII.

Реальность религіозныхъ вліяній.

Значеніе религіозныхъ вѣрованій въ исторіи человѣческихъ обществъ чрезвычайно затемняется тѣмъ обстоятельствомъ, что трактующіе объ этомъ предметѣ обыкновенно не вѣрятъ въ существованіе Бога и въ дѣйствіе міра духовъ на земную жизнь. Они поэтому представляютъ себѣ религіозныя вѣрованія созданіемъ фантазіи человѣка. Не Богъ создалъ человѣка, говорятъ они, а человѣкъ создалъ себѣ боговъ. При такихъ понятіяхъ, во вліяніи религіи видятъ отраженное воздѣйствіе человѣка на самого себя. Я долженъ оговориться, что не только иначе понимаю вопросъ, но думаю, что при отрицаніи реальнаго, самостоятельнаго бытія духовъ,—въ исторіи ровно ничего нельзя понять.

Человѣческая природа составляетъ такую область міра, въ которой соединяется дѣйствіе силъ матеріальныхъ и духовныхъ. На насъ дѣйствуютъ вліянія земныя, матеріальныя, дѣйствуетъ также міръ духовъ. Откровеніе объясняетъ, что наша земная жизнь, какъ и жизнь историческая, есть арена борьбы этихъ духовныхъ силъ, влекущихъ насъ къ совершенно противуположнымъ дѣйствіямъ и судьбамъ. Вотъ почему и важно для насъ содержаніе нашихъ религіозныхъ представленій. Ихъ значеніе аналогично значенію опытныхъ наукъ. Подобно тому, какъ науки естественныя составляютъ знаніе дѣйствія силъ матеріальной природы, такъ религіозныя вѣрованія составляютъ знаніе дѣйствія на насъ міра духовъ. Въ обоихъ случаяхъ—это знаніе нужно для того, чтобы соображать свою жизнь съ дѣйствіемъ данныхъ силъ матеріальныхъ и духовныхъ. Въ обоихъ случаяхъ знаніе и пользованіе имъ увеличиваютъ нашу силу и разумное устроеніе жизни, наоборотъ—незнаніе или непользованіе знаніемъ ослабляетъ насъ и влечетъ къ

жизни, порабощенной силами, намъ незнакомыми, но тѣмъ не менѣе существующими и на насъ дѣйствующими.

Успѣхи человѣка въ познаніи этихъ вліяній бываютъ неодинаковы, а отсюда и весьма различно вліяніе религіозныхъ вѣрованій и представленій.

Человѣчество падшее было оторвано отъ истиннаго Богопознанія. Однако, человѣческіе роды и племена, по преданію отъ предковъ, сохранили воспоминанія о томъ, что есть Богъ единый, Творецъ и Промыслитель. Это воспоминаніе у большинства сильно потускнѣло, до такой степени, что почти потеряло практическое вліяніе на жизнь людей. Но тѣмъ сильнѣе дѣйствовали низшія религіозныя представленія.

На этой почвѣ наиболѣе отчетливо дѣйствуютъ двѣ разновидности религіозныхъ представленій: 1) обожествленіе силъ природы, 2) культъ предковъ, при чемъ оба культа часто сливаются въ различныхъ степеняхъ. Вѣрованіе въ безсмертіи души, и убѣжденіе въ благожелательности отцовъ семействъ, приводятъ къ тому, что люди видятъ своихъ покровителей въ духахъ предковъ, къ нимъ обращаются съ просьбою о защитѣ, имъ приносятъ жертвы, имъ воздвигаютъ храмы и т. п. Съ ихъ же указаніями и желаніями они, по мѣрѣ доброй воли и обстоятельствъ, сообразуютъ свое поведеніе и свою общественную жизнь.

Обожествленіе силъ природы—есть лишь грубое проникновеніе въ область духовныхъ существъ. Тутъ люди поклоняются и злой силѣ и доброй, особенно легко отходя отъ понятія самаго существа Божія. Его существо—какъ извѣстно изъ Откровенія, есть существо нравственное. Въ обожествленіи природы человѣкъ, напротивъ, преклоняется только передъ силою, независимо отъ ея нравственнаго или даже противонравственнаго содержанія, и такимъ образомъ способенъ особенно далеко отходить отъ истиннаго Бога.

Эти то различныя состоянія религіозныхъ вѣрованій,—не могутъ не имѣть весьма различнаго вліянія на человѣческую жизнь вообще, а въ частности и на понятіе человѣка о верховной власти въ его политической жизни.

Устроивъ свое государство, люди дѣйствовали и дѣйствуютъ весьма неодинаково, смотря по тому что, по ихъ мнѣнію, сильнѣе и выше всего въ мірѣ. Сверхъ того,—для опредѣленія ихъ дѣятельности очень важно и то,—какія именно силы духовнаго міра, по мнѣнію даннаго народа, наиболѣе интересуются человѣческой общественной жизнью. Въ вѣрованіяхъ древняго грека было представленіе о нѣкоторой судьбѣ, которая гораздо сильнѣе Юпитера и прочихъ боговъ, но Юпитеръ, Венера и т. д. непосредственно вмѣшиваются въ земныя дѣла, и ясно предъявляютъ свои требованія, коихъ неисполненіе опасно, а исполненіе выгодно. Между тѣмъ—чего желаетъ судьба—греку было неизвѣстно. При такихъ понятіяхъ онъ, конечно, сообразовался не съ тѣмъ, что ему неизвѣстно, а съ тѣмъ что ему извѣстно.

Отсюда огромное первоначальное вліяніе на политику именно культа прековъ и культа силъ природы. Точно такъ же какъ и признаніе единаго Божества, Создателя міра, эти двѣ вѣтви религіозныхъ представленій способны давать исходные пункты для единоличной верховной власти.

XVIII.

Религіозный элементъ въ единоличной верховной власти.

Признаніе верховной государственной власти одного человѣка надъ сотнями тысячъ и милліонами подобныхъ ему человѣческихъ существъ не можетъ имѣть мѣста иначе, какъ при фактѣ или презумпціи, что въ данной личности—Царѣ—дѣйствуетъ нѣкоторая высшая сверхчеловѣческая сила, которой нація желаетъ подчиняться или не можетъ не подчиняться.

Въ отношеніи народовъ покоренныхъ силою—Царь покорителей можетъ являться верховной властью, такъ какъ покоренные—не имѣютъ никакихъ самостоятельныхъ правъ, и пользуются лишь тѣми крупицами правъ или терпимости, которыя побѣдителю угодно оставить или даровать. Но и насильственная

человѣческая власть одного лица имѣетъ такое положеніе только въ отношеніи покореннаго племени. Самъ царь покорившаго племени имѣетъ не самобытную силу, а почерпаетъ ее среди народа покорившаго, въ отношеніи котораго уже долженъ имѣть какой нибудь иной источникъ власти, а не простую силу. Да и покоренные признаютъ верховную власть царя, покорившаго ихъ, только потому, что за него стоятъ его воины, его родное племя. Сила, вынуждающая къ покорности, заключается, такимъ образомъ, не въ данномъ единоличномъ владыкѣ, а въ стоящемъ позади его народѣ.

Но какимъ образомъ *одинъ* человѣкъ можетъ стать верховной властью для того народа, къ которому онъ самъ принадлежитъ, и который во столько же разъ сильнѣе всякой отдѣльной личности, во сколько милліоны больше единицы?

Это можетъ быть произведено только вліяніемъ религіознаго начала,—тѣмъ фактомъ или презумпціей, что монархъ является представителемъ какой то высшей силы, противъ которой ничтожны милліоны человѣческихъ существъ. Участіе религіознаго начала безусловно необходимо для существованіи монархіи, какъ государственной верховной власти. Безъ религіознаго начала единоличная власть, хотя бы и самаго геніальнаго человѣка, можетъ быть только диктатурой, властью безграничной, но не верховной, а управительной, получившей всѣ права лишь въ качествѣ представительства народной власти.

Таково и было историческое возникновеніе монархій. Единоличная власть нерѣдко выдвигалась въ значеніе высшаго правителя, диктатора, вождя,—по причинамъ весьма разнообразнымъ: по мудрости законодательной или судебной, по энергіи и талантамъ, для поддержанія внутренняго порядка, по способностямъ военнымъ,—но всѣ эти правители могли получать значеніе верховной власти, только въ томъ случаѣ, если въ фактъ ихъ возвышенія привходила религіозная идея, которая указывала народу въ данной личности представителя высшаго сверхчеловѣческаго начала.

Какъ правило,—всѣ монотеистическія религіи болѣе способствуютъ возникновенію монархической верховной власти, ре-

лигіи политеистическія—напротивъ, мало этому благопріятствуютъ, за исключеніемъ того случая, когда культъ предковъ создаетъ, въ какой либо восходящей линіи родства, обожествленіе представителя династіи.

Обожествленіе предковъ, которые вмѣстѣ съ тѣмъ являются родоначальниками царствующей династіи, понятно, сообщаетъ царю значеніе живого выразителя духа и вѣрованій народа. Присутствіе этого элемента въ древнихъ царствахъ повсюду болѣе или менѣе замѣтно. Въ Ассиріи главный богъ былъ Ассуръ, который почитался и какъ покровитель династіи, а между тѣмъ библія называетъ Ассура сыномъ Сима. Въ Египтѣ прямо говорили, что въ странѣ первоначально царствовали боги, т. е. другими словами—предки царей были зачислены въ божества. Въ отношеніи Китая нашъ извѣстный синологъ, С. Георгіевскій, очень убѣдительно объясняетъ значеніе культа предковъ анализомъ китайскихъ іероглифовъ *). Іероглифы китайцевъ выражаютъ какъ, извѣстно, не звуки а понятія и сочетанія понятій, а потому анализъ іероглифовъ даетъ возможность опредѣлить, какія обстоятельства и факты обусловили именно такое а не иное составленіе даннаго іероглифа. Такъ, напримѣръ, можно видѣть наглядно, изъ какихъ элементовъ сложилось «государство», или «войско», или «народъ» и т. п.

Такой анализъ іероглифовъ приводитъ Георгіевскаго къ заключенію, что древніе китайскіе цари были не болѣе, какъ выборными начальниками. Выбирали въ такіе начальники за военные заслуги, такъ какъ іероглифъ «дай» именно выражаетъ, что лицо царствующее искусно въ военномъ дѣлѣ. И вотъ этотъ первоначально выборный вождь—превращается впослѣдствіи въ представителя самаго Неба.

Въ общей сложности рисуется такая картина. Одинъ изъ родоначальниковъ китайцевъ, избранный въ вожди при завоеваніи ими своихъ нынѣшнихъ территорій, превратился посте-

*) Сергѣй Георгіевскій. „Анализъ іероглифическій письменности китайцевъ, какъ отражающей въ себѣ исторію жизни древняго китайскаго народа". Спб. 1888 г.

ненно въ верховное божество, а богдыханы—его «сыновья». Сынъ перваго вождя, еще вѣроятно очень не властнаго, по требованію культа предковъ, приносилъ ему жертвы, и слѣдовательно являлся необходимымъ посредникомъ между народомъ и умершимъ вождемъ, котораго духъ нуженъ былъ народу, какъ покровитель. Авторитетъ преемниковъ его такимъ образомъ возрасталъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Всѣ послѣдующіе цари, по смерти своей, еще болѣе наполняли небо духами, которые являлись покровителями китайцевъ, и всѣ живутъ съ «Шанъ-ди» (Небо). Каждый же Императоръ есть «сынъ неба» и самое его царствованіе называется «служеніемъ небу». Дѣйствительно «служеніе небу» есть одновременно и семейная обязанность Императора по культу предковъ, и — управленіе народомъ, надъ которыми правили всѣ эти духи при своей жизни, а по смерти явились покровителями бывшихъ подданныхъ.

Культъ предковъ, обязательный для каждой отдѣльной семьи, не имѣетъ значенія для всѣхъ остальныхъ семей китайскаго народа, тогда какъ культъ могущественному роду Шанъ-ди касался всѣхъ. Предки другихъ семействъ оставались домашними духами—покровителями, а Шанъ-ди постепенно выросталъ въ главное національное Божество. Понятно, какой ореолъ власти давалъ культъ Шанъ-ди китайскому Императору, природному, неоспоримому и наслѣдственному хранителю этого культа. Покоряясь небу, т. е. Шанъ-ди, народъ тѣмъ самымъ долженъ былъ покоряться его земному представителю, богдыхану, и не могъ отказать ему въ повиновеніи, не отказывая въ повиновеніи самому небу. Такъ изъ первоначальнаго счастливаго, удачливаго военачальника, выдвинувшагося изъ среды равныхъ ему начальниковъ китайскихъ родовъ — выросла, на почвѣ культа предковъ, власть верховная уже не зависящая отъ народныхъ желаній и избраній, а отъ воли «неба», «Шанъ-ди.»

Но ясно въ то же время, что верховная власть богдыхана проявляетъ въ управленіи народомъ не свою личную волю, а волю всего сонма духовъ предковъ своихъ, засѣдающихъ

ь Шанъ-ди на небесахъ. Верховная власть, такимъ образомъ, здѣсь выражаетъ весь духъ, преданія, вѣрованія и идеалы арода.

XIX.

Нравственный отпечатокъ религіозной идеи.

Различіе религіозной идеи, возведшей власть въ значеніе ерховной—придаетъ ей неодинаковое нравственное достоинство. Даже среди монотеистическихъ религій не всѣ даютъ одинаковое содержаніе тому идеалу, служеніе которому создаетъ ерховную власть монарха. Богъ истинный—одинъ. Высшіе деалы правды и нравственности—тоже только одни. Истинная тепень самостоятельности человѣка въ устройствѣ своей жизни—тоже только одна. Какъ бы мы ни увеличивали или ни меньшали степени своей самостоятельности—въ дѣйствительности она, реальпо, такова, какъ это создано Богомъ, въ своемъ мнѣніи. Поэтому надлежащее, правильное руководство бщественной жизни, въ быту и въ политикѣ, даетъ лишь то елигіозное воздѣйствіе, которое люди получаютъ отъ Истиннаго ога. Всѣ остальныя вліянія, создаются ли они нашимъ воображеніемъ или замаскированнымъ воздѣйствіемъ какихъ-либо ругихъ сверхчеловѣческихъ силъ—будутъ оказывать дѣйствіе олѣе или менѣе искаженное.

Посему монархическое начало, какъ верховное, имѣетъ не динаковую степень нравственнаго достоинства и общественой пользы. Это обусловливается содержаніемъ того религіозаго начала, которое сообщило данной монархіи ея верховное осударственное значеніе.

Связываньe монархіи, какъ верховной власти, съ невѣдомой ожественной силой, неясныхъ нравственныхъ очертаній—созаетъ извращенную монархію, съ деспотическимъ характеромъ.

Тутъ все, естественно, сводится къ личности правителя. Мы аблюдаемъ этотъ типъ въ монархіяхъ восточныхъ. Громадныя

царства возникаютъ и распадаются тамъ въ связи съ одной личностью или съ двумя--тремя поколѣніями властвующаго дома. Таковы царства Татарскія, Арабскія, Турецкія. Во всѣхъ нихъ, при громадномъ значеніи личности правителя, въ націи крайне слабо все, способное вырабатывать его личность. Понятія о церкви не существуетъ, и при такой концепціи божества—не можетъ существовать. Магометанское понятіе о Богѣ-Аллахѣ — не связано съ понятіемъ о пребываніи его въ душахъ людей, а связано лишь съ покорностью ему (Исламъ—значитъ покорность).

Покойный Владиміръ Соловьевъ *) ярко характеризуетъ духъ этой религіозной концепціи. Въ магометанствѣ, говоритъ онъ, «Богъ и человѣкъ помѣщены въ двухъ противуположныхъ полюсахъ существованія, вслѣдствіе чего между ними нѣтъ филіаціи. Всякая реализація Божественнаго элемента, исходящая къ человѣку, и всякое одухотвореніе элемента, восходящаго отъ человѣка—сами собой исключаются. Религія становится чисто внѣшнимъ отношеніемъ между всемогущимъ создателемъ и созданіемъ, безусловно чуждымъ свободы и обязаннымъ лишь слѣпо повиноваться своему владыкѣ (это и есть смыслъ арабскаго слова «Исламъ»). Этой простотѣ религіозной идеи соотвѣтствуетъ столь же простое рѣшеніе задачи соціально-политической. Человѣкъ и человѣчество не имѣютъ передъ собой задачъ какого либо прогресса. Нѣтъ никакого нравственнаго возрожденія для личности и тѣмъ болѣе для общества. Все принижено до уровня чисто естественнаго существованія. Идеалъ низведенъ до той степени, при которой возможно немедленное, непосредственное его осуществленіе. Мусульманское общество не способно имѣть другихъ цѣлей, кромѣ развитія матеріальной силы и наслажденія земными благами. Вся задача мусульманскаго государства—распространять оружіемъ исламъ и управлять правовѣрными абсолютной властью по правиламъ элементарной справедливости, изложеннымъ въ Коранѣ».

*) W. Solovieff. La Russie et l'Eglise Universelle.

Эта религіозная концепція отражается и на характерѣ верховной власти въ государствѣ, ослабляя нравственное начало, которое въ исламѣ состоитъ не въ самомъ качествѣ духа нашего, а во внѣшнемъ исполненіи правилъ, т. е. въ дрессировкѣ, въ покорности предписанному режиму.

Духовное состояніе восточныхъ народовъ—семитовъ и хамитовъ, вообще, представляетъ любопытное отличіе отъ духовнаго состоянія іафетидовъ. Послѣдніе глубоко ощущаютъ свой духъ, и напротивъ—иногда склонны забывать о существованіи высшей силы, ихъ породившей. Но за то, вспоминая объ этой высшей силѣ—іафетиды легко ощущаютъ свое нравственное сродство съ нею. Евреи составляютъ нѣкоторую средину между этими двумя типами. Остальные народы востока никогда не считаютъ высшей силой самихъ себя. Востокъ хранитъ сознаніе высшихъ сверхчеловѣческихъ силъ, устрояющихъ судьбы людей и народовъ, но нравственнаго содержанія этихъ высшихъ силъ—не ощущаетъ легко.

Въ сверхчеловѣческихъ элементахъ, большею частью, онъ ощущаетъ только *непреборимую силу*, которой покоряется, не разбирая ея качества, готовъ преклоняться и передъ демоническими началами, какъ передъ Божественными.

Такое духовное настроеніе, несомнѣнно, побуждаетъ въ политикѣ склонность сплачиваться около власти единоличной, въ которой народы востока ищутъ избранника высшей сверхчеловѣческой силы. Но содержаніе воли этихъ высшихъ силъ не опредѣлялось нравственнымъ началомъ. Востокъ покорялся силѣ, потому что—она сила, не уважая ея, не любя ея, но только покоряясь. Такимъ характеромъ облекалось и государственное сознаніе.

Избранника высшихъ силъ могъ показать только успѣхъ, въ которомъ выражалась помощь свыше. *Успѣхъ—мѣрило законности нравственной.* Для направленія дѣйствій этого избранника высшихъ силъ, по неясности воли послѣднихъ, или точнѣе—по неясности характера этой воли, не имѣлось указаній кромѣ воли самого правителя. Проблески высшаго религіознаго сознанія порождаютъ кое-какіе признаки долга правителя.

Но это—крупицы, которыя у болѣе нравственно-развитой личности могутъ создать высокій образчикъ правленія, но не могутъ создать общаго *идеала царя*. Въ концѣ концовъ, для востока Чингисъ-Ханъ и Шахъ-Надиръ столь же идеальны, какъ Гарунъ-Аль-Рашидъ.

При неясности нравственнаго характера Божества, и вытекающемъ отсюда мѣрилѣ правды въ видѣ «успѣха», не можетъ быть различія между властью законной и узурпаторской. Посему и элементъ наслѣдственности мало развитъ. Поддержаніе династіи нерѣдко достигается убійствомъ всѣхъ претендентовъ. Избіеніе всѣхъ братьевъ Султана иногда составляло правило внутренней политики. Практика власти становится еще болѣе произвольной, когда она сама не имѣетъ опоры легитимности и держится лишь до тѣхъ поръ—пока составляетъ грозную силу. *Произвольность власти характеризуетъ эту деспотическую монархію.* При этомъ должно замѣтить, что произвольность зависитъ не отъ отсутствія закона: онъ можетъ быть. Но законъ существуетъ вообще для подданныхъ, а не для верховной власти, которая вездѣ сама составляетъ источникъ закона, а посему имъ не можетъ быть ограничиваема. Произвольность власти деспотической монархіи зависитъ отъ отсутствія того, чѣмъ только и уничтожается произволъ ея—яснаго представленія того нравственнаго идеала, выражать который она призвана. Такимъ образомъ монархія деспотическая является и всюду, гдѣ извращены религіозныя представленія, въ связи съ правильностью которыхъ только и можетъ развиваться истинный идеальный типъ монархіи.

XX.

Монархическое начало въ связи съ явленіями соціальнаго строя.

Человѣческія представленія о правдѣ и справедливости находятся въ тонкой внутренней связи съ вѣрованіями и представленіями религіозными. Но наряду съ этимъ фондомъ вѣрованій, въ выработкѣ понятій о справедливости, правдѣ и правѣ играютъ огромную роль условія исторической національной жизни, отношенія междуплеменныя, соціальныя и бытовыя, которыя—даже при всемъ вліяніи вѣрованій—никогда не опредѣляются исключительно ими, а имѣютъ своею причиною также вліянія и соображенія чисто житейскія, практическія, соображенія о возможности или невозможности, удобствѣ или неудобствѣ, пользѣ или вредѣ.

Весь этотъ громадный слой вліяній и условій чисто политическихъ, соціальныхъ, экономическихъ, также играетъ могущественную роль въ опредѣленіи формы и характера верховной власти, а въ частности отражается и на монархіи.

Онъ можетъ быть неблагопріятенъ для ея возникновенія, можетъ быть, наоборотъ, и очень ей благопріятенъ. Но вообще должно замѣтить, что между этимъ слоемъ вліяній историческо-соціальныхъ и слоемъ вліяній религіозныхъ вовсе нѣтъ полнаго и необходимаго совпаденія. Они дѣйствуютъ отдѣльно, иногда совпадая, иногда противодѣйствуя одинъ другому. Такъ у насъ, въ Россіи, эти два слоя вліяній, вообще говоря, совпадали весьма гармонично, пораждая этимъ особенно хорошо выдержанный типъ монархіи. Въ Византіи, напримѣръ, наоборотъ, вліянія историко-соціальныя во многихъ существенныхъ пунктахъ расходились съ религіозными, вредя развитію чистаго монархическаго типа. Въ Римѣ—расхожденіе этихъ слоевъ вліяній было еще сильнѣе. Тоже самое можно сказать и о монархіяхъ западной Европы.

Оставляя въ сторонѣ слой религіозныхъ вліяній, въ сферѣ вліяній историческо-соціальныхъ мы можемъ замѣтить слѣдующія явленія.

Въ отношеніи собственно соціальномъ человѣчество переживаетъ вообще двѣ стадіи развитія: бытъ *патріархальный* *) и бытъ *гражданственный*, незамѣтными ступенями переходящіе изъ одного въ другой. Бытъ патріархальный, есть бытъ разросшейся семьи, члены которой связаны не только общимъ происхожденіемъ, но и всей нравственной и дисциплинарной силой его. Патріахальный бытъ существуетъ лишь до тѣхъ предѣловъ, пока семья, сильно разросшаяся, — еще не настолько однако велика, чтобы члены ея потеряли возможность личнаго постояннаго общенія, личнаго знакомства, совмѣстнаго труда и защиты. На этомъ непосредственномъ, личномъ вліяніи все построено въ патріархальномъ быту, и тѣмъ болѣе прочно, что мѣсто каждаго члена опредѣляется не выборомъ, не желаніемъ и даже не заслугами, а естественнымъ наростаніемъ одного поколѣнія на другое. Патріархальная семья есть плодъ, такъ сказать, растительнаго соціальнаго процесса, дѣйствія естественныхъ силъ рожденія, симпатіи, подчиненія сильнѣйшему, привычки... Сознательность участвуетъ въ этомъ очень мало, лишь въ частностяхъ и подробностяхъ. Но тѣмъ сильнѣе связь привычная и инстинктивная, усиливающаяся еще болѣе тѣснымъ единствомъ культа, который всегда или состоитъ въ культѣ предковъ или тѣсно съ нимъ связанъ.

Власть патріархальная есть по существу своему монархическая. Она проникнута тѣмъ же нравственнымъ духомъ, той же самородностью (spontaneité), независимостью отъ желанія или избранія; она проникнута совершенной ясностью правъ и обязанностей, задачъ какъ управленія, такъ и подчиненія. Эта власть чисто монархическая по характеру, но представляетъ собою лишь зародышъ монархіи, точно также какъ патріархальная община представляетъ собою лишь зародышъ общества.

Власть патріархальнаго владыки въ высшей степени ясна

*) Эпоха патріархальная слишкомъ мало изучена, чтобы ее вводить въ разсужденіе.

внутри его семейной общины. Но какъ онъ объединить хотя двѣ такія общины? Въ отношеніяхъ этихъ двухъ-трехъ семейныхъ общинъ нѣтъ ничего того, что объединяетъ внутренне каждую изъ нихъ въ отдѣльности. Разрастающійся патріархальный бытъ превращается въ *родовой*, построенный уже лишь по инерціи, по естественной аналогіи, на началахъ патріархальнаго, но уже безъ той реальной, непосредственной, личной связи и власти, которая составляетъ всю красу и силу патріархальнаго быта. Внутренняя стройная самоудовлетворенность и потому незыблемый порядокъ патріархальнаго строя— по сему не можетъ повториться въ родовомъ. Этотъ родовой бытъ всюду характеризуется неясностью общей связи, усобицами. «Возста родъ на родъ»: это явленіе общее.

Между тѣмъ родовой бытъ—это именно та ступень, та фаза эволюціи патріархальнаго быта, съ которой племя переходитъ къ строю гражданскому, т. е. къ строю, когда является вопросъ уже о власти *политической*, основанной на отношеніяхъ не семейныхъ, не родственныхъ, не экономическихъ, не нравственныхъ или религіозныхъ, прямо и отдѣльно взятыхъ, но на отношеніяхъ гражданскихъ, отношеніяхъ людей, родныхъ и чужихъ, богатыхъ и бѣдныхъ, злыхъ и добрыхъ, и не одноroднаго культа — но принужденныхъ и желающихъ жить въ одномъ гражданскомъ союзѣ.

Это гражданское состояніе, гражданскій союзъ, ничуть не упраздняетъ другихъ союзовъ и связей, и даже безъ существованія ихъ онъ невозможенъ, т. е. безъ существованія ихъ для него невозможно найти авторитетныя основы. Но все-таки самъ по себѣ, по существу своему, онъ отличенъ отъ нихъ. Понятіе же о верховной власти только и является при переходѣ въ это гражданское, политическое, состояніе.

Каковы же при этомъ условія для возникновенія различныхъ формъ верховной власти? Самъ по себѣ, чисто-патріархальный бытъ—вообще весьма благопріятенъ для развитія именно *монархической власти*, которая по характеру аналогична привычной и всѣми любимой патріархальной власти. Поэтому если патріархальныя семьи, не разросшіяся еще въ укоренив-

шійся родовой строй, получаютъ потребность нѣкотораго совмѣстнаго дѣйствія, какъ для общей самозащиты или нападенія, у нихъ естественно выдѣляется въ качествѣ общей власти—монархія. Но если необходимость общей власти является при уже развитомъ родовомъ строѣ, возникновеніе монархіи труднѣе.

Владыки родовъ слишкомъ могущественны для того, чтобы дать мѣсто монархіи, и развитой родовой бытъ естественно выдвигаетъ *аристократическій* принципъ, при которомъ князь, rex, конунгъ является лишь какъ primus inter pares. Въ этомъ случаѣ монархическій принципъ можетъ выдвинуться лишь позднѣе, при томъ условіи, если аристократическій строй начинаетъ, по собственному ли разложенію, или по очень быстрому приливу новыхъ народныхъ слоевъ, случайныхъ и сбродныхъ, — оказываться уже безсильнымъ сохранить свой престижъ. Тогда усиливающаяся масса, демократически настроенная, въ борьбѣ съ принципомъ аристократіи, можетъ снова дать почву для появленія монархіи, примиряющей эти двѣ враждующія силы въ нѣкоторомъ общемъ единствѣ.

Такимъ образомъ и здѣсь монархія является представительницей нѣкотораго общаго примиряющаго принципа, признаннаго обѣими сторонами, каковымъ принципомъ можетъ явиться только нѣкоторый нравственный идеалъ. Вообще, съ развитіемъ гражданскаго состоянія—монархія является тѣмъ легче, чѣмъ элементы гражданской жизни сложнѣе и чѣмъ сильнѣе они каждый порознь развиты. Не желая и не видя основаній къ взаимному подчиненію, ощущая каждый въ отдѣльности свой собственный raison d'être, всѣ эти элементы способны къ объединенію только нѣкоторымъ высшимъ принципомъ, отвлеченнымъ отъ ихъ отдѣльнаго существованія, но не отрицающемъ ихъ. Такимъ принципомъ является легче всего нравственный, человѣческій, исходящій изъ идеи *личности*, ея правъ, ея блага, ея потребностей и т. п. Являясь съ такимъ характеромъ, онъ выдвигаетъ власть монархическую, какъ по существу нравственную.

Наоборотъ—пока объединяющимъ началомъ остается идея

государства, республики, родины—основой верховной власти естественно остается аристократія или демократія, допуская единоличную власть только въ качествѣ диктатуры, т.-е. въ качествѣ хотя и абсолютной, но все-таки делегированной власти.

Отсюда происходитъ явленіе такъ называемой абсолютной монархіи, имѣющей болѣе видимость монархіи, нежели ея сущность. Условія чисто соціальныя и политическія вообще способны создать только этотъ единоличный, избирательный или даже, наслѣдственный, абсолютизмъ, который держится явнымъ или предполагаемымъ избраніемъ народной воли. Но это не есть еще признанная верховная, самородная, власть, это не есть власть выше народной воли. Для довершенія монархическаго дѣла,—на помощь соціальнымъ условіямъ должны явиться религіозныя вѣрованія, и только тогда абсолютизмъ превращается въ настоящій монархизмъ. Точно также въ истинной монархіи, при отнятіи религіознаго вѣрованія, останется только абсолютизмъ, который затѣмъ можетъ легко уступить мѣсто демократіи или аристократіи.

XXI.

Вліянія внѣшней и внутренней политики.

Вліянія религіозныя и соціальныя можно назвать органическими, наиболѣе глубокими и основными. Помимо ихъ, существуютъ однако еще очень сильныя вліянія государственной практической жизни, т. е. вліянія внѣшней и внутренней политики.

Монархія есть единоличная власть, поставленная въ качествѣ верховной. Поэтому ея возникновенію и поддержанію способствуютъ всѣ обстоятельства, при которыхъ выдвигается единоличная власть, и тѣ, которыя создаютъ въ націи живое сознаніе нѣкотораго общепризнаннаго нравственнаго идеала, охватывающаго всѣ стороны общественной жизни.

Значеніе этихъ внѣшнихъ условій, текущихъ политическихъ обстоятельствъ, должно однако оцѣнивать лишь въ настоящую

мѣру. Они чаще всего сбиваютъ наше пониманіе сущности монархіи.

Иногда въ народахъ возникаетъ самый жгучій практическій интересъ, который всѣхъ объединяетъ, всѣхъ связываетъ общимъ, всѣхъ охватившимъ желаніемъ... Въ этихъ случаяхъ передъ жгучестью потребности или желанія стушевываются всѣ идеалы, и данный интересъ имѣетъ видъ національнаго идеала. Но этого временнаго идеала не должно смѣшивать съ тѣмъ, который живетъ въ глубинахъ народной психологіи.

Въ народной борьбѣ за существованіе, требующей сосредоточенія силъ, легко возникаетъ потребность единаго вождя, который и дѣлается царемъ. Эпохи національной самообороны, или эпохи, когда одна нація, подчиняя себѣ рядъ другихъ, должна господствовать надъ ними съ напряженіемъ всѣхъ своихъ силъ— также могутъ требовать высшей единоличной власти во главѣ національныхъ силъ. Такъ выдвигаются диктаторы, такъ создаются условія и для монархіи. Но большая ошибка сводить суть монархіи къ такой единоличной власти. Если монархія опирается только на такія временныя историческія потребности—она не прочна и даже не полна, не есть истинная монархія.

Можно имѣть единоличную власть и безъ монархіи. Наоборотъ, можно и при монархіи пользоваться всѣми силами коллективныхъ властей повсюду, гдѣ онѣ нужны. Петръ Великій широко развилъ коллегіальное начало во всемъ своемъ управленіи, да и вообще исторія полна такими примѣрами.

Вообще, выдвигая какое нибудь начало власти въ верховный, гармонизирующій принципъ, нація этимъ не уничтожаетъ другихъ формъ власти, которыя продолжаютъ въ ней существовать, и только переходятъ въ значеніе силъ служебныхъ, которыя допускаются верховной властью въ разныхъ сферахъ управленія. Посему, когда политика выдвигаетъ потребность въ единоличной власти, какъ силы служебной, отсюда еще нельзя заключать о томъ, что она выдвигаетъ монархію.

Такъ, напримѣръ, въ древнемъ Римѣ единоличная власть составляла потребность не только внѣшнюю, но и внутреннюю.

Самъ Титъ Ливій, поклонникъ республиканскаго переворота, совершеннаго Брутомъ, говоритъ: «Не подлежитъ сомнѣнію, что тотъ же самый Брутъ, прославленный изгнаніемъ Тарквинія Гордаго, совершилъ бы дѣло роковое для государства, если бы, стремясь къ преждевременной свободѣ, вырвалъ скипетръ у кого либо изъ предшествовавшихъ царей. Дѣйствительно—что сталось бы съ этимъ сбродомъ пастуховъ и изгнанниковъ всѣхъ странъ, если бы они были сразу избавлены отъ страха передъ царемъ, были предоставлены всѣмъ бурямъ трибуната? Что было бы, если бы эти пришельцы въ чужомъ городѣ вступили въ борьбу съ сенатомъ прежде чѣмъ брачные союзы, родство, любовь къ новой родинѣ—не скрѣпили сердца взаимной привязанностью? Раздоры разрушили бы это едва зародившееся государство» *).

Однако потребность въ единоличной власти въ это время была столь же сильна, какъ и раньше. Это доказывается не только абсолютизмомъ Тарквинія, но и тѣмъ, что по изгнаніи царей сама Республика, по замѣчанію Тита Ливія, «нисколько не уменьшила прерогативъ власти».

Моментъ исторіи, на который указываетъ Титъ Ливій, очень любопытенъ. Верховная власть была измѣнена, а управительная осталась почти та же. Что эта означаетъ? Исчезло нѣчто, благодаря чему держалась монархія, и на смѣну ея выступилъ другой верховный принципъ—аристократія (впрочемъ неудачно). Исчезъ патріархальный царь, представитель патріархальной общины и служитель ея общаго культа. И все это произошло—несмотря на продолжающуюся потребность въ единоличной власти.

Но и аристократія не удовлетворяла уже идеалу верховной власти. Аристократія, съ первыхъ временъ Рима, боролась противъ монархіи. Не подлежитъ сомнѣнію, что Ромулъ былъ убитъ сенаторами, и изъ Тита Ливія извѣстно, что тѣ же сенаторы возможно долго затягивали избраніе новаго царя. Они даже пытались править по очереди, и только народное настоянie вы-

*) Титъ Ливій „Римская Исторія", кн. II, гл. I.

нудило къ возстановленію монархіи. «По смерти Ромула, говоритъ Титъ Ливій, сто сенаторовъ приняли такое рѣшеніе: они раздѣлились на 10 декурій, каждая декурія поставила одного члена, назначеннаго для власти. Такимъ образомъ для царствованія было 10 человѣкъ, но лишь одинъ получалъ знаки власти и ликторовъ. Власть оставалась у него въ теченіе 5 дней, а потомъ поочередно переходила къ другимъ». Такой порядокъ продолжался цѣлый годъ. «Но народъ возропталъ: его порабощеніе стало болѣе тяжело, онъ имѣлъ не одного, а сто господъ». И вотъ сенаторы, видя это волненіе умовъ, предпочли сами предложить то, что у нихъ готовились взять силой, то есть новаго царя.

Переворотъ, неоднократно замышлявшійся, удался наконецъ аристократіи при Тарквиніи. Правда, что ей все таки не удалось удержать въ своихъ рукахъ верховную власть, которая быстро принимала въ Римѣ демократическій характеръ, но управительная власть почти всецѣло осталась въ рукахъ аристократіи.

И эта управительная власть, выростая изъ *аристократіи*, подъ верховной властью *демократіи*, сохранила тотъ же *единоличный* характеръ. Царя изгнали, но вмѣсто него создали двухъ консуловъ такой же силы власти. «Задача удержать абсолютную власть въ правѣ и въ то же время фактически ограничить ее, говоритъ Момсенъ *), была рѣшена совершенно по римски, рѣзко и просто: рѣшеніе состояло въ ограниченіи времени власти и въ назначеніи двухъ равноправныхъ и равно абсолютныхъ властителей». Если же не хватало для дѣйствія и такой власти, то назначали ужъ абсолютнѣйшаго и единаго диктатора.

Верховная же власть осталась за римскимъ народомъ.

Точно также истинная монархія, сознающая свое *верховенство*, почти не можетъ существовать безъ присутствія, около себя «голоса земли», какихъ либо «совѣтныхъ людей», той или иной формы «Земскаго Собора». Когда этого нѣтъ—это

*) Моммсенъ. Римская исторія, часть I, гл. VI.

вѣрный признакъ начинающагося паденія единоличнаго верховенства. А между тѣмъ Земскій Соборъ—учрежденіе «демократическое». И однако, составляя для монархіи огромную потребность, онъ ничуть не даетъ верховной власти—демократіи.

Въ русской исторіи мы имѣемъ явленіе, когда, демократическая управительная сила, даже ставъ на минуту верховною, не измѣнила монархическаго верховенства. Смутное время совершенно разрушило монархію, которая даже не имѣла законнаго представителя. Политическая необходимость заставила прибѣгнуть къ дѣйствію народнаго самодержавія, для спасенія страны отъ враговъ внѣшнихъ. Чисто демократическое временное правительство освободило вооруженной силою столицу. Соборъ, созванный для возстановленія государственности, имѣлъ совершенно учредительныя права. Наконецъ въ сферѣ управительныхъ властей заявили себя такіе идеальные народные герои, какъ князь Пожарскій и гражданинъ Кузьма Миничъ Сухорукій. И что же? Мы видимъ, что не только эти всемогущія управительныя силы не захватили верховной власти, но что самъ соборъ употребилъ свою самодержавную роль только въ качествѣ служебной силы монархіи, и немедленно возстановилъ ее во всемъ ея самодержавіи.

Итакъ, одна потребность въ извѣстной управительной власти не создаетъ еще и не упраздняетъ монархіи. Для монархіи нужны, кромѣ случайныхъ потребностей политики, извѣстныя нравственно-психологическія условія. Въ нихъ вся сущность дѣла. Но тѣмъ не менѣе долгая практика извѣстнаго управленія можетъ постепенно подготовлять почву для той или иной верховной власти.

Поэтому потребность національной самообороны, и вообще, обстоятельства, требующія сосредоточенія власти и ея особой энергіи—благопріятны для учрежденія монархіи. Это происходитъ путемъ воспитанія народнаго ума и чувства въ привычкахъ и вкусахъ, благопріятныхъ для представленія себѣ единоличной власти, какъ верховной.

Но точно также и наоборотъ — практика демократическихъ началъ, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ посте-

нешю привить уму народа демократическій идеалъ народнаго самодержавія.

Примѣръ этого мы имѣемъ въ русской же исторіи. Совершенное ничтожество княжеской власти въ Великомъ Новгородѣ, ея отсутствіе, ея постоянная перемѣнчивость, при постоянно растущемъ и сравнительно совершенствующемся народномъ управленіи вѣча и посадниковъ, въ нѣсколько столѣтій воспитали уже принципъ, что «Великій Новгородъ воленъ и въ князьяхъ и въ посадникахъ». Новгородъ развилъ идею народнаго самодержавія настолько, что Москва только силой подавила эту идею и заставила признать Великаго Князя—«Государемъ».

Въ сосѣдней Польшѣ практика аристократическаго управленія мало-по-малу совершенно истребила идею монархической верховной власти и замѣнила ее идеей рѣчи посполитой—республики, въ которой король имѣлъ уже только служебную роль національнаго представительства, и главнаго руководителя общенаціональныхъ дѣлъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что по всей Европѣ практика абсолютизма чрезвычайно способствовала росту демократической идеи, подготовляя этимъ замѣну монархіи республикой или близкой къ ней такъ называемой «ограниченной» монархіи, которой ограниченность уже показываетъ, что она не есть власть верховная. Вообще практика внутренней политики—постепенно воспитывая въ народѣ любовь и довѣріе къ тѣмъ или инымъ принципамъ власти—несомнѣнно имѣетъ огромное значеніе для того, чтобы тотъ или иной изъ этихъ принциповъ получилъ мало-по-малу значеніе верховное, сначала въ умахъ, а затѣмъ и фактически.

XXII.

Политическая сознательность.

Изо всѣхъ областей соціальнаго творчества, государственность есть въ наибольшей степени область *сознательности*, она создается въ наибольшей степени дѣйствіемъ преднамѣренности и разсужденія человѣка. Поэтому на государственное строеніе, какъ въ хорошемъ такъ и въ дурномъ смыслѣ, имѣетъ огромное вліяніе все, что относится къ области разума: состояніе нашихъ знаній, логическая развитость, способность критической оцѣнки и т. д. Поэтому же для государственности народа огромное значеніе представляетъ глубина и характеръ развитія образованнаго класса, степень его образованія, степень развитія и самостоятельность науки данной страны.

Всякое начало власти, для существованія и дѣйствія, должно понимать, въ чемъ источникъ его силы, для того чтобы его хранить и развивать.

Такъ, напримѣръ, демократія, выражающая мнѣнія, духъ и стремленія количественной силы націи, естественно должна поддерживать всѣ условія, при которыхъ количественная сила большинства сохраняетъ способность преобладать надъ силой качественною или нравственно-идеальною. Масса народа въ демократіи должна быть какъ можно выше. Всѣ проявленія аристократіи умственной или какой бы то ни было — опасны для демократіи (какъ верховной власти). Господство надъ умами и совѣстью какого-либо всеобъемлющаго нравственнаго идеала, способнаго стать болѣе авторитетнымъ, нежели народная воля— столь же опасно. Политика уравненія — существенно необходима для сохраненія демократіи въ качествѣ власти верховной.

Аристократія, чтобы оставаться государственной верховною силой, должна и въ дѣйствительности поддерживать качественное превосходство свое. Одни привилегіи и фактическое господство не могутъ упрочить ея, и она должна въ политикѣ

своей преслѣдовать цѣль оставаться качественно высшей силой, какъ сословіе гражданское, военное или промышленное.

Въ свою очередь и монархія, для развитія и поддержанія своего, должна опираться на силы, именно ей свойственныя. Такъ, напримѣръ, и для монархіи нужна могущественная организація управленія, высокое технически, соединяющее единство дѣйствія съ совершенствомъ спеціальныхъ властей и т. д. Но прежде всего монархіи приходится заботиться о своей способности быть выразительницей высшаго нравственнаго идеала, а слѣдовательно заботиться больше всего о поддержаніи и развитіи условій, необходимыхъ для сохраненія въ народѣ этихъ высшихъ идеальныхъ стремленій, и тѣхъ условій, которыя для самого монарха наиболѣе облегчаютъ возможность чуять и наблюдать душу народную, чтобы быть всегда съ нею въ единеніи.

Исторія полна примѣрами паденія монархій, не сознающихъ первенствующей важности условій этого порядка. Извѣстно, какъ часто подрываетъ монархію допускаемая или даже раздѣляемая ея носителями распущенность придворныхъ нравовъ. Такъ же обычна ошибка—устремленіе всего вниманія на развитіе безусловности власти и организацію правительственнаго механизма въ такомъ направленіи, чтобъ эта централизованная правительственная машина могла взять на себя исполненіе всѣхъ жизненныхъ функцій націи. Между тѣмъ—эта идея правительственнаго всевластія есть именно глубоко демократическая и увлеченіе ею монархическими правительствами болѣе всего подготовило почву для соціальной демократіи.

Задача самосознанія всякаго политическаго принципа очень не легка, и въ полной мѣрѣ даже невозможна безъ той усовершенствованной и вооруженной умственной работы, которую называютъ научною. Только такая работа выясняетъ націи и самимъ правителямъ—что въ текущей жизни должно приписать данному принципу, его содержанію и вытекающей изъ него внутренней логикѣ развитія, и что лишь внѣшне привносится къ нему исторической средой, случайными условіями внутренней или внѣшней политики.

Если мы плохо знаемъ внутреннюю логику развитія даннаго принципа власти, а познаемъ его только по внѣшнимъ проявленіямъ, то мы будемъ относить на счетъ его собственнаго содержанія многое, на самомъ дѣлѣ ему чуждое или даже ему противное, созданное не имъ, а только при немъ и вопреки ему. Наоборотъ, мы можемъ приписать ему многое благотворное, что въ дѣйствительности вовсе не имъ создано.

Вообще *для сознательнаго дѣйствія мы должны знать не одну историческую практику, но самый идеалъ даннаго принципа*, его внутреннее содержаніе, должны знать не только то, что имъ или при немъ сдѣлано, но главнѣе всего то, что онъ способенъ сдѣлать по своему внутреннему содержанію. Мы также должны знать обстановку, необходимую для полнаго развитія его созидательныхъ способностей, понять—что ему помогаетъ или мѣшаетъ дѣйствовать. Этотъ рядъ вопросовъ разрѣшаетъ задачи: что должно дѣлать, чего должно избѣгать, что составляетъ обязанность власти и что, наоборотъ, нарушеніе ея обязанностей, каковы наилучшія средства дѣйствія, сообразныя ея природѣ. Въ разрѣшеніи всего этого удача зависитъ отъ степени самопониманія, сознательности даннаго принципа власти, какъ въ ней самой, такъ и въ націи.

Наука имѣетъ, поэтому, огромное значеніе для политическаго творчества. И недостаточно, для разумности ея вліянія, чтобы она обладала средствами общечеловѣческаго научнаго наблюденія. Наука должна быть, сверхъ того, самостоятельной, непосредственно наблюдать свою страну. Именно огромное значеніе доктрины, теоріи и вообще идеи для политическаго творчества можетъ сдѣлать вліяніе несамостоятельной науки крайне вреднымъ и роковымъ. Въ области идеи легче всего заимствованіе, ибо наука общечеловѣчна. А между тѣмъ доктрина чужая можетъ исходить изъ совершенно иной комбинаціи условій. Не соотвѣтствуя условіямъ данной націи, доктрина можетъ однако вліять на ея разсудокъ и приводить къ дѣятельности совершенно нецѣлесообразной.

Все это относится и къ монархическому принципу. Когда имѣются органическія условія, его выдвигающія, это лишь на-

чало, исходный пунктъ развитія монархіи. Религіозное міросозерцаніе націи пораждаетъ инстинктивное стремленіе къ монархической власти. Органическія соціальныя условія даютъ многое для ея устроенія. Но всѣмъ этимъ должно еще разумно воспользоваться, при помощи сознательности, и знанія дѣйствія политическихъ силъ. Значеніе сознательности и ея недостатка—въ высшей степени велико; политическій разумъ есть такая громадная сила, что можетъ бороться даже съ сильнѣйшими вліяніями органическихъ и психологическихъ условій—въ пользу или во вредъ націи и ея государственности.

Должно замѣтить, что въ исторіи значеніе этой научной сознательной мысли приносило не только много благъ, но едва ли не чаще еще было вредно, вслѣдствіе, того что наука соціальная и государственная — этотъ цвѣтъ человѣческихъ знаній, доселѣ была и остается на очень низкой степени развитія, не овладѣла еще полнотой своего предмета, и чаще знаетъ частности явленій, нежели ихъ основы, вслѣдствіе чего—недостатокъ знанія замѣняется въ обобщеніяхъ гипотезами, большей частью крайне слабыми. А между тѣмъ ошибочная научная мысль и ошибочное сознаніе производятъ на умы и творчество въ политикѣ не меньше вліянія, чѣмъ правильныя. Правильное или ошибающееся сознаніе всегда представляетъ могущественную силу, полезную или вредную, но—силу. Ея роль въ исторіи государственности была громадна съ тѣхъ поръ, какъ явилось у людей идея государственности.

XXIII.

Разновидности монархической власти.

Подъ вліяніемъ различной комбинаціи перечисленныхъ условій появляется, развивается, крѣпнетъ или упадаетъ монархическая власть. По разнообразію этихъ условій, она естественно представляетъ немало разновидностей, которыя въ мелочныхъ оттѣнкахъ очень многочисленны. Но въ наиболѣе существенныхъ чертахъ, въ міровой исторіи играли роль три разновидности монархическаго принципа.

Изъ нихъ, собственно, одинъ основной, идеальный, истинно монархическій. Два другіе представляютъ его извращеніе.

Говоря о чистомъ, идеальномъ, типѣ какой бы то ни было формы верховной власти, я подразумѣваю подъ этимъ тотъ типъ, который вполнѣ выдержанъ въ своемъ смыслѣ и содержаніи. Всякая власть имѣетъ свои сильныя стороны, и онѣ дѣйствуютъ тѣмъ лучше, чѣмъ болѣе обладаютъ своими собственными свойствами, не ослабляясь ни какими-либо урѣзками ни вторженіемъ дѣйствія другихъ элементовъ, съ противуположными свойствами. Въ этомъ смыслѣ истинная монархія можетъ быть только одна. Это именно есть та монархія, въ которой одно лицо получаетъ значеніе верховной власти: не просто вліятельной силы, а власти верховной. Это же можетъ случиться, во вполнѣ чистомъ видѣ, только при одномъ условіи: когда монархъ, внѣ сомнѣнія для націи и самого себя, является назначеннымъ на государственное управленіе отъ Бога.

Власть монарха возможна только при народномъ признаніи, добровольномъ и искреннемъ. Будучи связана съ Высочайшей силой нравственнаго содержанія, наполняющаго вѣру народа и составляющаго его идеалъ, которымъ народъ желалъ бы наполнить всю свою жизнь, — монархическая власть является представительницей не собственно народа, а той высшей силы, которая есть источникъ народнаго идеала.

Признавать верховное господство этого идеала надъ своей государственной жизнью нація можетъ только тогда, когда вѣрить въ абсолютное значеніе этого идеала, а стало быть возводитъ его къ абсолютному личному началу, т. е. Богу. Истекая изъ человѣческихъ сферъ—идеалъ не былъ бы абсолютенъ. Истекая не изъ личнаго источника — онъ не могъ бы быть нравственнымъ. Такимъ образомъ—желая подчинить свою жизнь нравственному началу, нація желаетъ подчинить себя Божественному руководству, ищетъ верховной власти Бога.

Это составляетъ необходимое условіе для того, чтобы Единоличная власть перестала быть делегированной отъ народа и могла стать делегированной отъ Бога, а потому совершенно независимой отъ человѣческой воли, и отъ какихъ-либо на-

родныхъ признаній. При этомъ единоличная власть становится верховною.

Но для того, чтобы она могла быть дѣйствительна верховной властью Божественнаго нравственнаго начала—эта монархія должна быть создана истинной вѣрой, вѣрой въ истиннаго, дѣйствительно существующаго Бога.

Религія, связанная съ истиннымъ Богопочитаніемъ, открываетъ людямъ дѣйствительныя цѣли ихъ жизни, открываетъ природу человѣка и дѣйствіе Промысла, указываетъ несомнѣнныя основы соціальной жизни, и всѣмъ этимъ подготовляетъ среду, въ которой можетъ дѣйствовать государственность, подчиненная верховенству нравственнаго идеала. Когда все это имѣется — можетъ возникать истинная, идеальная монархія. Тутъ монархъ — не деспотъ, не самовольная власть, руководствуется не своимъ произволомъ, и властвуетъ не для себя, и даже не по своему желанію, а есть Божій Слуга, всецѣло подчиненный Богу на своей службѣ, подобно тому, какъ и каждый подданный, въ своемъ долгѣ семейномъ и общественномъ, исполняетъ извѣстную малую миссію, Богомъ назначенную. Такъ и монархъ несетъ въ своемъ царствованіи лишь службу Богу.

Такой власти народъ подчиняется безгранично, въ предѣлахъ ея Божія служенія, т. е. пока монархъ не заставляетъ подданнаго нарушать воли Божіей и, слѣдовательно, перестаетъ самъ быть слугой Бога. За этой же оговоркой—верховная власть монарха безгранична. Это не значитъ, чтобы народъ отдавалъ ему свою, народную, власть. По теоріямъ государственнаго абсолютизма, верховная власть Государя зависитъ отъ того, будто бы народъ отрекся, въ его пользу, отъ своей верховной власти. Это невѣрно. Народъ отказывается отъ практики своей власти не въ пользу монарха, а въ пользу Бога, т. е. просто отлагаетъ въ сторону свою власть, и требуетъ надъ собой власти Божіей. Для конкретнаго же исполненія этой власти Божіей въ государственности—Богомъ создается монархъ.

Въ народѣ, обладающемъ истинной вѣрой, имѣется особо важное обстоятельство, при которомъ только и возможна идеаль-

ная монархія. Дѣло въ томъ, что Богъ пребываетъ съ народомъ, вѣрующимъ въ Него. Онъ пребывалъ съ Израилемъ. Онъ пребываетъ съ христіанской церковью, съ совокупностью вѣрующихъ. Этому Богу, пребывающему въ народѣ, служитъ монархъ. То же, что называется духомъ народа, въ данномъ случаѣ выражаетъ настроеніе, требуемое самимъ Богомъ. Такъ служеніе Богу совпадаетъ у монарха съ единеніемъ съ народнымъ духомъ. Этой полной независимостью отъ народной воли и подчиненностью народной вѣрѣ, духу и идеалу—характеризуется монархическая власть, и этимъ она становится способною быть верховною.

Въ историческомъ конкретѣ, народный идеалъ жизни, а стало быть и управленія, создается двумя условіями: во 1-хъ, онъ вытекаетъ изъ области религіозно-метафизической, во 2-хъ изъ области той практической жизни, въ которой люди даннаго народа примѣняютъ на практикѣ свои понятія о правдѣ и ихъ сообразуютъ съ необходимостью, съ условіями изъ области соціальной жизни. Подъ вліяніемъ этихъ двухъ категорій явленій вырабатывается народный нравственный типъ, народный нравственный идеалъ борца, героя и дѣятеля. Носителемъ этого идеала и является единоличная Монархическая власть.

Въ виду различія практическихъ условій, среди которыхъ вырабатывается этотъ идеалъ Царя, въ виду оттѣнковъ нравственныхъ понятій, и самыхъ способовъ появленія Царской власти, монархія можетъ представлять многочисленные оттѣнки. Въ одномъ случаѣ въ ней можетъ преобладать вліяніе соціальнаго строя, въ другомъ—религіозное, въ третьемъ — по преимуществу борьбы международной и т. д. Эти различія, не устраняющія совокупности всѣхъ элементовъ, создающихъ монархическую верховную власть—не препятствуютъ ни одному изъ такихъ конкретныхъ типовъ монархіи принадлежать къ числу истинныхъ, чистыхъ, идеальныхъ проявленій Монархическаго принципа. Но есть два проявленія монархическаго начала, качественно отличныхъ отъ монархіи истинной, и потому являющихся ея искаженіемъ.

Это два очень распространенные типа: 1) *Монархіи деспотической* и 2) *Монархіи абсолютной.*

Монархія деспотическая, или Самовластіе, отличается отъ истинной Монархіи тѣмъ, что въ ней воля монарха не имѣетъ объективнаго руководства. Въ Монархіи истинной воля монарха подчинена Богу, и притомъ очень ясно. Она имѣетъ своимъ руководствомъ Божественное ученіе, нравственный идеалъ, ясный долгъ, и все это существуетъ не только какъ ученіе, но и какъ реальное содержаніе народной души, съ которой пребываетъ самъ Богъ. Посему въ истинной монархіи произволъ Верховной Власти принципіально невозможенъ. Фактически, конечно, онъ возможенъ, но какъ исключительное и недолговременное явленіе. Его существованію противодѣйствуютъ всѣ силы, какими живетъ нація и самъ Монархъ.

Но есть монархіи, которыхъ личная верховная власть основана на ложныхъ религіозныхъ концепціяхъ, и онѣ тогда порождаютъ изъ этой личной власти произвольную, то-есть деспотическую. Зависитъ это отъ того, что эти ложныя религіозныя концепціи связаны или съ личнымъ обожествленіемъ монарха, или съ божествомъ, сознаваемымъ только какъ нѣкоторая огромная сила, безъ нравственнаго содержанія, и не живущая въ самой душѣ людей, составляющихъ данную націю.

Понятно, что при личномъ обожествленіи монарха, онъ не имѣетъ никакого внѣшняго закона своей воли. Что онъ хочетъ—то и есть законъ, не имѣющій другихъ мотивовъ, кромѣ его желанія, не имѣющій никакихъ мѣрилъ, не допускающій никакой критики и провѣрки. Это—власть Верховная, но совершенно произвольная.

Равнымъ, образомъ въ этомъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи о какомъ-либо нравственномъ единеніи Власти съ подданными. Оно можетъ возникнуть случайно, но не предполагается и невозможно какъ правило. Самъ монархъ объ этомъ не заботится, а подданные даже не могутъ знать заранѣе, что именно пожелается ихъ повелителю.

При концепціи нѣкотораго невѣдомаго, всесильнаго боже-

ства, которое выдвигаетъ данную личность во владыку народа—получается также Власть Верховная. Но она также деспотична, ибо содержаніе и направленіе воли божества, покровительствующаго монарху, и заставляющаго всѣхъ ему подчиняться, остается неизвѣстнымъ, и ничего не говоритъ совѣсти и разуму народа.

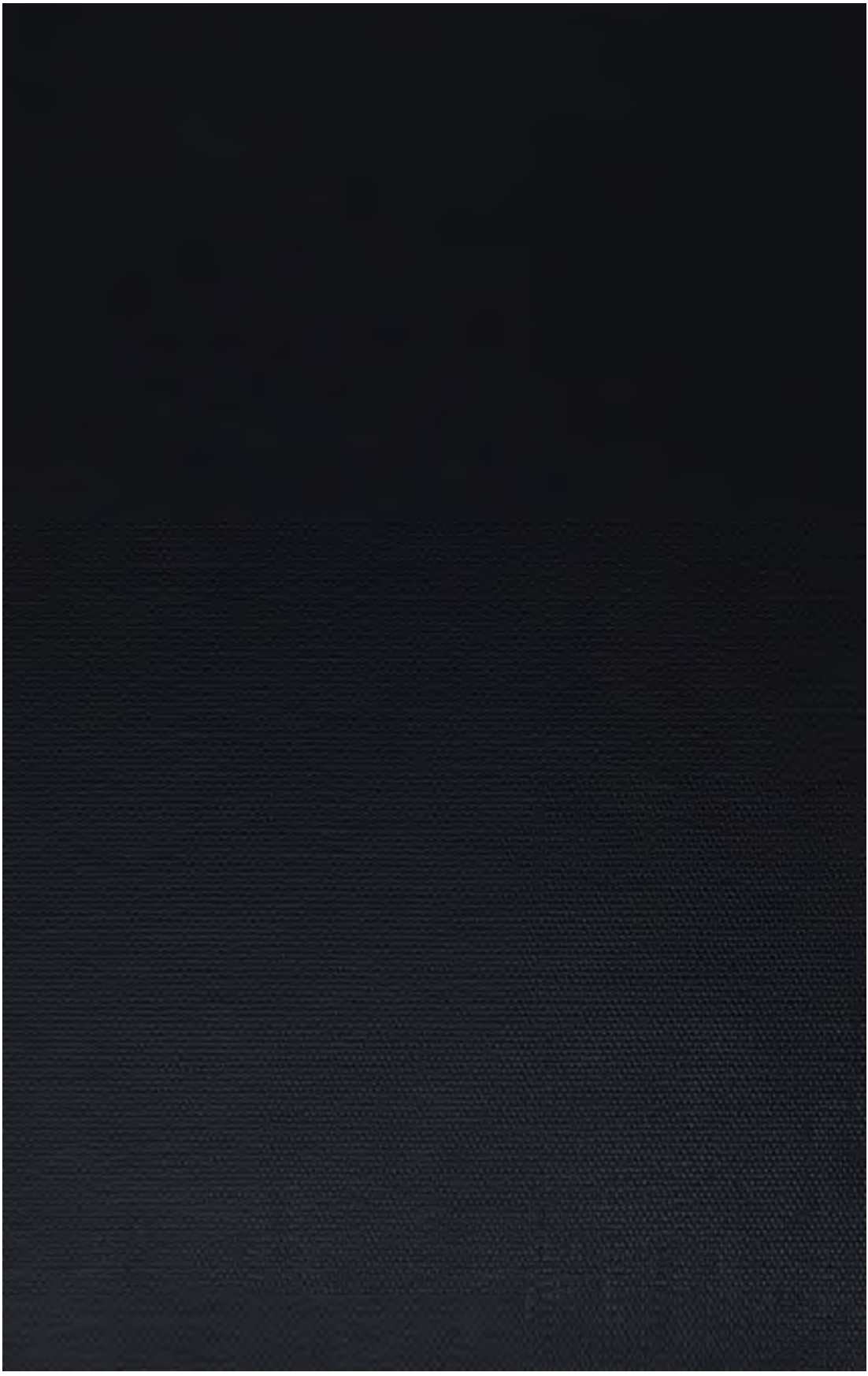
При этой формѣ Власти какое-либо тѣсное общеніе Монарха съ народомъ также нимало не предполагается принципіально необходимымъ. Народъ не является мѣстомъ храненія идеала, божество не обитаетъ въ душахъ людей. Это невѣдомое божество, не родственное людямъ, не составляющее источника ихъ нравственнаго міра, является въ отношеніи ихъ только силой, которой они покоряются поневолѣ, изъ страха, по сознанію невозможности сопротивляться. Разъ эта невѣдомая сверхчеловѣческая сила поставила надъ людьми Повелителя-Монарха, остается только рабски повиноваться ставленнику, пока невѣдомое божество само его не уничтожитъ и не замѣнитъ другимъ деспотомъ.

Кромѣ этой деспотической монархіи, есть еще одна очень распространенная форма монархіи, такъ называемая, абсолютная.

Монархія истинная, то-есть представляющая верховную власть нравственнаго идеала,—неограничена, но не абсолютна. Она имѣетъ свои обязательныя для нея начала нравственно-религіознаго характера, во имя которыхъ только и получаетъ свою законно-неограниченную власть. Она имѣетъ власть не въ самой себѣ, а потому и не абсолютна. Властью абсолютною обладаетъ только та сила, которая ни отъ чего, кромѣ самой себя, не зависитъ, истекаетъ изъ самой себя. Таковой является власть демократическая, которая есть выраженіе народной воли, властной по тому самому факту, что она есть воля народа, власть сама изъ себя происходящая, и тѣмъ самымъ абсолютная.

Абсолютизмъ, какъ по смыслу понятія, такъ и по смыслу историческаго факта, означаетъ власть ничѣмъ не созданную, ни отъ чего, кромѣ самой себя не зависящею, ничѣмъ, кромѣ

самой себя, не обусловленную. Когда народъ сливается съ государствомъ—власть государственная, выражая самодержавіе народа, дѣлается абсолютною. Это не форма правленія, но его характеръ, свойство, подобно тому, какъ «либерализмъ» или «деспотизмъ». Абсолютизмъ, какъ *тенденція*, фактически можетъ проявляться при всѣхъ началахъ власти, но лишь—по недоразумѣнію или злоупотребленію. По духу же своему, по природѣ, абсолютизмъ свойствененъ только демократіи, ибо народная воля, ничѣмъ кромѣ самой себя не обусловленная, создаетъ власть абсолютную, такъ что если народъ сливается съ государствомъ, то и власть послѣдняго становится абсолютною.

Государство, сливаясь съ массой, не признающей надъ собою, по нравственному состоянію своему, никакой власти выше собственной массовой силы — абсолютно по природѣ. Если всѣ, имѣющіяся въ государствѣ средства дѣйствія и управленія, передаются одному лицу, то это лицо становится обладателемъ власти абсолютной, суммою всѣхъ государственныхъ властей. По единоличности такой формы власти она считается и называется монархіей. Однако въ сущности это вовсе не монархія, а нѣкоторая диктатура.

Тутъ монархъ обладаетъ всѣми властями, всѣ ихъ въ себѣ сосредоточиваетъ, но Власти Верховной не представляетъ. Всѣ власти, у него сосредоточенныя, суть власти народныя, ему только переданныя временно или на вѣки, или наслѣдственно. Но какъ бы ни давалась эта власть — она все-таки есть народная, по тому самому, что она абсолютна. Если бы это была власть Божественная, она не могла бы быть абсолютною, ибо подчинялась бы Богу и истекала бы отъ Него. Но если она не Божественная, то и не можетъ быть верховною надъ народомъ. Народъ отъ своего верховенства не можетъ отказаться, такъ какъ оно составляетъ часть его природы, а можетъ только подчиниться какой-либо высшей, нежели онъ, силѣ. Но одинъ человѣкъ не можетъ быть сильнѣе его. Народъ можетъ ему довѣрить, делегировать свою власть, но сама эта власть, какъ свойство, какъ элементъ, принадлежитъ все таки народу и, слѣдовательно, онъ, если вздумается, всегда